

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

1 (35) 2019
ISSN 2411-8753

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және
АЙМАҚТАНУ» сериясы

Алматы
«Полилингва» баспасы
2019

© «Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті» Акционерлік қоғамының «Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы-Известия» ғылыми журналының «Халықаралық қатынастар және аймақтану» сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Тіркелу куәлігі 10.04.2015 жылғы № 15196-Ж

Бас редактор

Құнанбаева С.С., филология ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР ҰҒА академигі, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор

Шаймарданова З.Д., тарих ғ.д., доцент, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Шығарылымға жауапты

Исалиева А.М., магистр, оқытушы, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Редакция алқасы мүшелері

Әбсаттаров Ғ.Р., саяси ғ.к., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Байсұлтанова К.Ш., саяси ғ.к., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Бүлекбаев С.Б., филос.ғ.д., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Галиев А.А., т.ғ.д., профессор, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Мукан С., PhD, Халықаралық бизнес университеті, Алматы,
Қазақстан

Шабаль П. (Chabal P.), PhD, Гавр Университеті, Франция / Le
Havre University, France, Гавр, Франция

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Вайкато Университеті, Жаңа
Зеландия / Waikato University, Hamilton, New Zealand

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-ті, Прага, Чех Республикасы,
Charles University, Prague, Czech Republic

МакКленнен S. (McClennen S.), PhD, Пенсильвания Университеті,
Филадельфия, АҚШ/ University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

shaimardanova.z@ablaikhan.kz

© Научный журнал «Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение» Акционерного общества «КазУМОиМЯ имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 15196-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор

Кунанбаева С.С., ректор КазУМОиМЯ им. Абылай хана, доктор филологических наук, академик НАН РК, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Шаймарданова З.Д., д.ист.н., доцент, КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Ответственные за выпуск

Исалиева А.М., магистр, преподаватель, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Абсаттаров Г.Р., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Байсултанова К.Ш., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Булেকбаев С.Б., д.филос.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Галиев А.А., д.и.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Мукан С., PhD, Университет международного бизнеса, Алматы, Казахстан

Шабаль П. (Chabal P.), PhD, Университет Гавра, Франция / Le Havre University, France, Гавр, Франция

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Университет Вайкато, Новая Зеландия / Waikato University, Hamilton, New Zealand

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-т, Прага, Чешская Республика, Charles University, Prague, Czech Republic

МакКленнен S. (McClennen S.), PhD, Пенсильванский Университет, Филадельфия, США / University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

© Scientific journal «Bulletin» of Ablai khan KazUIR&WL. Series «International Relations and Regional Studies» of JSC “Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages” is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Certificate N 15196 – G, 10.04.2015.

Editor in chief

Kunanbayeva S.S., *Doctor of Philology, Professor, Academician of NAS of the RK, Almaty, Kazakhstan*

Executive Editor

Shaymardanova Z.D., *d. of hist. sc., associate professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Responsible for issue

Isakiyeva A.M., *master, teacher, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Editorial team members

Absattarov G.R., *cand.of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Baysultanova K.Sh., *cand.of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Bulekbaev S.B., *d. of philos.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Galiev A.A., *d. of hist.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Mukan S., *PhD, UIB, Almaty, Kazakhstan*

Chabal P., *PhD, Le Havre University, France*

Horak S., *PhD, Charles University, Prague, Czech Republic*

McClennen S., *PhD, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA*

МАЗМҰНЫ/СОДЕРЖАНИЕ/CONTENT

I БӨЛІМ. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ САЯСИ ӨМІР

РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

PART I. INTERNATIONAL RELATIONS AND POLITICAL LIFE

Уильямс Дж. Украинадағы қазіргі қақтығыстар өркениеттер қақтығысының үлгісі ме?	7-19
Williams J. Is the current conflict in Ukraine an example of a clash of civilisations?.....	7-19
Игибаева М. Қытай мен Қазақстанның Шанхай Ынтымақтастық Ұйымы аясындағы қатынастар	20-29
Igibayeva M. China and Kazakhstan relationships at Shanghai Cooperation Organization	20-29
Искалиев М.Д. Тәуелсіздік дәуірі және әлеуметтік-экономикалық прогресс	29-36
Iskaliyev M. D. Era of independence and social and economic progress	29-36
Макаренко А.С. Исследование влияния прямых иностранных инвестиций на рост экономики Казахстана	36-44
Makarenko A.S. The impact of fdi on the growth of Kazakhstan's economy	36-44
Муратова Р.А., Жугралина Б.М. Нормативно-правовые основы антимонопольного регулирования	44-52
Muratova R.A., Zhugralina B.M. Normatively-legal bases of antimonopoly adjusting	44-52

II БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ БОЙЫНША ЗЕРТТЕУЛЕР

РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕГИОНОВЕДЕНИЮ

PART II. REGIONAL STUDIES RESEARCH

Күлтаев С. Регулирование механизмов реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути»	53-58
Kultayev S. «Silk Road Economic Belt»»: regulation of mechanisms' implementation.....	53-58
Maulen A.B. The role of Turkey in the education system of Central Asia	58-68
Маулен А.Б Түркияның Орталық Азиядағы білім беру жүйесінің рөлі	58-68
Aliyeva A.B. Overseas Chinese as agents of China's influence in Southeast Asia	68-72
Алиева А.Б. Хуацяо Оңтүстік-Шығыс Азиядағы Қытай ықпалының өткізгіштері ретінде	68-72

III БӨЛІМ. ШЕТЕЛДІК ҒАЛЫМДАРДЫҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

РАЗДЕЛ III. ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

PART III. RESEARCHES OF FOREIGN SCHOLARS

Анварова Д.Е. Қазақстан Республикасының өнеркәсіп құрылымының рационализациясы және экономикалық өсімнің өзара байланысы	73-80
Anvarova D.E. The relationship of the industrial structure rationalization and economic growth of Kazakhstan	73-80
Джусубакунова Г.К. Анализ эмпирического исследования налогового бремени, влияющего на эффективность бизнеса, и его решение	81-86
Dzhusubakunova G.K. Analysis of the empirical study of the tax burden affecting business performance, and its solution	81-86

Сафаров Ф.У. Измерения интеграции торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии	86-98
Safarov F.U. The measurement of trade integration between China and five Central Asian countries	86-98

IV БӨЛІМ. ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
РАЗДЕЛ IV. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
PART IV. RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

Зарлык Б. Правовые основы обеспечения сотрудничества Казахстана с России....	99-103
Zarlyk B. Legal framework for the cooperation Kazakhstan with Russia	99-103
Смаилов А.С. Динамика двустороннего сотрудничества Казахстан – Венгрия...	103-111
Smailov A.S. Dynamics of bilateral relations Kazakhstan – Hungary...	103-111
Халимзай М. Опыт Франции в рамках проведения политики мульти- культурализма	112-117
Khalimzai M. The experience of France within the framework of the policy of multiculturalism	112-117
Хасанай А. Влияние пантюркизма на политику Турции начала XX и XXI вв...	118-124
Khasanai A. The effect of panthurkism on the Turkish policy in the beginning of the XX and XXI centuries	118-124
Избасар А. Государственная политика по модернизации системы высшего образования Республики Казахстан	124-128
Izbassar A. Public policy on modernization of the higher education system in Kazakhstan	124-128
Макулбаев А.А. Присутствие и влияние китайской диаспоры в юго-восточной Азии	129-133
Makulbayev A.A. The presence and influence of Chinese diaspora in Southeast Asia...	129-133
Смирнова Е.А. Иран Ислам Республикасының және Америка Құрама Штаттарының қарым-қатынасы және сыртқы саясат курсына қатысу	133-139
Smirnova Y.A. Relations of the Islamic Republic of Iran and the United States of America and their influence on the US foreign policy	133-139
Жоламанова А.Ж. Еуропадағы бірыңғай бірегейлікті қалыптастыру мәселелері..	139-145
Zholamanova A.Zh. Problems of forming single identity in Europe	139-145

1 БӨЛІМ. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕСАЯСИ ӨМІР
РАЗДЕЛ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
PART I. INTERNATIONAL RELATIONS AND POLITICAL LIFE

UDC 327
IRSTI 11.24

**IS THE CURRENT CONFLICT IN UKRAINE AN EXAMPLE OF A CLASH OF
CIVILISATIONS?**

Joseph Williams¹

¹MA in Diplomacy and Religion

Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages Seminar

Teacher / Manchester University,

Almaty, Kazakhstan, joe_tom_w@hotmail.co.uk

This article looks at the 2014 conflict in Ukraine through the scope of two different theories to determine the cause: the fighting as a result of cultural differences coined by Samuel Huntington, or socio-economic discrimination, per Dieter Senghaas. These models will first be theorised, and then applied to the conflict itself to verify which one is more appropriate. The cultural differences denoted in this essay will be categorised on a civilisational level, whereas socio-economic discrimination will be observed mainly in the form of a power dynamic. In addition to the main exposition, recognition of one community to the other will also be discussed, and how significant it is for one group to recognise the demands of another.

Keywords: conflict, Ukraine, Russia, civilisations, culture, discrimination, socio-economic, recognition,

Introduction

Ukraine is a diverse country, mainly consisting of Ukrainians and Ethnic Russians. According to the 2001 census, the total population of Ukraine was 78.7% Ukrainian and 17.3% Russian with 5.0% formed from other ethnic groups [1]. Since the fall of the Soviet Union in 1989, the percentage of Russians in Ukraine has decreased while the percentage of Ukrainians has increased [1] Although Russians form just a small portion of the population, there are Ukrainians that have pro-Russian inclinations.

The conflict in Ukraine began in late 2013 when talks for Ukraine to join the European Union were suspended by then-president Viktor Yanukovych. This suspension was met with outrage by the pro-European contingent of Ukraine who were keen for Ukraine to increase its economic ties with other European countries. The motive for Yanukovych suspending talks with the European was implicit: Yanukovych's foreign policy was favourable towards Russia and much of his support was drawn from the pro-Russian

population who were also advantaged because of his policies. In early 2014, as an act of defiance by pro-European Ukrainians against the suspension of the EU talks, Yanukovych was ousted from government and subsequently fled the capital, Kiev [2]. Although the capital consisted of a mainly pro-European contingent, some parts of Ukraine's population swore allegiance to the major power in the region: Russia. This support was especially true in the east and south of Ukraine and the Crimea, which was once part of Russia under the Soviet Union until 1954 [2].

Even though the situation in Ukraine has become a cold conflict, the tensions that are present could easily lead to a resurgence in violence between the government forces of Ukraine and pro-Russian separatists. Eastern Ukraine, because of the conflict, has devolved into two republics which claim self-autonomy from the rest of Ukraine; the People's Republic of Luhansk and the People's Republic of Donetsk [3]. The Crimea took an even more pro-Russian stance and voted to become a part of Russia after a short campaign by pro-Russian forces [4]. The Crimea was the only place in Ukraine where ethnic Russians were the majority [5].

In this essay, I will be analysing the theoretical models of both Samuel Huntington and Dieter Senghaas and how applicable these might be to the conflict in Ukraine. The use of other sources will also be used as a means of reviewing the frameworks used. In addition to this, understanding how recognition might be used as a means of dealing with the conflict; a definition of this will also be necessary. This process should help me to come to the normative conclusion of whether the conflict in Ukraine is a clash of civilisations.

The West and the Orthodox East: The Clash of Civilisations

The 'clash of civilisations' model was coined by Samuel Huntington as he considered how conflict might be fought in the post-soviet era. Huntington argues that even if nation states are still the key players on the global stage in the future, conflicts that will dominate the near future will be between civilisations and caused by differences in culture [6]. Huntington notes the link between culture and civilisation as being: "Culture and cultural identities, which at the broadest level are civilizational identities, are shaping patterns of cohesion, disintegration, and conflict in the post-Cold War World" [6]. The civilisations of the world, being seven or eight in total, are the broadest form of identity. They act as the most powerful binding agent that a community can experience. The cause of conflicts between civilisations would be not only because of the commonalities shared between nations and groups, but also by the stark differences in culture between civilisations [6]. These have been formed through the centuries and each civilisation has its own distinct characteristics.

One facet of the ‘clash of civilisations’ model is the understanding of modernisation and the impact that this has on the civilisations of the world. The West has often been understood as the creators of modernism, bringing about changes in the political, economic, and social realms. Despite modernism being a Western construct, modernisation only occurred relatively recently in the history of the Western civilization [6]. Huntington makes the case that modernisation of the world will not lead to less conflict; he argues quite the contrary [6]. The cultural qualities that are distinct in each civilisation are still evident despite modernisation occurring. Due to the spread of modernism, non-Western civilisations have been challenged in how they might respond to such significant changes; syncretise Western norms into their own form of culture or oppose them. Huntington criticises the idea that the world will eventually become a singular Westernised entity and this notion is only prevalent in the Western world but no other civilisations [6]. Because Western modernisations is particular to one civilisation, it seems a fallacy speak of civilisations being Westernised in a holistic way.

Russia throughout history has often faced the problem of how it might respond to the prospect of westernisation. Huntington notes that communication between the West and Russia was not ubiquitous during the time that the defining characteristics of the West were realised in the seventeenth and eighteenth century [6]. This in effect means that Russia’s version of development as part of a civilisation throughout has been substantially different to that of the West. Despite a concerted effort to implement Western norms to Russia by various actors in history, it was rejected as a whole. Huntington maintains that the differences between Russia and the West are wider than during the era of the Soviet Union and the West [6]. If this is the case, after the collapse of the Soviet Union, Russia may have sought to assert its traditional Orthodox values that are distinct from the values of the West. R. W. Cox reasons that Russia is opposed to the West because its society invokes a different narrative of history that embraces absolutes [7]. The beliefs and understandings, although parallel to the Western interpretation of history, are opposed to Western civilisation’s version of cultural identity.

The role of core states in a civilisation is important when considering the relationship between Russia and Ukraine. Core states can be understood to be the main representative of a civilisation and its identity [6]. These states cause less powerful states to gravitate more towards the values and traits of the core state and cause a greater union within the civilisation. The closer a member state is drawn into a core state, conversely, the further away it is drawn from other civilisations. This also highlights that more narrow

forms of identity will become less significant in the forming of identity as core states and member states realise their culturally similar aspects. Russia, being the core state of the Orthodox civilisation, because of its power, causes other states such as Ukraine to be drawn into a greater relationship on a civilisational level. This consequentially causes parts of Ukraine to become more hostile to the West. One may even argue that such is the influence of Russia in the Orthodox civilisation, the principles of Russian culture are almost synonymous with those of the Orthodox civilisation. In this vein, to be pro-Russian is to be pro-Orthodox.

Huntington, when reflecting on the role of core states in a conflict, makes the case that conflicts between core states from different civilisations do not have to be directly involved in conflict [6]. Core states can become involved in conflict between two local groups who are from different civilisations. By defending the interests of a local group of the same civilisation, the core state is in concert defending the interest of the civilisation. Russia's soldier deployment in the war is minimal and the West's core states, such as Britain and the US, supplied aid to the Ukrainian government forces [8]. Many civilians in Russia believe that the conflict in Ukraine is a region where the West is seeking to assert its position and as a reaction, Russians and pro-Russian Ukrainians strengthen their own ties of identity [9].

Conflict along fault lines is a key theme in Huntington's model and explains the geographical nature of division between civilisations. This also makes fault-lines the boundaries between opposing cultures. Within these fault-lines, cultural norms can vary significantly within a short distance. This is an alternative theory to communal wars where wars would be fought traditionally between nations. Huntington makes the case that fault-lines can contain groups that have separate geographical locations or groups that intermix which can create a blurring of a fault-line [6]. Because of this, the fault-lines between civilisations are not considered to be acute, obvious lines that can be drawn on a map; they do still exist however.

The East and the West have often interacted with one another throughout history. Some instances have been peaceful but many have resulted in conflict. Huntington in his work briefly profiles the position of Ukraine along the fault-line between the Orthodox and Western civilisations. Having been part of both European and Russian kingdoms in different eras, he posits that the fault-line in Ukraine runs through the country itself, separating east from West [6]. Huntington argues that a possible outcome of a conflict in Ukraine is that the country will be split in two; the West of Ukraine will adopt the values of Western civilisation while the east and the Crimea merge with Russia and maintain their Orthodox inclinations [6]. The conflict in Ukraine today appears to be staged along the boundary between the east

and the West, with each side being supported by the actors of the civilisation that they are affirming. With the Crimea now being annexed by Russia and the eastern districts of Luhansk and Donetsk forming their own republics, it is possible to imagine Ukraine being split along a rough geographical fault-line, as Huntington predicted.

An important feature in this profile is the religious nature on either side of the fault-line; the east being adherents of Orthodox Christianity and the West belonging mainly to a Catholic or Protestant tradition respectively. Following the collapse of the Soviet Union, it is the difference between denominations that helps to form the new fault-line between the east and the West. Religion, according to Huntington, can be the most influential component of culture identification [6]. One of the main tenets of fault-line wars compared to traditional communal wars is conflict can be between different religious traditions [6]. In terms of Russia's religious heritage, it has remained consistently Orthodox for during most of its time as part of a civilization [6]. This means that a large part of the identity of the Orthodox civilisation can be drawn from Orthodox Christianity itself. This means that Orthodox Christianity has been a powerful element in cultural cohesion throughout much of the age of the Orthodox civilisation, and makes it an even more potent force if threatened, particularly from external sources.

Many of the population of Western Ukraine are followers of the Uniate Church. This differs from traditional forms of Orthodoxy because it adopts a more Western, Catholic form of Christianity. This differing of religious tradition could be seen as a major point of contention between pro-European and pro-Russian Ukrainians because religion is one of the main features that has shaped both civilisations. Due to this manifestation, religious tensions could play a role in the dynamic of the conflict of Ukraine.

Ukraine and economic models: Clash within civilisations

Dieter Senghaas' work came in the light of a response to the popularity of Huntington's writings on civilisations and so some of his efforts are a critique of the 'clash of civilisations' model. Senghaas' model for conflict revolves more around socio-economic factors more than cultural division in of itself. He defends this assertion by suggesting that cultural divisions are not what initiate conflict even if they can play a role during it [9]. Socio-economic discrimination from one group to another can perpetuate the problem of conflict. This in turn affects the cultural and political levels in how groups operate. In finding the reason for the conflicts that Huntington mentions, Senghaas suggests, "socio-economic problems with no prospects of a solution are more important" [9].

In his model, Senghaas argues that minority groups and the oppression of them is the main cause of conflict [9]. Not only this but such subjection

can be observed empirically around the world while the cultural context can be interchanged between different conflicts. He suggests that because of the limited position that minority groups may have in a region both economically and socially, this causes a rift between minority and the majority groups and leads to an escalation of the situation [9]. It is important to note that Senghaas' model idea of conflict does not only apply to civilisations, but within them as well. Senghaas does not refute the notion that culture has an impression on conflicts. He does affirm that culture is of relevance in conflict. His point of contention rather is that the cultural characteristics of a conflict are not the cause; this is instead related to socio-economic disparities [9]. There are some instances where Huntington details the socio-economic factors in the cause of fault-line which share some similarities with the work of Senghaas. These are mostly overlooked in favour of cultural divisions on a broad scale between civilisations.

Noam Chomsky, in a lecture in India, denounces the clash of civilisations model made by Huntington in favour of a macro understanding of socio-economic discrimination between communities [10]. He details that countries from different civilisations can be allies so long as the elite actors in a country are economically advantaged. This idea almost completely contradicts the clash of civilisations model because a civilisational cultural identity plays little to no part in this type of discrimination. Chomsky expands this idea by promulgating that conflict only occurs when a movement begins to favour those who are socio-economically discriminated against [10]. This in turn creates a call from the socio-economically advantaged to reassert their position of power against the minority. The cultural position of these conflicts can be interchanged if the socio-economic inclinations are present. A possible point of contention against Chomsky's idea is whether significant socio-economic conflict would occur in the West as his concept seems to mention the West as one of the main utilisers of socio-economic discrimination.

One problem of the 'clash of civilisations' model is that Huntington does not mention the qualities of why civilisations may be against one another; Senghaas rightly indicates this [9]. In other words, 'why does difference in culture lead to conflict?'. Huntington includes other factors into the cause of conflict along a fault-line by highlighting the changes of demographic between two civilisations which include political, social, and economic changes. This however is still not enough to relate it to a broad cultural identity. Given the lack of analysis into each civilisation, the motive for civilisations to clash becomes almost unidentifiable. Huntington's model revolves around the West and how other non-Western actors respond accordingly to it, particularly the Islamic civilisation with little space

afforded to the Orthodox civilisation. The limited amount of information given to the civilisation and why it might be in conflict with the West is curious given that the clash of civilisations is about how the world might look following the end of the Cold War. With little detail being given to the Orthodox civilisation, Huntington's clash of civilisations appears quite superficial when attempting to apply it to an actual case such as the conflict in Ukraine.

Although it is interesting Huntington does claim that Ukraine as a fault line is divided, he fails to qualify what the motive would be for conflict in the country. This could give the appearance that Huntington's prediction was coincidental or did have some correlation, but is not sufficient in explaining the cause. Senghaas would agree that fault-lines are evident in conflict as it progresses, but cannot be explained by cultural differences on a civilisational level [9]. E. W. Merry argues that the conflict in Ukraine was caused by the widespread corruption of the ruling political party led by Yanukovych [11]. These elites were determining policies that did not reflect the wishes of a substantial proportion of the population and led to an economic and social downturn for many living in central and Western Ukraine [11]. If Merry's statement is considered to be the correct one, this suggests that political institutions played a definite role in the socio-economic discrimination in Ukraine.

Despite Russians being the minority in Ukraine, Natalija Lakiza-Sachuk and Natalie Melnychuk assert that Russians and pro-Russian Ukrainians were the dominant socio-economic force in Ukraine and secular Ukrainians were the oppressed community [12]. They continue this point by inferring that the discrimination between Ukrainians and pro-Russian Ukrainians originated from their acceptance of communist ideology; a more ardent follower of communist ideology was more likely to obtain a higher position in the communist party and therefore reap social and economic benefits [12]. Following the collapse of the Soviet Union, these socio-economic differences were continued by Yanukovych's bias towards Russia and therefore pro-Russian Ukrainians. A synthesis of both Merry's and Lakiza-Sachuk's and Melnychuk's ideas is possible. The elites of Ukraine who formed the governing political party were determining policies that were favourable towards the pro-Russian contingent of Ukraine and disregarded that of the main, pro-European population in central and West Ukraine. With socio-economic division, already widespread in Ukraine because of its political biases, this led to a crisis in the country.

The homogeneity of the clash of civilisations model could be understood to be one of its key weaknesses. Huntington, in attempting to answer how wars might be fought in the near future, simplifies civilisations and

understates how dynamic they can be as entities. Edward Said, a vocal critic of the clash of civilisations model, accuses Huntington of overlooking the various transactions that occur between civilisations, packaging them into static models of individual culture [13]. It appears to be more reasonable to suggest that civilisations are not closed systems and have often interacted with one another throughout history. R. D. Lipschutz follows a similar line of thinking as Said and comments that differences among states of the same civilisation contain many cultural differences that makes it difficult to link them together [14]. Ukraine as a nation has often been a place where Western and Orthodox civilisation has met and interacted, changing the cultural fabric of the other. Because of this interaction, it appears difficult to label a country as diverse as Ukraine as discretely part of one civilisation. What is more, such is the generalisation of Huntington's work, practical application on a micro scale becomes hard to identify.

In order for the clash of civilisations model to be appropriate for the conflict in Ukraine, the actors in the conflict must be from different civilisations. Huntington marks out the fault-lines between the West and the east by suggesting that it runs through Ukraine itself [6]. He appears to be claiming that Ukraine is a country of different civilisations with a boundary between the east and the West. In his brief overview of Ukraine as a divided country, Huntington mentions that Ukraine and Russia are part of the same civilisation that is unlikely to become involved in conflict with one another. [6]. If the primary actors of the conflict originate from the same civilisation, this makes arguing that cultural differences caused the conflict problematic. In addition, if cultural differences aren't what caused the conflict, there must be other factors involved. The other factors may highlight Senghaas' idea of socio-economic discrimination within Ukraine as part of the same civilisational culture.

One possible way to reconcile the ideas that the Ukraine conflict is a clash of civilisations is to suggest that Ukraine is the location of a proxy war between the West and Orthodox civilisations. Even this idea is debateable because it would suggest that pro-European Ukrainians can act on behalf of the Western civilisation, despite being themselves Orthodox, which Huntington himself mentions. If Huntington's model was to be realised, then Ukraine would have to align themselves with Russia and other Orthodox states against the West. If Western Ukraine can ally itself with the West while being an Orthodox civilisation, this questions the validity of Huntington's hypothesis.

Religion has been used as grounds for legitimacy in the conflict in Ukraine. Advocates of the Ukrainian Orthodox Church (which is linked to the Russian Orthodox Church) have backed the political agenda of

Yanukovych [2]. This could be used as evidence that religion creates a divide between the east and West of Ukraine and is a significant factor when considering cultural identity. It is possible to infer that religion can have a vital role on communities in how they respond to parties in a conflict. This however does not mean that religion was intrinsic in causing the conflict but merely that religion may influence individuals or groups to take a pro-Russian or pro-European stance. Senghaas states that religion is used as a point of contact when appropriate socio-economic prospects cannot be realized [9]. He furthers this idea by claiming that many cultural assertions are used as vehicles of power rather than themselves being the key motive of conflict [9]. Religion in this manner would be a secondary or tertiary function in a conflict and is not consistent with the clash of civilisations model because religion does not necessitate violence.

During the protests of late 2013 against Yanukovych's policies, the Ukrainian Orthodox Church (UOC) was split between where their allegiances lay; either to the Orthodox Church in Moscow or to within Ukraine itself. The separations caused deep fractions internally. One could posit that if a church of the same tradition could be split in allegiances, it is likely that religious differences are not substantial enough to cause the conflict even if they have considerable impact on many adherents to the UOC. This idea reinforces Senghaas' notion that religion can be a vehicle of cultural dispositions in a conflict but not the cause.

Recognition

Recognition is an important concept in determining the relationship that one culture may have towards another. One could make the case that the more one group recognises the beliefs, practices, and customs of another, the less likelihood there is of being a conflict between the two. A definition of recognition, as given by Anna Galeotti, proposes: "recognition is interpreted here as acknowledging, or even endorsing, the intrinsic value of the difference in question" [15]. In this definition, recognition can be seen as giving a substantial amount of legitimacy to the individual or community who holds to certain differences. If recognition is to be effective, it needs to be adhered to by many parties [16]. Recognition by one party and not the other can lead to fractions within a country. It could be argued that Yanukovych's policies were recognised by many of the polity of Ukraine but not by most of the public; civil unrest ensued as a result.

Language, along with other norms can be a powerful agent in the defining of identity. Any attempt to subdue such a strong cultural tenet may provoke outrage among the oppressed community. Language has had a significant role in terms of the relationship between Ukrainians and Russians living in Ukraine. In 2012 (along with other languages), Russian was recognised as

an official language [17]. Many Ukrainians (including native Russians) are fluent in Russian, particularly in the Crimea and the south-east of the country. To many, Russian is not only regarded as a legitimate language in Ukraine but the primary language that is spoken; in the Crimea and Donetsk, Russian is spoken as a first language by over 70% of the population [2]. Recognition of Russian as an official language in Ukraine could lead to a greater sense of unity between the Ukrainian and Russian speaking contingents. Because of Russian being recognised, a nationwide conflict is less likely to occur.

In late February 2014, Ukrainian parliament voted to ban Russian as a second language [18]. Despite the vote being successful, this was met with concern in the regions of Ukraine where Russian was commonplace. Although the motives of such legislation may initially have a view to suppress Russian propaganda, the very affluence of the Russian language in Ukraine makes the banning of it divisive in nature. Not recognising a language that is inherent to a portion of a country, especially one that was previously the dominant force, could be the fuel that invigorates both factions (especially the pro-Russians) to new level of conflict. Quickly realising how divisive banning Russian might be to Ukraine, Parliament swiftly overturned the vote only days after [18]. This vote of parliament may be implicit of an institution not acknowledging a cultural norm that the public otherwise recognise or endorse. Owing to the widespread use by Ukrainians and Russians alike, the Russian language could be a crucial tool in resolving the conflict in Ukraine; where cultural differences may create further divides, commonalities such as language should be encouraged. The importance of language in terms of Ukraine is stimulating as Huntington mentions that language plays a definitive role in the defining of identity [6].

In 1954 Ukraine was given the Crimea as Ukrainian territory. It is a hub of Russian activity even after the fall of the Soviet Union. It was the only region in Ukraine where the population was mostly Russian. Much of the population in the Crimea speak Russian as a first language and identify with the culture of Russia rather than that of Ukraine. In February 2014 of the conflict, pro-Russian forces seized strategic points in the Crimea. It could be suggested that recognition of the Crimea being annexed by Russia is more possible than recognising the legitimacy of the republics of Luhansk and Donetsk because the Crimea has a strong historical association with Russia. This basis could give a groundwork for the right of self-determination for the Crimea as their link to Russia was relatively recent in history.

In early May of 2014, the Ukrainian regions of Donetsk and Luhansk voted for becoming a state independent of the rest of Ukraine. Although the result was hailed in Russia as a great victory for democracy, this was condemned by both Ukrainian parliament and the European parliament as undermining the sovereignty of Ukraine as a nation. A recent poll of 2400 Ukrainians, funded by the government of Canada, suggest that both

the republics of Luhansk and Donetsk should remain part of Ukraine or at least remain part of Ukraine but with a higher status than before, with 84% agreeing [19]. It is reasonable to argue that if recognition is not given, publicly and politically to the legitimacy of the republics that have formed from the conflict, tensions between the pro-European and pro-Russian communities are likely to continue and thus making a resolution in the near future less likely. If recognition in the form of political legitimacy is given to the autonomous republics of Donetsk and Luhansk, this may create a greater impetus for Russia and pro-Russian forces to expand their territory beyond their current borders.

Conclusion

This essay has shown that both models of conflict can in some instances be applied to the Ukraine conflict. When finding an answer this question, it is possible in some respects to claim that the conflict in Ukraine is civilisational. Huntington foresaw a division occurring in Ukraine even if the basis for it was not cultural. This however does not prove the nature of the conflict. One of the strongest arguments for the conflict being between civilisations is that it involves two parties from different cultural norms. Although their role is somewhat limited, it doesn't need to directly impact the conflict for it to be classed as civilisational. The admission of both authors regarding fault-lines gives a certain validity to some of Huntington's work; why these are formed is the main crux of the matter.

The absence of features in the clash of civilisations model is a serious flaw when reflecting on the conflict in Ukraine. If the features cannot be qualified, it becomes quickly inconceivable the definitive reason as to why two different civilisations would be in conflict with each other. Senghaas' socio-economic model therefore seems more likely when considering Ukraine and other theatres of conflict as the motives for conflict are more clearly defined than Huntington's. Senghaas' model carries a greater practical weight in that it can be applied to different instances of conflict and not just about civilisations whereas the clash of civilisations appears more conjecturally based. Huntington may be right in suggesting that culture generates polarising norms in conflict but culture is only a secondary or tertiary factor in the cause of a conflict. The main tenet of Huntington's model that appears unreconcilable is the notion that Ukraine and Russia originate from the same civilisation. If this is considered true, then the conflict in Ukraine is more likely be a clash within civilisations and not of them. It seems evident from this essay to attribute the Ukraine conflict to socio-economic factors per Senghaas' model rather than Huntington's clash of civilisations. We have also seen that while some forms of recognition are essential in bringing about peace in Ukraine, recognition of illegitimate institutions such as the republics of Donetsk and Luhansk may extend the length of conflict.

REFERENCES

- 1 All Ukraine Population Census 2001 // State Statistics Committee of Ukraine. – Access mode: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/eng/results/general/nationality/>. Accessed on the 16th December 2018.
- 2 Menon R., Rumer E. Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order. - Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2015. – P. 53.
- 3 Guiliano E. The Social Bases for Support of Self-Determination in East Ukraine // *Ethnopolitics*. – 2015. - Vol. 14 No 5. – P. 514.
- 4 Treisman D. Why Putin Took Crimea (May/June 2016). – Access mode; <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2016-04-18/why-putin-took-crimea>. Accessed on the 16th December 2016.
- 5 Burk-White W. W. Crimea and the International Legal Order // *Survival*. – 2017. - Vol. 56 No 4. - P. 70.
- 6 Huntington S. The Clash of Civilisations and Remaking of World Order, - London: Touchstone, 1998. – P. 23-29.
- 7 Cox R. W. Thinking about Civilisations // *Review of International Studies*. – 2000. - Vol. 26 (Dec 2000). – P. 228.
- 8 Baker P. U.S. to Give Ukraine's Military an Additional \$75 Million in Non Lethal Aid' (March 2015)/ - Access mode: https://www.nytimes.com/2015/03/12/us/us-imposes-sanctions-on-pro-russian-separatists-in-ukraine.html?_r=0. Accessed on the 16th December 2018; Kuzio T. Competing Nationalisms, Euromaidan and the Russian-Ukrainian Conflict // *Ethnicity and Nationalism*. – 2015. - Vol. 15 No 1.- P.158.
- 9 Senghaas D. Clash Within Civilisations: Coming to Terms with Cultural Conflict. - London: Taylor and Francis, 2005.- P. 76.
- 10 Chomsky N. Clash of Civilisations? (November 2001). – Access mode; <http://www.india-seminar.com/2002/509/509%20noam%20chomsky.htm>. Accessed on the 16th December 2018.
- 11 Merry E. W. The Origins of Russia's War in Ukraine: The Clash of Russian and European "Civilisational Choices" for Ukraine // E. A. Wood, W. E. Pomeranz, E. W. Merry and M. Trudolyubov (eds.), *Roots of Russia's War in Ukraine*. - Washington D.C., Columbia: Woodrow Wilson Center Press, 2016. – P. 38-39.
- 12 Lakiza-Sachuk N., Melnychuk N. Ukraine After Empire: Ethnicities and Democracy // L. Drobizheva, R. Gottemoeller, C. M. Kelleher & L. Walker (eds.). *Ethnic Conflict in the Post-Soviet World*. - Abingdon: Routledge, 1998. – P. 111.
- 13 Said E. The Clash of Ignorance // *The Nation*. – 2001. – October.
- 14 Lipschutz R. D. From "Culture Wars" to "Shooting Wars" //B. Crawford & R. D. Lipschutz (eds.), 'The Myth of "Ethnic conflict": Politics, Economics and "Cultural" Violence. - Berkeley, California: University of California at Berkeley, 1998.- P. 398-399.
- 15 Galeotti A. Toleration as Recognition.- Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 14-15.
- 16 Baumeister A. Diversity and Equality: Toleration and Recognition Reconsidered //M. Mookherjee (ed.) *Democracy, Religious Pluralism and the Liberal Dilemma of Accommodation*. - London: Springer, 2011. – P. 107-109.
- 17 Thoburn H., Pifer S. What Ukraine's Language Law Means for National Unity // *Brookings*. – 2012. - August.
- 18 Frye T. What do Voters in Ukraine Want?: A Survey Experiment on Candidate Ethnicity, Language, and Policy Orientation // *Problems of Post Communism*. – 2015. - Vol. 62, No 5. - P. 248.
- 19 Public Opinion Survey: residents of Ukraine // IRI. – 2016. – July.

УКРАИНАДАҒЫ ҚАЗІРГІ ҚАҚТЫҒЫСТАР ӨРКЕНИЕТТЕР ҚАҚТЫҒЫСЫНЫҢ ҮЛГІСІ МЕ?

Джозеф Уильямс¹

¹Дипломатия және дінтану магистрі
Абылай хан атындағы халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің
оқытушысы / Манчестер Университеті
Алматы қаласы, joe_tom_w@hotmail.co.uk

Бұл мақалада автор Украинадағы 2014 жылғы қақтығыстың себебін анықтауға арналған екі түрлі теория тұрғысынан қарастырады. Олар: Сэмюэль Хантингтон жасаған мәдени айырмашылықтардың нәтижесінде және Дитер Сенгсаастың әлеуметтік-экономикалық кемсітушілігімен күрес атты теориялар. Бұл модельдерді алдымен теориялық тұрғыдан қолданып, содан кейін қайсысының неғұрлым лайықты екенін анықтаған соң қақтығысты зерттеуде практикалық тұрғыдан қолданылады. Осы эсседегі мәдени айырмашылықтар өркениеттік деңгейде қарастырылады, ал әлеуметтік-экономикалық кемсітушілік негізінен күш динамикасы түрінде сақталады. Негізгі экспозициядан басқа, бір қауымдастықтың екіншісіне мойындалуы да талқыланады және бір топтың басқа біреудің талаптарын мойындау қаншалықты маңызды екені де қамтылады.

Тірек сөздер: жанжал, Украина, Ресей, өркениеттер, мәдениет, кемсітушілік, әлеуметтік-экономикалық, мойындау.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ НЫНЕШНИЙ КОНФЛИКТ В УКРАИНЕ ПРИМЕРОМ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Джозеф Уильямс¹

¹Магистр дипломатии и религиоведения
Преподаватель Казахского университета международных отношений и
мировых языков им. Абылай хана / Манчестерский университет,
Алматы, Казахстан, joe_tom_w@hotmail.co.uk

В этой статье рассматривается конфликт 2014 года в Украине в рамках двух разных теорий, чтобы определить причину: борьба в результате культурных различий, придуманных Сэмюэлем Хантингтоном, или социально-экономическая дискриминация, согласно Дитеру Сенгсаасу. Эти модели будут сначала теоретизированы, а затем применены к самому конфликту, чтобы проверить, какая из них более уместна. Культурные различия, обозначенные в этом эссе, будут классифицированы на цивилизационном уровне, тогда как социально-экономическая дискриминация будет наблюдаться в основном в форме динамики власти. В дополнение к основной экспозиции, также будет обсуждаться признание одного сообщества другому, и насколько важно для одной группы признать требования другой.

Ключевые слова: конфликт, Украина, Россия, цивилизации, культура, дискриминация, социально-экономические, признание,

Received on February 12, 2019

UDC 94 (560):355.48
IRSTI 11.25.47

CHINA AND KAZAKHSTAN RELATIONSHIPS AT SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Igibayeva M.¹

¹Undergraduate of international politics in
China University of Petroleum, Beijing, China
e-mail: madinok_@mail.ru

At the end of the cold war and the continuous advance of economics globalization, regional cooperation a trend of accelerating and deepening is shown. Shanghai cooperation organization is one of the most important numerous regional cooperation and development organizations. The establishment and development of Shanghai cooperation organization can not only promote the security and stability of the region, but also make safeguard of the interests of the member countries improve, which will cause positive significance. Kazakhstan and China are both important members of Shanghai cooperation organization, and they are also important members in today's international pattern. At the same time, these two countries has maintained friendly and cooperative relations, and within the framework of Shanghai cooperation organization, their cooperation in the economics, political and cultural fields has been further developed.

However, there are also some obstacles in their cooperation. According to this paper we try to learn more about cooperation between Kazakhstan and China within the framework of Shanghai cooperation organization, try to understand the special factors that affect the bilateral cooperation, so as to provide reference for the further deepening of bilateral relations.

Keywords: Derivative financial instrument; Financial accounting.

Kazakhstan and China are adjoining countries, and their geographical location facilitates make both cooperate successfully. Both Kazakhstan and China have attached great importance of developing relations with each other and have conducted extensive cooperation in various fields. Such as politics, economics, culture, science and technology. After the Shanghai Cooperation Organization (SCO) establishment Kazakhstan and China become the members of it, so the cooperation between two countries has been further developed under the impetus of the SCO. The process of Kazakhstan and China cooperation in the framework of the Shanghai Cooperation Organization will not only provide a reference for the development of bilateral relations, but also promote the further development of the following organization.

One of the purposes of the Shanghai Cooperation Organization is to further strengthen mutual trust among members and promote good-neighborly friendship as well. Favourable political environment, mutual trust and spirit of cooperation remain indispensable tools in pursuing common approaches to sensitive issues. Within the framework of the SCO have been continuously strengthened relations between these two countries.

Since the establishment of diplomatic relations, bilateral relations have gone through three stages of development, and the two countries have deepened their cooperation in the political field. Effective social dialogue

is one of the fundamentals on which stability of social and labour relations and, as the result, the stability of state is based. 1992-1996 was really effective period for Kazakhstan and China. During this period of time, the leaders of our countries conducted official visits. The two sides had a lot of meetings and exchanges on relevant issues of the political field. April 1996, the “Shanghai Five” meeting mechanism which was the predecessor of the Shanghai Cooperation Organization was established, and its establishment has positive significance for promoting bilateral cooperation. With a help of it Kazakhstan-China relations were driven by to come into the level of development of cooperative partnership, steadily develop, frequent high-level visits, political mutual trust continued to strengthen.

Kazakhstan and China are important members of the Shanghai Cooperation Organization. After the establishment of the Shanghai Cooperation Organization, the two countries strictly abide by the purpose of this organization and are committed to strengthening mutual trust and promoting the development of good-neighborly relations with the member countries. The two countries have further strengthened cooperation within the framework of this organization, and bilateral relations have enjoyed further stable development. The development of Kazakhstan-China relations and the Shanghai Cooperation Organization have formed a benign interaction. The Shanghai Cooperation Organization is committed to promoting friendly cooperation among member states, so the establishment of this organization can strengthen Kazakhstan’s political mutual trust. At the same time, as two important members of the Shanghai Cooperation Organization, the stable development of Kazakhstan-China relations is also of great significance for promoting the further development of the SCO.

(B) the economics sphere

Promoting the economics development of member countries and regions is in line with the objectives of the SCO and is also an objective of the efforts of the members of this organization. As a member of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), Kazakhstan and China are committed to promoting economics development in their own countries as well as other member countries and regions, and the economics cooperation between Kazakhstan and China can well achieve this goal. At the same time, Kazakhstan and China have strong complementarities in economics development level, industrial structure and resource endowment. Developing economics cooperation between each other can make the two sides achieve a win-win situation. Therefore, within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), Kazakhstan has carried out comprehensive cooperation in the economics field and achieved fruitful cooperation in many aspects, such as trade cooperation, investment cooperation and energy cooperation.

At first, within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), trade cooperation between Kazakhstan and China has been

developed. At the time of the diplomatic relations establishment between two countries, the level of economics development of Kazakhstan and China was limited, and the trade cooperation between them was very limited too. With the continuous development of the two countries' economy, the trade cooperation between Kazakhstan and China has developed rapidly. In 2000, Kazakhstan's total import and export trade reached 824.7 million US dollars. After the establishment of the SCO in 2001, the trade cooperation between the two countries accelerated. In 2009, bilateral trade volume reached US \$ 9.46 billion, increasing by an average of 36.14% from 2000 to 2009. In 2010, amount of bilateral trade is about 20.31 billion US dollars, increasing up to 45.3% [1]. In 2013, Kazakhstan-China trade volume reached 28.6 billion US dollars, if you can maintain this pace of development, Kazakhstan-China trade in 2015 is expected to reach 40 billion US dollars [2]. In addition, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has also promoted the continuous expansion of bilateral trade cooperation while promoting the increasing trade volume between Kazakhstan and China, the rationalization of trade structure and the diversified development of trade cooperation. In other words, after the establishment of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) trade cooperation between Kazakhstan and China has proceeded smoothly.

Secondly, within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), investment cooperation between Kazakhstan and China has developed. In 1993, the Shanghai Cooperation Organization was established investment cooperation in Kazakhstan, they had only \$ 5,500,000,000. The Chinese investment in Kazakhstan increased significantly by 2011, the amount of investment cooperation rose to \$ 1,161,800,000. According to the statistics of Kazakhstan, among the countries that made direct investment in Kazakhstan between 1993 and 2011, China ranked eighth with a total investment of US \$ 5.751 billion [3]. According to China's statistics, as of the end of June 2013, China's total investment in Kazakhstan has reached 19.43 billion US dollars, China has developed to an important source of foreign investment in Kazakhstan [4].

Thirdly, within the framework of the Shanghai Cooperation Organization, Kazakhstan-China energy cooperation has developed as well. Since 1997, the two sides signed a contract on China's Kazakstan Aktobe Pinsk oil field and the Ujin oil field cooperation agreement, the two countries' oil cooperation is progressing. At 1998, Kazakhstan exported 409,200 tons of crude oil to China. The bilateral cooperation has been deepened after the establishment of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Kazakhstan exported crude oil to China in 2006 reaching 600,600 tons. From 1998 to 2009, Kazakhstan has exported to China 27.46 million tons of oil, valued at more than 13.4 billion US dollars, Kazakhstan oil cooperation for the two countries have brought great benefits [5].

The promotion of cultural exchanges and cooperation is also one of the objectives of the Shanghai Cooperation Organization. Within the framework of it, in the field of culture. Kazakhstan and China have also adopted various forms and carried out extensive exchanges and cooperation. First of all, the two countries worked together to set up a Chinese cultural center in Kazakhstan to introduce Chinese culture through various meanings. For example, during the 55th anniversary of the Chinese National Day, the Chinese Embassy in Kazakhstan held a “21st Century China 100. The China Film Week and the Chinese television documentary presented series of cultural activities; second, Kazakhstan set up a Confucius Institute. At present, Kazakhstan has set up four Confucius Institutes, and more and more Kazakhs are interested in China. They have gained a deeper understanding of the Chinese people and Chinese culture through the Confucius Institute. Thirdly, Kazakhstan and China had “China Food Culture Festival” which was held in Almaty, Kazakhstan, in October 2012, organized the “2007 Kazakhstan Cultural Festival” Beijing, China. In 2007 the fourth one was held in Beijing, China. Kazakhstan and China held a variety of cultural thematic exhibitions in each other’s country to show their own characteristics and culture, such as the 2010 “Silk Road - China Silk Art Exhibition” and so on. These cultural exhibitions are full of rich national characteristics, they have attracted the people of the two countries and also spread the cultures.

In addition, visits between the two countries frequently level up, Kazakhstan and China have a great amount of exchanges, the exchange of various forms, including technical personnel, but our countries also send students to other countries and performances, Kazakhstan and China have also conducted a lot of exchanges and cooperation in the news media. In short, the two countries’ cultural cooperation have various forms, are rich in content, promote the smooth development of bilateral relations.

In the framework of the Shanghai Cooperation Organization, Kazakhstan and China have carried out cooperation in various fields, and the cooperation between the two countries has been progressing smoothly. Of course, cooperation between the two countries is also affected by a number of factors, the correct treatment and deal with these factors, to promote the further development of cooperation between the two countries is very important.

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is a very important regional cooperation organization, which has been attracting the attention of many big powers since the foundation of the SCO. These powers also have a certain influence on the cooperation between the organization and its members. At the same time, Kazakhstan has adopted a pluralistic and balanced foreign policy after its independence, and is willing to develop relations with other countries on an equal footing. China is also willing to develop friendly cooperation with more countries on the basis

of independence. Therefore, within the framework of the Shanghai Cooperation Organization, the cooperation between Kazakhstan and China is also affected by the factors of the great powers.

The first is the impact from Russia. Russia is also an important member of the Shanghai Cooperation Organization, which has a very important influence in this organization. Russia and Kazakhstan are the former Soviet Union to join the republic, although after becoming an independent country, but bilateral relations are still very close. Russia has always attached great importance to the “post-Soviet space” position, hoping to decentralized “post-Soviet space” for effective integration, to achieve Russia-led regional integration, and Kazakhstan in the “post-Soviet space” [6]. So Russia hopes to strengthen relations with Kazakhstan. And in Kazakhstan’s foreign policy, the highest priority is the development of relations with Russia. Russia consolidates the common economics, defense, human information space is the strategic direction of Kazakhstan’s foreign political activities. Russia and China have also carried out a great deal of cooperation in various fields. However, Russia has always regarded China as a potential threat, and hopes to curb China’s development. Therefore, the Russian factor will bring about a certain degree of cooperation in Kazakhstan.

Although the United States is not a member of the Shanghai Cooperation Organization, the United States is very concerned about this organization, but also continue to work hard, want to strengthen the organization’s influence and control. After the realization of independence in Kazakhstan, the United States is the first to recognize its sovereign state status and the establishment of diplomatic relations with one of the countries. The United States needs Kazakhstan’s support in many aspects, such as energy, and Kazakhstan believes that the establishment of friendly relations with the United States is prerequisite for Kazakhstan’s participation in global economics, political and financial cooperation. For their own interests, Kazakhstan and the United States have conducted more cooperation maintaining good relationships. However, due to the social system, ideology and other great differences, the United States has always been suppressed China’s development, so the US factor is also a major factor in Kazakhstan-China cooperation.

One more point is the Japanese factor. Due to such factors as geographical location, Japan has paid close attention to the development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and is closely related to the members of this organization. Kazakhstan believes that by establishing close links with Japan, it can establish contacts with the common market in the Asia-Pacific region and find out advanced experiences and technologies for the development of Asian countries through this common market. Cooperation between Kazakhstan and Japan is mainly concentrated in the field of economic cooperation and resource extraction, and Japan has made significant investments in Kazakhstan’s oil and gas energy field. The

contradiction between the two countries cannot be reconciled at present, so Japan is also a big factor that cannot be ignored in the cooperation between two countries.

To be honest, energy is playing more and more important role in the development of the country. Energy security has become a common concern of the international community. Energy cooperation is also an important part of the Shanghai Cooperation Organization. Kazakhstan's oil and gas resources are very rich, is an important energy exporter, due to the rapid development in recent years China's demand of energy is large. In the context of the Shanghai Cooperation Organization, Kazakhstan and China in the field of energy carried out a lot of cooperation, which not only solve China's energy problems, but also means the economics interests and achieve a win-win situation for Kazakhstan. Kazakhstan in the absence of oil pipeline construction, Kazakhstan's oil exports all rely on the European oil pipeline network system to the European market, and the European oil pipeline network system dominated by the hands of Russia and the United States. Through the United States and Russia-controlled oil pipeline, Kazakhstan can obtain the convenience of oil exports, but cannot get control of oil trade, subject to Russia and the United States may be restricted [7]. Therefore, Kazakhstan is in a very passive position in the oil trade, in the trade which cannot control the initiative, so, there is no inevitably affect of Kazakhstan through the oil trade economics benefits. Kazakhstan takes a part in the completion of oil pipelines, its development of energy cooperation helps to improve this situation. Anyway, cooperation with China can help Kazakhstan get out of the United States and Russia control, in the external energy trade to seize the initiative. As a result, Kazakhstan can be developed according to the interests of its own needs and change relevant policies due to safeguarding national interests.

The importance of energy security issues has become increasingly prominent, the Shanghai Cooperation Organization members will be further enhanced, which can conducive cooperation between two countries in the framework of the SCO energy cooperation. But it should also be recognized that the big amount of energy in Kazakhstan has also attracted the attention of many countries and regions, and they also hope to obtain resources from Kazakhstan. It will cause some interference in energy security cooperation between Kazakhstan and China. So that future cooperation between two countries should highlight the role of the Shanghai Cooperation Organization.

One of the main objectives of the Shanghai Cooperation Organization is to maintain and keep peace, security and stability in the region. The Shanghai Cooperation Organization signed a series of regional security regulations, such as the Agreement of Regional Anti-Terrorism Organizations, the Declaration of the Heads among SCO Member States while Building Zone of Enduring Peace and Common Prosperity, the Shanghai Cooperation

Organization's Response of Treating and the Regulations of Political Diplomatic Measures and Mechanisms of Peace, Security and Stability in the Region. In addition, the Shanghai Cooperation Organization also organize meetings, joint military exercises and other measures to strengthen regional security continuously. Both Kazakhstan and China have been actively participating in the activities of regional cooperation organizations and make efforts of safeguarding regional security and stability. More than that, in regional security cooperation in the fight against smuggling and drug cooperation Kazakhstan and China also include nuclear safety and ecological security [8]. Kazakhstan and China are working together to reduce nuclear weapons and maintain nuclear safety efforts, they hope that ecological problems will be solved. Besides, Kazakhstan and China joined forces to work together to combat smuggling and drug trafficking, reached consensus on this issue and take joint action.

The SCO will not change its purpose of safeguarding and strengthening regional peace, security and stability. Regional security issues will have an important impact on the country's stability and development. Therefore, strengthening cooperation in the security field and safeguarding regional security are the common interests of the countries.

One of the purposes of the SCO is to promote cooperation among the member countries in the fields of energy, economy and trade so that they could promote the comprehensive and balanced development of the regional economy. Within the framework of this organization, Kazakhstan and China have carried out fruitful cooperation in the field of energy economics and trade and brought common interests to both sides. Insufficient funds problem development is conducive for promoting economic reform and development of Kazakhstan. At the same time, energy cooperation with China can help Kazakhstan get rid of US-Russian control, and further expand the benefits of energy exports [9]. Since the establishment of diplomatic relations between two countries, the bilateral trade volume has maintained a sustained growth, with the exception in few years. The cooperation in investment and economics and technological fields has also been continuously promoted, and the two countries have maintained a steady growth in their economics and trade cooperation strengthen. The economics and trade cooperation between Kazakhstan and China has complementary developed in many aspects, such as geopolitics, resource endowment, economic development and industrial structure. The economics and trade cooperation between the two countries conforms to the common development interests of both sides.

The establishment of the Shanghai Cooperation Organization provides a very good platform for exchanges and development of energy and economics cooperation between Kazakhstan and China. The two countries can carry out timely cooperation in the framework of this issue communication. In the future development, the role of SCO will be further strengthened, in this

framework, Kazakhstan and China energy economics and trade cooperation between the two countries is bound to be further deepened.

One of the important purposes of the SCO is to “maintain and strengthen regional peace, security and stability, jointly fight terrorism, separatism and extremism, drug smuggling, illegal trafficking in arms and other transnational crimes” [10]. Kazakhstan is still in the period of social transformation and development, a variety of social conflicts, there are more unstable factors. Among these unstable factors, the “three forces” are the most obvious hazards, which poses a serious threat to the security and stability of the country. China is now in a critical period of reform and development, peace and stability of the social environment of great significance to the development of the “three forces” also become a threat to China’s social development and stability of one of the important factors. In the struggle against the “three forces”, both Kazakh and Chinese governments have realized that it is very difficult to completely solve the non-traditional security problems by relying solely on their own power. Only by establishing a cooperation mechanism can the two countries work together to achieve effective results. Therefore, the two countries have actively contributed to the establishment of the Shanghai Cooperation Organization and become a member state, within this organization to solve non-traditional security issues, safeguard national and regional stability, promote economic and social progress. In the future development, the two countries will further deepen cooperation in the security field within the framework of the Shanghai Cooperation Organization and continuously improve the security level of the region and create a favorable environment for the country’s economics and social development.

Promoting cooperation among the members in the field of humanities education is also one of the objectives of the Shanghai Cooperation Organization. The Shanghai Cooperation Organization provides a good platform for the exchange of humanities education among the members, Kazakhstan and China make full use of the platform. In terms of education, both countries hold various lectures, seminars, international students and so on. China has become one of the most important destinations for Kazakhstan to study abroad, and China National Petroleum Group also donates for the education of Kazakhstan, there is establishment of education funds, the establishment of various types of scholarships and further promotion. Countries signed a series of cooperation agreements in the field of humanities and China established the Chinese Cultural Center and the Confucius Institute in Kazakhstan. In addition, both countries often hold cultural festivals, showcases and cultural groups, visitors and performances [11].

To sum it up, the SCO’s objectives and principles also include promoting cooperation in cultural, energy, economics, trade, educational and other

fields among member states. With the help of the Shanghai Cooperation Organization and the joint efforts of the two governments, the cooperation between Kazakhstan and China in education and humanities has a bright future.

REFERENCES

- 1 Ye Da. Research on the Cooperation Relations between Kazakhstan and China in the Framework of Shanghai Cooperation Organization. – Beijing: Diplomatic Academy, 2013.
- 2 Izmailov, Ruslan; Qiang Xiaoyun. Prospective of the Development in SCO: Presidency of Kazakhstan // Journal of Marine Business University. - 2011. - № 4. – P. 27-29.
- 3 Aria. Kazakhstan's participation in the Shanghai Cooperation Organization: motives, methods and prospects // Journal of Jiamusi Education Institute. - 2012. - № 6. – P.32-33 (in Chinese).
- 4 Yu Yanlei. SCO Diplomacy in the Context of Shanghai Cooperation Organization.
- 5 Wei Jingjing. Chinese and Central Asian countries under the framework of the Shanghai Cooperation Organization of the humanities cooperation // Modern Women (late). - 2013. - № 6. – P. 18, 20-22.
- 6 Chen Kun. Different Reasons of Sino-Russian Shanghai Cooperation Organization policy // Reform and opening up. - 2011. - № 4.- P. 33-34.
- 7 Wei Jingwan. Strategic perspective of the five Central-Asian countries and the Shanghai Cooperation Organization. - Diplomatic Institute, 2013.
- 8 Jiang Qiuli. Analysis of the Cooperation between China and Central Asia under the Framework of Shanghai Cooperation Organization // Siberian Studies. - 2014. - № 1.- P. 49-52.
- 9 Раев Д.С., Сағынай Д. «Мягкая сила» как инструмент реализации публичной дипломатии Казахстана // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана”, серия “Международные отношения и регионоведение”. – 2017. - № 3.
- 10 Geng Ye-qiang, Ma Zhi-min. Analysis of Energy Cooperation between China and Shanghai Cooperation Organization Member States from Game Theory Perspective // Research. – 2011. - № 5. – P. 84-88,91.
- 11 Wang Zhiyuan, Shi Lan. The main obstacle and countermeasure in economic cooperation of Shanghai Cooperation Organization // Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences). - 2013. - № 6. – P. 50-60 (In Chinese).

ҚЫТАЙ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ШАНХАЙ ҰНТЫМАҚТАСТЫҚ ҰЙЫМЫ АЯСЫНДАҒЫ ҚАТЫНАСТАР

Игибаева М.¹

¹Халықаралық саясаттың бакалавры
Қытай мұнай университеті, Бейжің, Қытай
e-mail: madinok_@mail.ru

Қырғи қабақ соғыстың және экономикалық жаһанданудың үздіксіз дамуының соңында аймақтық ынтымақтастық жеделдетуге және тереңдетуге бағытталған. Шанхай ынтымақтастық ұйымы көптеген аймақтық ынтымақтастық және даму ұйымдарының бірі болып табылады. Шанхай ынтымақтастық ұйымын құру және дамыту аймақтағы қауіпсіздікті және тұрақтылықты дамытуға ғана емес, сондай-ақ мүше елдердің мүдделерін жақсартуға мүмкіндік береді, бұл оң нәтиже береді. Қазақстан мен Қытай Шанхай ынтымақтастық ұйымының маңызды мүшелері болып табылады және бүгінгі халықаралық үлгідегі маңызды мүшелері болып табылады. Сонымен бірге, бұл екі ел достық және ынтымақтастық қатынастарын

сақтап, Шанхай ынтымақтастық ұйымының аясында экономика, саяси және мәдени салалардағы ынтымақтастық одан әрі дамыды.

Сонымен қатар, олардың ынтымақтастығында кейбір кедергілер бар. Осы мақалаға сәйкес біз Шанхай ынтымақтастық ұйымы шеңберіндегі Қазақстан мен Қытай арасындағы ынтымақтастық туралы көбірек білуге тырысамыз, екі жақты қарым-қатынастарды одан әрі тереңдету үшін сілтеме жасау үшін екіжақты ынтымақтастыққа әсер ететін арнайы факторларды түсінуге тырысамыз.

Тірек сөздер: Туынды қаржылық құрал, қаржылық есеп.

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И КАЗАХСТАНА В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Игибаева М.¹

¹Бакалавр международной политики в
Китайском университете нефти, Пекин, Китай
madinok_@mail.ru

В конце холодной войны и непрерывного продвижения глобализации экономики, регионального сотрудничества показана тенденция ускорения и углубления. Шанхайская организация сотрудничества является одной из важнейших многочисленных организаций регионального сотрудничества и развития. Создание и развитие Шанхайской организации сотрудничества может не только способствовать безопасности и стабильности в регионе, но и способствовать улучшению защиты интересов стран-членов, что будет иметь позитивное значение. Казахстан и Китай являются важными членами Шанхайской организации сотрудничества, а также важными членами современного международного сообщества. В то же время эти две страны поддерживают дружеские и кооперативные отношения, и в рамках Шанхайской организации сотрудничества их сотрудничество в экономической, политической и культурной областях получило дальнейшее развитие.

Однако есть и некоторые препятствия в их сотрудничестве. В соответствии с этим документом мы стараемся больше узнать о сотрудничестве между Казахстаном и Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества, пытаемся понять особые факторы, которые влияют на двустороннее сотрудничество, чтобы дать ориентир для дальнейшего углубления двусторонних отношений.

Ключевые слова: производный финансовый инструмент, финансовый учет.

Received on January 15, 2019

ERA OF INDEPENDENCE AND SOCIAL AND ECONOMIC PROGRESS

Iskaliyev M. D.¹

¹Doctor of economic sciences, professor
Department of economics, Kazakh Ablai khan UIR and WL, Almaty, Kazakhstan

This article examines the problems of economic and social development of Kazakhstan during the years of independence. Particular attention is paid to the problems of the fourth industrial revolution, digitalization, and innovation-innovative development of accession to 30 developed countries of the world.

Keywords: independence, social modernization, social and economic progress, the nation's plan, digitalization

ӘӨЖ 32:33 (574)
ҒТАМП 11.15.06.91

ТӘУЕЛСІЗДІК ДӘУІРІ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ПРОГРЕСС

Исқалиев М.Д.¹

¹экономика ғылымының докторы., профессор
экономика кафедрасы, Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ

Мақалада Қазақстанның тәуелсіздік жылдары экономикалық және әлеуметтік дамуы қарастырылады. Төртінші өнеркәсіптік революция, цифрландыру, индустриальды-инновациялық даму, Қазақстанның 30 дамыған елдер қатарына енуі мәселелеріне ерекше көңіл бөлінген.

Тірек сөздер: тәуелсіздік, әлеуметтік жаңғыру, әлеуметтік-экономикалық прогресс, ұлт жоспары, цифрландыру.

Тарих қойнауына үңілетін болсақ, 26 жыл аса үлкен кезең емес. Мәселе тәуелсіздік дәуірінің осы бір шағын мерзімінде Қазақстан мемлекетінің, қазақ халқының ғасырға татырлық қандай қадам жасап, қандай құндылықтарға қол жеткізгендігінде. Міне енді осы мәселелерге кезең- кезеңмен көз жүгіртейік.

I. Бірінші жаңғыру (1991-1995 жылдар) әлемдік кеңістікте Қазақстан мемлекетінің орнығуы, яғни Қазақстанның тәуелсіз мемлекет ретінде қалыптасуы мен дамуы кезеңі. Бұл жылдарда заманға сай нарықтық экономика үлгісінің негізін қалау, жеке меншікті қалыптастыру, жер реформасының басталуы, ұлттық кәсіпкерліктің пайда болуы, қаржылық тәуелсіздікке қол жеткізу, ұлттық валюта – теңгенің дүниеге келуі сияқты күрделі, аса ауқымды әлеуметтік-экономикалық проблемаларды шешу кезеңдері.

II. Ұлы бетбұрыс. Қазақстанның екінші жаңғыруының басталуы (1996-1999 жылдар).

Президент Н.Ә. Назарбаевтың сөзімен айтқанда “... саяси өзгерістердің қажет екеніне дау жоқ, бірақ олардың сәтті жүзеге асуы үшін ең алдымен, тиімді де бәсекелі экономика болуға тиіс” деген ұстаныммен қияға өрлеу кезеңі. Өндірістің өсуі экономиканың барлық салаларында айқын байқалды, инфляция қарқыны бәсеңдеді, ұлттық валюта бағамы тұрақты деңгейде орныға бастады, еліміздің алтын-валюта қоры айтарлықтай дәрежеде толығып жатты [1].

Қолайлы ахуалдың қалыптасуы Қазақстан экономикасына шетелден ағылған инвестиция көлемінің арта түсуіне сеп болды. Индустриальды-инновациялық даму стратегиясы кезеңдермен жүзеге асырыла бастады.

Сонымен, ХХІ ғ. басы Қазақстан экономикасының қарқынды өрлеу кезеңіне аяқ басты. Қазақстанның үшінші жаңғыруы “Қазақстан 2050” қалыптасқан мемлекеттің стратегиясы қабылданып, жаңа бағыт “2050: озық отыз елдің қатарына қосылу” жоспары қабылданып, кезеңдермен

жүзеге асырылуда. Нақтылап айтқанда “Ұлт жоспары: жалпыұлттық мақсатқа бастайтын “100 нақтылы қадам” деген атқа біріктірілген Бес институционалды реформа белгіленіп, алғы мақсаттарға жүйелі түрде қол жеткізуге жұмылдыруда.

Қазақстан Республикасының Президенті Н.Назарбаевтың Қазақстан халқына “Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайындағы дамудың жаңа мүмкіндіктері” атты Жолдауында еліміздің жаңа дәуірге-заманауи технологиялық дәуіріне көшудің маңызды шарттарын айқын көрсетіп берді [2]. Бұл ретте рухани жаңғыру, қоғамдық сананы өзгерту, индустриялық даму, цифрландыру, ақылды технологияларға, жасыл энергияға көшудің ауқымды міндеттерін жүзеге асыру үшін, Отаншыл рухы биік, батыл, білімді де білікті мамандарды даярлау, жастарды тәрбиелеу міндеттері тұр. Осы тәуелсіздік дәуірінің 26 жылындағы басты құндылықтарымыз: баянды бейбітшілік, ұлтаралық және конфессияаралық келісім, БҰҰ тұрақты емес мүшелігі, БҰҰ Қауіпсіздік кеңесте 2018 жылдың 1 қаңтарынан төрағалық етуі, “Қазақстан-2050” Стратегиясын қабылдап, әлемдегі бәсекеге қабілетті деген 50 елдің қатарына еніп, 100 нақты қадам Ұлт жоспарын жүзеге асыруда. Осы жылдарда нарықтық экономиканың моделі қалыптасты. Еліміз қарқынды экономикалық дамудың жаңа жолына бет алды.

Осы бағытта төртінші өнеркәсіптік революцияның элементтерін кеңінен енгізу міндеттері тұр. Индустрияландыру жаңа технологияларды енгізудің басым бағытына айналуда. Ол болса инновацияға негізделіп, кәсіпорындарды, әсіресе өңдеуші кәсіпорындарды (мұның өнеркәсіптегі үлесі - 40%) жаңғырту және цифрландыруға бағыттау, өнімдерді экспортқа шығаруды көздейтін, жаңа құрал-жабдықтарды әзірлеуді талап етеді. Әсіресе, білім беру жүйесін жаңа индустрияландыру талаптарына сай бейімдеу аса өзекті мәселе. Өйткені, жаңа дәуірде әлеуметтік-экономикалық, техникалық прогрестің көзі білім мен ғылымда екені даусыз мәселе. Осыған қарамастан ғылымға бөлінетін қаражат әлі күнге дейін жалпы ішкі өнімнің (ЖІӨ)-0,22% құрауда. Ал озық елдерде бұл көрсеткіш – 3-4%-ды құрайды. Мәселен, АҚШ-тың ЖІӨ көлемі 17 трлн доллар деп ұйғарғанда, ғылымға – 500 млрд доллар жұмсайды деген сөз. Мұның өзі біздің ЖІӨ көлемінен үш есе көп болғаны. Ал, Жолдауда белгілегендей, Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайында ауқымды әлеуметтік-экономикалық, жаңа технологиялық проблемаларды шешуде білім мен ғылымның рөлін еселеу қажеттігі айқын.

Білімберу саласында оқу бағдарламаларының заманауи өзгерістерге үнемі бейім болу және жаңа білімді игеру міндеттерін шешуде біздің Абылай хан атындағы Қазақ Халықаралық Қатынастар және Әлем Тілдері Университеті өзінің даму стратегиясы мен миссиясын жаңаша қарап, инновациялық типтегі оқу ордасы ретінде Республиканың

жоғары және орта оқу орындарының педагог кадрлерінің біліктіліктерін арттыру, пәндік-тілдік курстарын ұйымдастыру, ағылшын тілін оқытудың жаңа технологиясын игеріп, еліміздегі бірегей ғылыми-методикалық орталығына айналды, ЭКСПО-2017 халықаралық көрмесінің ойдағыдай өтуіне белгілі дәрежеде үлес қосқандығын ерекше атап өту керек.

Ақиқатында мемлекет тарапынан қамқорлық жетерлік, әсіресе қаржыға байланысты. Тек 2010-2014 жылдарда индустрияландыру мен инновацияға 3,7 трлн теңге жұмсалғаны да осыны айғақтайды. Ал басқа бір деректерге жүтінсек, кейбір аудан, облыс, тіпті, Республикалық дәрежедегі лауазымды қызметкерлер мен шенеуніктер қаржыны жымқыру мен шетел асырыуына жететін қаражат, неліктен білім, ғылым, денсаулық сақтау, мәдениет жалпы әлеуметтік салаға жетіспеушілігі түсініксіз жәй, мәселе мемлекеттік бюджеттің көлемі, құрылымы, бөлінуі, кірісі мен шығысын қатаң бақылау, реттеу амалдарын қатайту керек. Өйткені бұл проблемаларды нарық өздігінен шеше алмайтыны анық. Бұл нарық қатынасының ең бір әлсіз жері.

Сонымен қатар бізде басқару аппаратын реттеу қажеттігі де күрделі мәселе. Республикадағы 18 миллион халыққа-100 мың мемлекеттік қызметкер келеді екен, ал 130 миллион халқы бар Жапонияда 10 мың мемлекеттік қызметкер, одан Жапония зардап шегіп отырған жоқ.

Бұл бір ойланатын проблема.

Қазақстан Президентінің биылғы халыққа Жолдауында көрсетілгендей, барлық өңірлеріндегі Оқушылар сарайларының базасында компьютерлерді, зертханаларды, барлық қажетті инфрақұрылымдары бар техно-парктері мен бизнес инкубаторларының желісін құруды міндеттеп отыр. Өте дұрыс, стратегиялық маңыздылығы зор, тың идея, жастарға деген үлкен қамқорлық. Осы идеяларды жүзеге асыруда кез-келген өңірде мүмкіндік бар.

Мысалы, Алматы қаласының өзінде Республикалық Оқушылар сарайынан басқада резервтермен толықтыруға болар еді.

Кезінде Алматы оқушы-жастарына қызмет еткен қалалық пионерлер сарайы (оқушылар сарайы деп қалдыруға болмас пе еді?). Немесе “Ала-тау”, “Октябрь”, “Родина”, “Байқоңыр” кинотеатрларын басқаша жаңартып Алматы студент-жастар (Алматыда 40-тан астам жоғары оқу орны бар, оған қоса қаншама колледждер) мен мектеп оқушыларының (қалада 150-ден астам мектеп бар) сарайына, мәдениет немесе спорт кешеніне, техникалық үйдеріне айналдыруға болмас пе еді?

Мәдениет объектілерін құлатып (қаражаттың тапшылығы мен сол объектілердің жеткіліксіздігіне қарамастан), орнына коммерциялық сауда-саттық объектілерін салу үрдісіне айналды. Немесе, Алматы үй құрылысы комбинаты (АДК), Алматы мақта-ата комбинаты (АХБК),

“Мерей” жиһаз объектілерін сауда-саттық орнына айналдырмай, Алматылық кәсіпкерлерге (нақтылы өнім өндіретін), немесе Жолдауда көрсетілген “баршаға тегін кәсіптік техникалық білім беру” жобасын жүзеге асыруда пайдалануға негіз қалаған болар еді. Елбасының “Болашаққа бағдар; рухани жаңғыру” және биылғы Жолдауының алғы міндеттеріне сай бұл мәселеге де жаңаша көзқарас қажет. Халықтың әл-ауқаты, тұтыну дәрежесі, әсіресе селолық елді мекендердің, онда тұратын адамдардың тұрмыс тіршілігі арғарлы-өнеркәсіптік кешендердің тиімді дамуымен тікелей байланысты. Әлеуметтік-экономикалық маңыздылығы зор осы проблема Қазақстан Республикасының Президентінің үстіміздегі жылға кезекті Жолдауында алға қойылған он міндеттің ішіндегі үшінші болып белгіленді [3].

Нақтылап айтқанда “ақылды технологиялар” – агроөнеркәсіп кешенін қарқынды дамыту, ол болса бұл салада еңбек өнімділігін түбегейлі арттыруға және өңделген өнімнің экспортын ұлғайтуға бағытталатын болады. 2018 жылдың 1 қаңтарынан бастап 2 мыңнан астам адам тұратын аудандық маңызы бар қалалар, ауылдар мен ауылдық округтерде жергілікті өзін-өзі басқарудың дербес бюджеті мен коммуналды меншігін енгізуді заң жүзінде белгіленген. Бұл үлкен прогресс, селолық елді мекендер мен оның тұрғындарына деген зор қамқорлық. Жаңадәуірдің әлеуметтік-экономикалық прогресі деген осы. Алайда осы салада өзекті проблемалар жетерлік. Сонымен, төртінші өнеркәсіптік революция жағдайында дамудың жаңа мүмкіндіктерінің бірі аграрлы өнеркәсіп кешенін қарқынды дамытуда болып отыр. Өйткені, Қазақстанда өндірілген ауылшаруашылық өнімдердің 80%-ы өңделмей, шикізат күйінде сатылуда. Осыдан импорт бойынша мал өнімдерінің үлесі (ірімшіктің) -51% шұжық өнімдері - 46%, ет және ет консервілері - 40%, сары майдың – 36,1%. Егіс өнімдері бойынша ішкі рынок сыртқа тәуелді, мәселен қанттың - 42%. Осыған қарамастан қант зауыттарының жұмыс бастылығы (загруженность) – 37,4%. Ал жеміс-жидек өнімдері бойынша импорттың үлесі - 84%, картоп өнімдері бойыншада жағдай осылай.

Қалыптасқан агроөнеркәсіп кешенінде жағдайды талдау өңдеуші кәсіпорындардың өндірістік қуаты (ет, сүт кәсіпорындарының). 50-60% мөлшерінде ғана қызмет атқарып келді. Себебі, шикізат көздерінің, оны өңдеуге қызмет ететін инфрақұрылымның жеткіліксіздігі немесе онымен айналысатын жеке және заңды тұлғалардың жауапсыздығында.

Шын мәнінде ауылшаруашылығы өндірісін кешенді дамытуға бөлінетін қаражат көлемі жылдан жылға өсіп, осы жылдары 4 трлн теңгеге жетті. Осыған қарамастан ауыл шаруашылығы өндірісінің экономикадағы үлесі 7%-ға жетпейді, еңбек өнімділігі озық елдермен салыстырғанда 15-17 есе төмен. Ақиқатында Қазақстанның табиғи факторы (жер көлемі, егістік жер көлемі, мал басының саны) бөлінген инвестиция көлемі мен адами факторды ескерер болсақ “Қазақстанда

жасалған” табиғи азық-түлік брендин қалыптастырып ілгерілуге мүмкіндік зор.

2017-2021 жылдарға белгіленген АӨК дамыту бағдарламасы шеңберінде аграрлық өңдеу Картасы бекітілді. Тұңғыш рет осы Тәуелсіздік жылдарында еліміздегі жұмыс істеп тұрған ауылшарушылығы өнімдерін өңдеу кәсіпорындарына тексеру жүргізіліп осындай өңдеу Картасын жасауға қол жетті. Нәтижесінде 1300 өндіруші кәсіпорын базасы айқындалды. Өңдеу картасы негізінде, біріншіден, 435 істеп тұрған кәсіпорындардың өндірістік қуаттылығын көтеру; екіншіден, істеп тұрған 80 кәсіпорынды жаңарту, модернизациялау; үшіншіден, жаңадан 79 кәсіпорынды ұйымдастыру көзделуде. Осы ұйымдық-экономикалық, инновациялық бағыттағы шараларды жүзеге асыру еліміздің азық-түлік қауіпсіздігін нығайтып, 2021 жылғы қарай импорттың үлесін қазіргі 31,6%-дан 25,1%-ға дейін төмендету мүмкіндігін береді.

Талдау көрсеткендей, бастамалар мен бағдарламалардың көп бағыттылығына қарамастан, инновациялық салада қарқынды даму байқалмай отыр. Цифрларға жүгінер болсақ Қазақстанда тіркелген 31077 кәсіпорынның 1743-де ғана (5,6%) өнімдік инновация бар. Салыстырар болсақ АҚШта инновацияны белсенді қолданатын кәсіпорындардың үлесі -50%, Венгрияда - 47%, Эстонияда - 36%.

Жаһандық технологиялық өзгерістер, 2014-2016жж, әлемдік шикізат нарығындағы бағаның құлдырауы, жалпы жаһандық тұрақсыздықтың өсуі жаңа экономикалық ахуалға көшуді алға тартып отыр. Жалпы әлем төртінші индустриалды революцияны бастан кешуде. Ал, жаңа технологиялық революцияның негізі – экономиканы цифрлық жүйеге көшіруде. Осындай стратегиялық маңыздылығы, тиімділігі зор міндеттерді шешу мақсатымен 2017 жылдың желтоқсан айында ҚР Үкіметі экономиканы технологиялық жаңарту мен әртараптандырудың “Цифрлы Қазақстан” атты мемлекеттік бағдарламасын бекітті (2018-2022 жылдарғы арналған). Эксперттердің бағалауынша тиімділік көрсеткіші нақтылы негізделген. Атап айтқанда, цифрландыру өнімдерін жүзеге асыру тиімділігі ЖІӨ (жалпы ішкі өнім) 30%-дық өсімін қамтамасыз ететін болады. Осыдан басқа 2018-2022 жылдарды бағдарлама негізінде 200 мың жаңа жұмыс орындарын ашу көзделуде.

Алдын-ала есептеулерге қарағанда “Цифрлы Қазақстан” мемлекеттік бағдарламасының тікелей тиімділігі 2025 жылға қарай 1,7-2,2 трлн теңгенің қосымша құнын жасап, инвестиция қайтарымдылығын 4,8-6,4 есеге арттыратын болады (жеке инвестицияны ескеріп, жалпы инвестиция көлеміне шаққанда).

2021 жылға қарай 19970 шақырым талшықты-оптикалық байланыс желілерін орнатып, 1249 елді мекенді жоғары жылдамдықтағы интернетпен қамтамасыз ету жоспарланып отыр. Төртінші өнеркәсіптік

революция шеңберінде “Цифрлы Қазақстан” бағдарламасының таяу жылдардағы көрінісі осындай.

Қалыптасқан осы жағдайларды ескере отырып, Жолдауда еліміздің бірнеше өнеркәсіптік кәсіпорындарына цифрландыру жөніндегі пилоттық жобаны іске асырып, инновациялық шешімдерді әзірлеушілердің өз эко жүйесін дамытып, бұл тәжірибені кеңінен таратуды міндеттеп отыр. “Цифрлық Қазақстан” бағдарламасына сәйкес цифрландыруды енгізу өндіруші өнеркәсіпте өнімнің өзіндік құнын төмендетін, өндіріс көлемін ұлғайтуға қол жеткізеді. Осы жобаны жүзеге асыру есебінен тек кеден және салық жүйесінде мемлекет қазынасына 100 миллиард теңге көлемінде қаржы түседі деп күтілуде. Өнеркәсіптік революция жағдайында дамудың жаңа мүмкіндіктері елімізде толыққанды машина өндірісін қарқынды дамыту, сөйтіп экономикамыздың мұнайдан тәуелділігін төмендетіп дамудың жаңа жолына бет алатын болады. Оған мынаны айтудың өзінде жеткілікті. Соңғы бес жылдықта бұл саладағы кәсіпорындар қатары біраз көбейді. Индустрияландыру картасы шеңберінде жүзден аса жоба іске асырылды. Мемлекеттің қолдауымен түпкі өнім шығаратын өндіріс жолға қойылды. Атап айтқанда, мобильді бұрғылау кешендері, электровоздар, жүк және адам тасымалдайтын вагондар, жеңіл және жүк машиналары, вертолеттер шығаруға қол жетті. Тұтастай алғанда машина өнеркәсібі өнімдерінің өңдеуші өнеркәсіптегі үлесі он пайызға жетті. Нәтижесінде Қазақстанның машина өндірісінің өнімдері Ресей, Қытай, ТМД мемлекеттеріне экспорттау мүмкіндігін берді.

Екінші бесжылдықта 2015-2019 жж. индустриаландыру Картасына сәйкес бұл сала нығайып, Өскеменде толық циклды автозауыт пен автобөлшектерін шығаратын технопарк, Орал қаласында шағын катерлер шығаратын өндірісті жаңарту және ұлғайту, Семейде аккумулятор батареяларын, Қарағандыда көпір крандарын, Алматыда кабель өткізгіштер өнімдерін шығаратын т.с.с. зауыт іске қосылатын болды. Сонымен, еліміздің машина өндірісі саласын кешенді жаңарту еліміздің бәсекеге қабілеттілігін арттырып, оның озық 30 елдің қатарына енуіне негіз қалайтын болады.

Осындай өнеркәсіптік революция талаптарына сай кешенді ғылыми-техникалық, әлеуметтік-экономикалық шараларды жүзеге асыра отырып, Қазақстан әлемдегі түрлі сынақтарға төтеп беріп, тәуелсіздік дәуірінің дамуы мен шындалуы қарқын алып, елімізде қазақстандық мемлекеттік нығайып, әлеуметтік-экономикалық прогреске қол жеткізетін болады.

Ел басының “Тәуелсіздік дәуірі”, “Болашаққа бағдар: рухани жаңару” бағдарламалық еңбектері өткеннен сабақ алып, болашаққа бағыт-бағдар беретін, ертеңгі жетістіктеріміздің кепілі, жол көрсеткіші (жол басшы) болатындығына сеніммен айтуға болады.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Назарбаев Н. Тәуелсіздік дәуірі. - Астана, 2017. – 508 б.
- 2 Назарбаев Н. Қазақстан Республикасының Президенті Н. Назарбаевтың Қазақстан халқына Жолдауы. Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайындағы дамудың жаңа мүмкіндіктері. – Астана, 2018 .
- 3 Назарбаев Н. Болашаққа бағдар: рухани жаңару // Егемен Қазақстан. - 2017. – 14 сәуір.

ЭПОХА НЕЗАВИСИМОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Искалиев М.Д.¹

доктор экономических наук, профессор
кафедра экономики, КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

В данной статье рассматривается проблемы экономического и социального развития Казахстана за годы независимости. Особое внимание уделяется проблемам четвертой промышленной революции, цифровизации, индустриально-инновационного развития вхождения в 30 развитых стран мира.

Ключевые слова: независимость, социальная модернизация, социально-экономический прогресс, план нации, цифровизация.

Статья поступила 10.1.2019

THE IMPACT OF FDI ON THE GROWTH OF KAZAKHSTAN'S ECONOMY

Makarenko A.S.¹

¹ Xinjiang University, Faculty of Economics and Management
Master student 2nd course, linalimark@gmail.com
Urumqi, PRC.

Based on a detailed study of the investment environment of Kazakhstan, was carried out a comprehensive analysis of the investment environment of the country, using a multi-level approach, and also was considered the impact of the investment environment on the economy of Kazakhstan.

Keywords: Kazakhstan, Foreign Direct Investment, Economic Growth.

УДК 338.124

МРНТИ 06.52.42

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПИИ НА РОСТ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА

Макаренко А.С.¹

¹ Синьцзянский Университет, Факультет экономики и менеджмента
магистрант 2-курса, linalimark@gmail.com
Урумчи, КНР

На основе подробного изучения инвестиционной среды Казахстана, был проведен комплексный анализ инвестиционной среды страны, с использованием многоуровневого подхода, также было рассмотрено влияние инвестиционной среды на экономику Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан, прямые иностранные инвестиции, рост экономики.

Казахстан - самая большая страна в Центральной Азии и одна из самых густонаселенных. Казахстан получил независимость в 1991 году и с тех пор продолжает развиваться. Эта страна богата энергетическими и минеральными ресурсами, хорошо образованным населением, существенными возможностями экспорта промышленной и сельскохозяйственной продукции.

В Казахстане прошел целый ряд экономических реформ, и сегодня экономика Казахстана считается самой успешной в странах Центральной Азии. Казахстан также стал одной из первых стран, которая достигла инвестиционного уровня BBB/стабильный от Standard & Poor's в 2004 году. ВВП постепенно рос с течением времени, и Всемирный Банк включил Казахстан в десятку самых быстроразвивающихся экономик в 2005 году. А по мнению международной Организации экономического сотрудничества и развития OECD экономика Казахстана за последние несколько десятилетий прошла через длительный период устойчивого роста с уверенным повышением величины валового внутреннего продукта на душу населения. Это способствовало улучшению социально-экономических условий жизни граждан страны, снизило уровень бедности и повысило рыночную активность. Основным локомотивом развития страны стал масштабный экспорт минеральных и энергетических ресурсов (Рисунок 1).

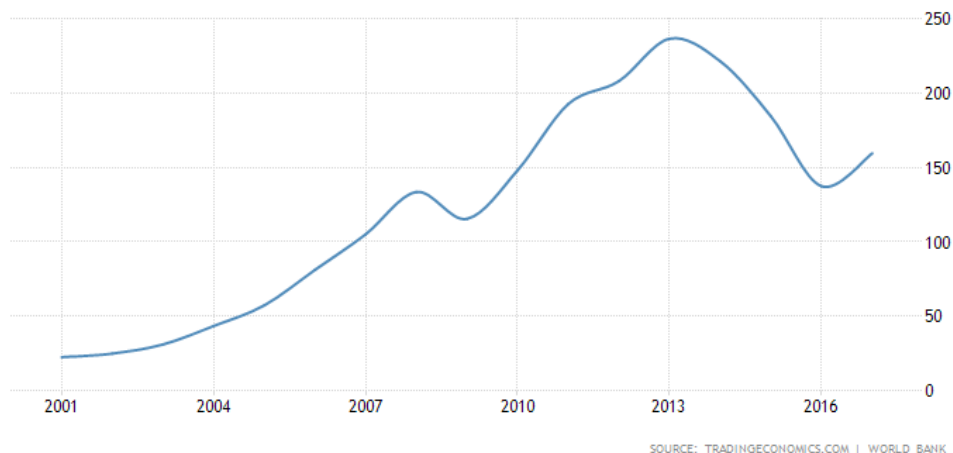

Рисунок 1 - Динамика ВВП 2001-2018

С 1991 года Казахстан трансформировался путем реформ, направленных на то, чтобы сделать переход от плановой экономике к рыночной как можно более гладким. Такими реформами были демонополизация, приватизация, реструктуризация задолженности и налогов, а также либерализация цен. Правительство Казахстана реформировало свою банковскую систему и усовершенствовало законы

об инвестициях, ослабила торговые процессы и создала собственную валюту. Также уровень безработицы в Казахстане является самым низким в регионе Центральной Азии.

Правительство Казахстана считает, что за счет привлечения иностранных инвестиций будет обеспечен дальнейший рост, диверсификация экономики и развитие страны. Для этого, однако, необходимо обеспечить стабильную экономическую среду и улучшить состояние инвестиционного климата, снизить уровень инфляции и сократить дефицит бюджета.

С момента обретения независимости Казахстана в экономику страны было привлечено более 310,8 миллиардов долларов США в виде валовых прямых иностранных инвестиций, что свидетельствует о достаточно благоприятном инвестиционном климате в стране (Рисунок 2).

Казахстан за первое полугодие 2018 года привлек в национальную экономику 12,3 миллиарда долларов, это на 15,4 процента больше, чем годом ранее - 10,6 миллиарда долларов. Примечательно то, что 92,4 процента (11,3 миллиарда долларов) всех инвестиционных потоков в страну сформировали всего 10 стран.

Абсолютным многолетним лидером по инвестициям являются Нидерланды, за 6 месяцев объем инвестиций составил 3,8 миллиарда долларов (год назад - 3,1 миллиарда долларов). Второй стратегический инвестор - США - 2,8 миллиарда долларов (годом ранее - 2,3 миллиарда долларов). Замыкает тройку страновых лидеров Швейцария - 1,3 миллиарда долларов (за аналогичный период прошлого года - 1,2 миллиарда долларов). Ближайший сосед - РФ - в 2018 году проинвестировал совместные проекты на сумму 821 миллион долларов против 586,3 миллиона годом ранее.

Рисунок 2 – Динамика ПИИ 2001-2018 год

В многолетней динамике заметно, как увеличивается интерес стран к Казахстану. После резкого снижения мировых инвестиционных потоков в 2014-м (до 1,3 триллиона долларов) в Казахстане их объем уже на следующий год также сократился на значительные 38,7 процента. Однако с 2016 года идет планомерное восстановление инвестиционной привлекательности отраслей на фоне модернизации инвестиционного климата страны в пользу “эффективных” инвестиций, нацеленных на повышение объемов производства и товарооборота.

Правительство Казахстана понимает всю важность прямых иностранных инвестиций и понимает, что ПИИ необходимы для поддержания устойчивого роста экономики. Цель состоит в том, чтобы создать открытый и либеральный режим для ПИИ, с гарантиями национального режима, без экспроприации, с репатриацией средств, со стабильным правовым режимом, с доступом к международному арбитражу и льготами в приоритетных секторах. Желание страны состоит в том, чтобы обеспечить более привлекательный инвестиционный климат, привлекая как можно больше крупных транснациональных и глобальных предприятий^[1]. С точки зрения законодательства, существует множество льгот предлагаемых иностранным инвесторам в приоритетных секторах, таким образом, приоритетными сферами для привлечения инвесторов являются следующие сферы: промышленная инфраструктура, перерабатывающая промышленность; развитие основных городов, строительство, сельскохозяйственный сектор. Стратегия Казахстана также состоит в том, чтобы защитить постоянно развивающиеся отрасли страны, поддерживая их на государственном уровне, особенно в области нефти и минеральных ресурсов.

В ноябре 1996 года был создан Государственный комитет по инвестициям. Он был создан в качестве единого центра для реструктуризации инвестиционных процедур в стране, для оценки инвестиционной политики, для разработки инвестиционных предложений, для координации деятельности различных участвующих государственных учреждений, для содействия с квалифицированными инвесторами, для определения условий работы до подписания контрактов и для мониторинга проектов.

30 июня 1998 года Президент Казахстана подписал указ о создании Совета иностранных инвесторов, который напрямую отчитывался ему. В соответствии с новым законом об инвестициях (Закон Республики Казахстан «Об инвестициях» № 373-ІІ ЗПК) иностранные инвесторы имеют право создавать свои предприятия и владеть имуществом. Земля доступна в аренду, и все иностранные инвесторы имеют право инвестировать в любые сферы, за исключением тех, которые исключены законодательством Республики Казахстан.

Этот закон также гарантирует правовую защиту деятельности инвесторов в стране, правам инвесторов, использованию доходов, условиям договоров между инвесторами и правительством, а также предоставляет механизм для урегулирования споров. Новый закон также гарантирует поддержку инвестиций со стороны правительства, которая включает в себя создание благоприятного инвестиционного климата, стимулирование инвестиций в новые производства, а также расширение и реконструкцию уже существующих. Существуют инвестиционные привилегии, доступные утвержденным проектам в приоритетных сферах: вычет стоимости основных средств, внесенных в рамках инвестиционного проекта из совокупного годового дохода; освобождение от налога на имущество и земельного налога; освобождение от таможенной пошлины; государственные гранты (не более 30% от объема капитальных вложений). Эти привилегии предопределены договором между инвестором и правительством. Закон защищает от экспроприации и гарантирует репатриацию капитала, прибыли и дивидендов^[2].

Такие товары, как оборудование и сырье, могут быть квалифицированы как товары полного или частичного освобождения от пошлины, при условии, что товары используются в качестве вклада в обозначенных приоритетных проектах. Те компании, которые являются экспорто-ориентированными предприятиями, созданными в особых экономических зонах, имеют право на особые льготы, такие освобождение от налоговых и таможенных пошлин. Также Правительство РК разрешает ввоз товаров странами-партнерами по Договору о Свободной Торговле, и некоторыми развивающимися или наименее развитыми странами беспошлинно или по сниженным ставкам в рамках Общей Системы Преференций. В целях привлечения инвестиций и активизации внешнеэкономических связей, в Республике Казахстан Указом Президента Республики Казахстан созданы 9 специальных экономических зон (СЭЗ): «Астана – новый город» в городе Астана (легкая промышленность, автомобилестроение, авиационная, химическая); «Морпорт Актау» в Мангистауской области (легкая промышленность, химическая, металлургическая промышленность); «Парк информационных технологий» в городе Алматы (приборостроение); «Онтүстік» в Южно-Казахстанской области (легкая и текстильная промышленность); «Национальный индустриальный нефтехимический технопарк» в Атырауской области (нефтехимическая промышленность); «Бурабай» в Акмолинской области (туризм); «Павлодар» в г.Павлодар (химическая и нефтехимическая промышленность); «Сарыарқа» в Карагандинской области (металлургия и машиностроение); «Хоргос – Восточные ворота» в Алматинской области (логистика); «Химический парк Тараз»

в г. Тараз (химическая промышленность).

Инвесторам разрешено выкупать крупные промышленные компании по долгосрочным контрактам на управление, через полностью иностранные компании, совместные предприятия, филиалы и представительства иностранных юридических лиц. Существуют соглашения о разделе продукции с Правительством РК, предназначенные для эксплуатации природных ресурсов.

По данным Агентства Республики Казахстан по статистике, на 1 ноября 2018 года в стране работало 17,3 тысяч иностранных фирм, на которых работало более 60 тыс. человек. Международный валютный фонд сообщил, что ПИИ поступают в Казахстан с разбивкой по инвестициям в акционерный капитал, реинвестированным доходам и внутрифирменным кредитам.

Неудивительно, что приток ПИИ в Казахстан влияет на экономический рост, на улучшение торгового баланса и платежного баланса, а также всех на все других важные макроэкономические показатели. Это влияние положительно и благоприятно для страны. Однако еще слишком рано оценивать, в какой степени ПИИ оказывают влияние на местную экономику^[3]. ПИИ могут стимулировать как технологический потенциал, так и развитие людских ресурсов. Вот почему правительство РК проводит политику установления более тесных связей между крупными иностранными инвесторами в ресурсных сферах и местными поставщиками. Это сотрудничество привело к установлению связей, которые ведут к развитию технологических возможностей отечественных предприятий.

Примером такого предприятия является «Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б. В.» консорциум компаний Royal Dutch Shell plc (Нидерланды, Великобритания) — 29,25 %; Eni (Италия) — 29,25 %; «Шеврон» (США) — 18 %; «Лукойл» (Россия) — 13,5 %; «КазМунайГаз» (Казахстан) — 10 %, реализующий программу в проекте «Карачаганак», направленную на увеличение внутренней продукции, по разработке огромного нефтегазового месторождения в западном Казахстане. На сегодняшний день КПО заключил контракты на поставку товаров и услуг более чем с 400 местными компаниями. На такие контракты с местными компаниями приходилось около двух третей всех новых контрактов, подписанных КПО, на сумму около 600 миллионов долларов США.

По мнению иностранных инвесторов, Казахстан является больше развивающимся рынком, а не развитым, включая секторы нефти и минералов. И его сильные стороны рассматриваются только с этой точки зрения, и в этом случае эта страна также рассматривается как экономически жизнеспособная и прибыльная. Следующие факторы рассматриваются представителями иностранных инвесторов и независимыми наблюдателями как сильные стороны Казахстана^[4]:

1. Природные ресурсы этой страны обладают привлекательными огромными запасами углеводородов и полезных ископаемых, и привлекательным разведочным потенциалом для дополнительных открытий. Наряду с нефтегазовыми ресурсами, которые являются ключевым сектором, привлекающим иностранных инвесторов. Казахстан также обладает природными ресурсами мирового класса, такими как уголь, уран, золото, алюминий, свинец, медь, цинк, железная руда и т.д. Казахстан также имеет богатые земельные ресурсы, которые можно использовать для сельского хозяйства, хотя некоторые районы сильно зависят от орошаемой воды, что может иметь высокую экономическую стоимость.

2. Казахстан является крупнейшей экономикой в Центральной Азии, население которой составляет около 18 миллионов человек, а ВВП и ПИИ растут высокими темпами. Казахстан является значительным рынком для инвестиций не только в добывающий сектор, но и в инфраструктуру, и в сферу товаров и услуг, особенно в тех областях, где иностранные поставки через импорт не выгодны из-за больших расстояний или высоких транспортных расходов. Это транзитная страна, и расположение Казахстана в непосредственной близости от развивающихся рынков России, Центральной Азии и Китая предоставляет стране возможность служить центром транспортных и других услуг, а также платформой для экспорта.

3. По сравнению с другими странами Центральной Азии, в Казахстане стабильная макроэкономическая ситуация, предусмотрительная макроэкономическая политика. А стабильная макроэкономическая ситуация и стабильная валюта, как правило, рассматриваются как позитивные факторы потенциальными инвесторами.

По привлечению прямых иностранных инвестиций Казахстан занимает второе место после России, на территории СНГ. Только США инвестировали больше 5 миллиардов долларов за период 2017-2018 года. Однако более 80 процентов всех инвестиций уходят в добывающий сектор. А стране необходимо расширять и углублять экономические реформы и диверсифицироваться от нефти, чтобы защитить свою экономику от шоков. Чтобы добиться этого, эта страна должна устранить существующие административные барьеры и предложить возможности для инвестирования в не сырьевые сферы^[5]. Другой важной проблемой в создании эффективной среды является обеспечение реализации структурных реформ, включая транспарентность и корпоративное управление, приватизацию и коммерциализацию коммунальных услуг, а также либерализацию торговой политики.

Для обеспечения четкого и однозначного доступа к международному арбитражу необходима модификация существующего законодательства. Следовательно, нужно упростить процесс получения

разрешения на работу для временных иностранных работников. А для обеспечения справедливой регистрации бизнеса нужно установить централизованную скоординированную процедуру регистрации. Что касается налогообложения, основное внимание следует уделять конкретным приоритетным вопросам налогообложения, которые создают серьезные проблемы для инвесторов, в том числе: обеспечение транспарентности налогового законодательства путем толкования критических случаев и общих положений законов и нормативных актов, а также создания функционирующего механизма обжалования; усиление исполнения законодательства и сокращение количества ненужных проверок и инспекций^[6]. Институциональную структуру нужно улучшить в области институционального потенциала органов, связанных с инвестициями, с учетом лучших мировых практик, а также координировать между национальными и местными агентствами по оказанию послепродажного обслуживания для инвесторов. Наконец, региональному сотрудничеству нужно уменьшить торговые барьеры для трансграничной торговли и транзита в регионе и расширить сотрудничество в рамках региональных групп. Таможенным органам нужно также изменить свою политику и правила с точки зрения длительности задержек, связанных с остановкой транспорта.

Другая проблема, которая должна быть решена - государственная бюрократия, в которой нужно изменить следующие пункты: нужно разъяснить сферы ответственности каждого агентства и устранить дублирования; нужно создать правила и нормы для проведения проверок и сделать их доступными для общественности и понятными для иностранных инвесторов.

Рекомендации для субрегионального и регионального сотрудничества состоят в том, чтобы поощрять экономическое сотрудничество между пятью странами Центральной Азии посредством сотрудничества в привлечении и продвижении инвестиций, принимая во внимание текущие потребности стран региона. Нужно синхронизировать национальные инвестиционные стратегии принимающих стран. Нужно устранить административные барьеры, улучшить деловую среду. Нужно наращивать компетенции в конкретной политике поощрения инвестиций с координацией инвестиционной политики стран Центральной Азии. При условии, что региональные программы технической помощи в области торговли и инвестиций в Центральной Азии планируются и осуществляются различными организациями-донорами. Нужно развивать партнерство с другими поставщиками технической помощи для обеспечения синергетического эффекта и понимания, достигнутого другими учреждениями в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Альфаро Л. Прямые иностранные инвестиции и рост // Важен ли сектор? Гарвардская Школа Бизнеса – 2015 – С. 1-32.
- 2 Дас Г. Г. Нат Х.К. и Илдиз Х.М. Прямые инвестиции и неравенство в производительности по странам // SSRN – 2017 – С. 37-52
- 3 Чинг Фанг Минг, Чжанг Ли Мин, Би Янг Ру Региональное экономическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии с точки зрения инвестиций // Исследование и развитие – 2012ю - Февраль – С. 1-5.
- 4 Херзер М., Дьерк К. Как ПИИ действительно влияют на рост развивающихся стран // Экономическое развитие и интеграция. – 2018. - № 4. – С. 70-89
- 5 Каркович М. Ускоряют ли прямые иностранные инвестиции экономический рост? – 2017 – С. 1-11.
- 6 Li Jinye, Ma Xiaoqin. The Dynamic Evolution of Foreign Direct Investment in Kazakhstan and the Choice of China's Investment in Kazakhstan // Journal of Xinjiang University. Philosophy & Humanities and Social Sciences. – 2012. - № 40(04). - С. 89-93.
- 6 Хсяо Ф., Хсяо М. ПИИ, экспорт и ВВП стран Восточной и Юго-Восточной Азии // Журнал Экономики Азии. – 2016. - № 3. – С. 82-106

ҚАЗАҚСТАН ЭКОНОМИКАСЫНЫҢ ӨСУІНЕ ТІКЕЛЕЙ ШЕТЕЛДІК ИНВЕСТИЦИЯЛАРДЫҢ ӘСЕРІН ЗЕРТТЕУ

Макаренко А.А.¹

¹ Синьцзян университеті, Экономика және менеджмент факультеті
2 курс магистранты, linalimark@gmail.ru
Үрімші, ҚХР

Қазақстанның инвестициялық ортасын егжей-тегжейлі зерделеу негізінде көп деңгейлі тәсілді пайдалана отырып, елдің инвестициялық ортасына кешенді талдау жүргізілді, сондай-ақ инвестициялық ортаның Қазақстан экономикасына әсері қаралды.

Тірек сөздер: Қазақстан, тікелей шетелдік инвестициялар, экономикалық өсу.

Статья поступила 08.02.2019

NORMATIVELY-LEGAL BASES of ANTIMONOPOLY ADJUSTING

Muratova R.A.¹

¹ KazUIRandWL named after Ablay Khan, Candidate of economic science .
Zhugalina B.M.²

² KazUIRandWL named after Ablay Khan, Candidate of Law,
Almaty, Kazakhstan

Antimonopoly Questions of antitrust regulation are an integral part of market relations, which is emphasized in the article. The authors analyze the state of the regulatory framework of antitrust regulation in Kazakhstan. The article examines the organizational structures and methods of state antimonopolistic regulation. The article discusses the directions and forms of antimonopoly regulation of the Republic of Kazakhstan and the issues of consumer rights protection. We consider the conditions for classifying business

entities as dominant positions in the market. The tasks of price regulation of the activity of natural monopolies are analyzed.

Keywords: antitrust regulation, competition, legal and regulatory acts, natural monopolies, consumer rights protection.

УДК 327(510+540)

МРНТИ 11.11:25

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Муратова Р.А.¹

¹КазУМОиМЯ имени Абылай хана, к.э.н.

Жугралина Б.М.²

КазУМОиМЯ им. Абылай хана, к.ю.н., доцент

Алматы, Казахстан

Вопросы антимонопольного регулирования представляют неотъемлемую часть рыночных отношений, что подчеркивается в статье.

Авторами анализируется состояние нормативно-правовой базы антимонопольного регулирования в Казахстане. В статье исследуются организационные структуры и методы государственного антимонопольного регулирования. В статье рассматриваются направления и формы антимонопольного регулирования Республики Казахстан и вопросы защиты прав потребителей. Рассматриваются условия отнесения хозяйствующих субъектов к доминирующим позициям на рынке. Проанализированы задачи ценового регулирования деятельности естественных монополий.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, конкуренция, правовые и нормативные акты, естественные монополии, защита прав потребителей.

Антимонопольное регулирование представляет собой особую сферу взаимоотношений между административной, правовой и экономической структурами системы государственного управления. Особенность процессов антимонопольного регулирования заключается в создании и поддержании правовой конкурентной среды функционирования всех хозяйственных субъектов независимо от их формы собственности. В отличие от других направлений отраслевого и территориального государственного регулирования антимонопольное регулирование охватывает все процессы, начиная от производства материальной продукции, услуг и завершая доведением до промежуточного или конечного потребителя.

Создание и поддержание конкурентной среды является основным условием правовых рыночных отношений. В этой связи основной целью антимонопольного регулирования является ограничение монополии, монополии, монополистической и олигополистической конкуренции в рамках административных правовых отношений. Как любая административная деятельность, она базируется на основополагающих инструментах законодательной правовой системы государства.

В Казахстане к таковым помимо основного закона страны, Конституции Республики Казахстан, относятся следующие законы и правительственные акты и постановления:

1) Закон от 19 января 2001 г. N 144 “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности”;

2) Закон Республики Казахстан «О естественных монополиях» от 9 июля 1998 г с дополнениями и поправками по состоянию Дата последней редакции: 24.05.2018 № 156;

3) Закон Республики Казахстан «О недобросовестной конкуренции от 25 декабря 2008 года N 112-IV.

4) Закон «О защите прав потребителей» от 4 мая 2010 года № 274-IV.

5) Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК. «Об административных правонарушениях»

6) «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан». Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.01.2019 г.)

7) Постановления Правительства Республики Казахстан («О некоторых вопросах приватизации на 2016 – 2020 годы от 30.12.2015», «Комплексный план приватизации на 2016 - 2020 годы», «Об утверждении перечня видов деятельности, осуществляемых юридическими лицами, более пятидесяти процентов акций (долей участия в уставном капитале) которых принадлежат государству, и аффилированными с ними лицами»

8) Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 декабря 2015 года № 1095 «Об утверждении Правил проведения публичных слушаний при рассмотрении заявок на утверждение тарифов (цен, ставок сборов) или их предельных уровней на регулируемые услуги (товары, работы) субъектов естественных монополий».

Указанные нормативно-правовые акты обеспечивают антимонопольное регулирование, формами которого является нормативное и правовое воздействие на все хозяйствующие субъекты. В процессе государственного регулирования и контроля нормативно-правовые акты подвергаются дополнениям и изменениям.

Нормативное регулирование представляет собой процесс мониторинга основополагающих норм и правил субъектов на рынке и государственный контроль за ним.

Правовое воздействие состоит в воздействии на правоотношения между субъектами предпринимательской деятельности с помощью правовых норм.

Согласно статьи 26 Конституции РК, утверждающей правовые основы, регулирующие развитие конкуренции, определено, что «... каждый имеет право на свободу предпринимательской деятельности,

свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности [1].

На этапе формирования рыночных отношений в Казахстане одним из первых нормативно-законодательных актов 11 июня 1991 года был принят Закон «О развитии конкуренции и ограничении монополистической деятельности». Этот факт является показательным для переходного периода к рыночным отношениям, так как ранее в экономической теории и практике в Советского Союза понятие конкуренции отсутствовало и признавался лишь принцип социалистического соревнования между производителями. В качестве поощрения успешным производителям присваивался «Знак качества». Монополия на государственное производство и услуги присутствовала во всех сферах.

С началом процессов разгосударствления и приватизации, появлением новых форм собственности, открытостью для международных рынков, проникновением новых игроков из-за рубежа появились реальные условия для конкуренции. Таким образом, возникла необходимость в регулировании конкурентных отношений всех хозяйствующих субъектов в правовом поле и создания соответствующего государственного органа.

В августе 1991 года решением Президента Республики Казахстан был создан Государственный комитет по поддержке новых экономических структур и ограничению монополистической деятельности, функции впервые которого были направлены на антимонопольное регулирование.

Позднее функции и структура комитета подвергались неоднократной реорганизации и пересмотру.

В настоящее время, Указом Президента Республики Казахстан от 25 января 2017 года «О дальнейшем совершенствовании системы государственного управления Республики Казахстан», в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 февраля 2017 года «О некоторых вопросах Министерств здравоохранения и национальной экономики Республики Казахстан», Комитет по регулированию естественных монополий и защите конкуренции Министерства национальной экономики Республики Казахстан и Комитет по защите прав потребителей Министерства национальной экономики Республики Казахстан реорганизован путем слияния в Комитет по регулированию естественных монополий, защите конкуренции и прав потребителей Министерства национальной экономики Республики Казахстан [2]. Были добавлены функции защиты прав потребителей.

В настоящее время вопросы защиты конкуренции отражены в Предпринимательском Кодекса Республики Казахстан. В нем прописано, что целями государственного регулирования являются

«...защита конкуренции, поддержание и создание благоприятных условий для добросовестной конкуренции на товарных рынках Республики Казахстан и эффективного функционирования товарных рынков, обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров и свободы экономической деятельности в Республике Казахстан, регулирование и ограничение монополистической деятельности содействие добросовестной конкуренции и предупреждение нарушений законодательства Республики Казахстан в области защиты конкуренции, пресечение антиконкурентных действий государственных, местных исполнительных органов, организаций, наделенных государством функциями регулирования деятельности субъектов рынка, и недобросовестной конкуренции» [3].

Антимонопольное регулирование представляет собой сферу особую взаимоотношений между административной, правовой и экономической и структурами системы государственного управления. Особенность этих отношений от остальных направлений государственного регулирования заключается в создании и поддержании конкурентной среды функционирования всех хозяйственных субъектов независимо от их формы собственности и формировании ценовой политики естественных монополий.

Антимонопольное законодательство действует на всей территории Республики Казахстан и регулирует отношения, в которых участвуют органы государственной власти и управления, организационно-управленческие образования, хозяйствующие субъекты, независимо от форм их собственности и подчиненности.

Закон не распространяется на отношения, связанные с объектами исключительных прав: изобретениями, промышленными образцами, товарными знаками, авторскими правами, за исключением случаев, когда эти права используются в целях ограничения конкуренции.

Для того, чтобы определить место компании на рынке необходимо определиться с ее местом на рынке. Это возможно произвести путем расчета доли рынка в стоимостном выражении объемов продаж по форуму Хершвиндаля-Хиршмана по следующей формуле:

$$HHI = S1^2 + S2^2 + \dots + S_n^2,$$

где $S1^2$ и $S2^2$ — это возведённая в квадрат процентная доля товаров и услуг компании в определённой отрасли. Эта часть определяется как отношение продаж производителя на рынке ко всему объёму товаров или услуг в этой отрасли.

Полученная величина должна находиться в диапазоне между 1 и 10000.

Показатель в 10000 означает полную монополизацию сектора экономики одной компанией [2].

В тоже время в практике маркетинговых исследований доли рынка используют и показатель объемов продаж в количественном выражении по номенклатуре продукции услуг.

Для определения конкурентной позиции фирмы необходимо определить ее доминирующее или монопольное положение. Согласно Предпринимательскому Кодексу Республики Казахстан от 2019 года используются следующие подходы к определению позиции компании:

1. Доминирующим или монопольным положением признается положение субъекта рынка или нескольких субъектов рынка на соответствующем товарном рынке, дающее субъекту рынка или нескольким субъектам рынка возможность контролировать соответствующий товарный рынок, в том числе оказывать значительное влияние на общие условия обращения товара.

2. Доминирующее положение субъекта рынка устанавливается в соответствии с Методикой по проведению анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарном рынке, утверждаемой антимонопольным органом.

3. Доминирующим признается положение субъекта рынка, доля которого на соответствующем товарном рынке составляет тридцать пять и более процентов. При этом могут иметь место следующие факторы:

- возможность субъекта рынка в одностороннем порядке определять уровень цены товара и оказывать решающее влияние на общие условия реализации товара на товарном рынке;
- наличие ограничений различного рода (экономических, технологических, административных и т.п.) для доступа на рынок;
- если субъект рынка имеет возможность достаточного длительного периода оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке.

В случае, если субъект рынка занимает долю пятьдесят и более процентов, доминирующим признается положение субъекта рынка без учета перечисленных факторов.

4. Доминирующим признается положение каждого из нескольких субъектов рынка, если совокупная доля не более чем трех субъектов рынка, которым принадлежат наибольшие доли на соответствующем товарном рынке, составляет пятьдесят и более процентов или совокупная доля не более чем четырех субъектов рынка, которым принадлежат наибольшие доли на соответствующем товарном рынке, составляет семьдесят и более процентов. При этом в отношении такого субъекта рынка должны быть установлены в совокупности следующие обстоятельства:

- если в течение длительного периода (не менее чем одного года) относительные размеры долей субъектов рынка стабильны или изменялись незначительно;

- реализуемый или приобретаемый субъектами рынка товар не может быть заменен аналогичным или другим товаром при потреблении (в том в процессе производства);

- информация о цене и (или) об условиях реализации этого товара на соответствующем товарном рынке доступна неопределенному кругу лиц.

5. Доминирующим признается положение финансовых организаций, если:

1) совокупная доля не более чем двух финансовых организаций, которым принадлежат наибольшие доли на соответствующем рынке финансовых услуг, составляет пятьдесят и более процентов;

2) совокупная доля не более чем трех финансовых организаций, которым принадлежат наибольшие доли на соответствующем рынке финансовых услуг, составляет семьдесят и более процентов.

6. Доминирующим не может быть признано положение субъекта рынка, доля которого на соответствующем товарном рынке, в том числе и на рынке финансовых услуг, не превышает пятнадцати процентов.

7. Монопольным признается положение субъектов естественной монополии, государственной монополии, а также субъектов рынка, занимающих стопроцентную долю доминирования на соответствующем товарном рынке (субъекты, занимающие монопольное положение).

Таким образом, законодательно установлены требования к установлению конкурентной позиции компаний и установлению ее доминирующего положения. По нашему мнению, в данном положении не отражены доминирующие положения компании-монопсониста, что также несет большую угрозу для производителей, получателем продукции которой является лишь один потребитель.

Как уже было отмечено, создание и поддержание конкурентной среды является основным условием правовых рыночных отношений. При этом целью антимонопольного регулирования является ограничение монополии, монопсонии, монополистической и олигополистической конкуренции, создание благоприятной среды для осуществления гармоничных конкурентных отношений. Именно, конкуренция по образному выражению Адама Смита, является своеобразной «невидимой рукой рынка», побуждающей экономическую активность и развитие предпринимательства.

Антимонопольное законодательство включает в себя нормы нескольких отраслей права, которые регулируют различные по содержанию отношения, с использованием норм материального и процессуального права.

Антимонопольное законодательство Республики Казахстан несет в себе ограничительную, предупредительную и пресекательную функции. Вместе с тем, закон предусматривает функцию, созидательного

характера, ведущую к созданию новых организационно-правовых форм организаций и предприятий, возникающих в результате разукрупнения монополистических структур и (или) диверсификации их деятельности.

Акты антимонопольного законодательства регулируют отношения в различных сферах экономики: в сфере естественной монополии, конкурентной сфере и государственной монополии. определяет действия, признающиеся недобросовестной конкуренцией, устанавливает механизм предотвращения и устранения, ответственность за нарушение норм и правил конкурентных отношений. Кроме того в функции комитета также включены функции по защите прав потребителей, что является относительно новым для деятельности данного комитета. Защита прав потребителей более правомерна для отраслевых структур, отвечающих за выпуск качественной продукции и услуг и соблюдение установленных нормативов и стандартов.

Таким образом, антимонопольное законодательство - это совокупность нормативно-правовых актов, целью реализации которых является развитие конкуренции, предупреждение, ограничение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, регулирование деятельности субъектов естественной монополии и защиты прав потребителей. Антимонопольное регулирование осуществляется уполномоченным органом, наделенным функциями государственного управления. Формы и методы государственного антимонопольного и ценового регулирования деятельности субъектов во всех сферах экономики различны, а их совокупность составляет ценовую и антимонопольную политику, которая представляет собой комплекс экономических, административных и законодательных актов, осуществляемых государственным органом с целью обеспечения условий для развития рыночной конкуренции и ограничения монополистической деятельности.

Одной из основных функций антимонопольного регулирования является ценовая политика в сфере естественных монополий. Согласно Государственному регистру субъектов естественных монополий по состоянию на 01.11.2018 года (по Республиканскому списку) к таковым относятся 82 предприятия, без учета местных регистров. К примеру, только лишь по Алматы субъекты естественных монополий насчитывают 104 предприятия. Вопрос ценового регулирования в этих структурах неоднократно дискутировался, так как ценовое регулирование охватывает социальные вопросы. В условиях рыночных отношений государство, проводя защиту социально уязвимых слоев населения, вынуждено устанавливать контроль тарифов в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Административные меры по недопущению

инфляции направлены на контроль цен в розничной торговле, исключая из системы поставок сельскохозяйственной продукции посредников и оптимизируя систему логистики и дистрибьюции поставок сельского товаропроизводителя. Регулирование ценовой политики связано с внешними факторами, основными из которых являются ситуации на валютных рынках государств-партнеров по ЕАЭС, ШОС, ВТО и другими интеграционными объединениями В РК 2 июля 2018 года принят Закон Республики Казахстан № 167-VI «О валютном регулировании и валютном контроле», но он проходит апробацию и пока не является действующим.

ЛИТЕРАТУРА

1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями от 7 октября 1998 года). – Алматы, 1998.

2 Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.01.2019 г.) – Астана, 2015.

3 Индекс Херфиндаля-Хиршмана. Формула. Применение [Электр. ресурс].- <http://fb.ru/article/344288/indeks-herfindalya-hirshmana-formula-primenenie>. - дата обращения 2 февраля 2019 г.

4 Итоги оценки эффективности деятельности ЦГО по реализации государственной политики // Сайт комитета по регулированию естественных монополий, защите конкуренции и прав потребителей Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Дата обращения 10 февраля 2019 г.

МОНОПОЛИЯҒА ҚАРСЫ РЕТТЕУ НОРМАТИВТІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Мұратова Р.Ә.¹

¹Абылай хан атындағы, ҚазХҚжӘТУ доценті, э.ғ.к.

Жугралина Б.М.²

²Абылай хан атындағы, ҚазХҚжӘТУ доценті, з.ғ.к.

Алматы, Қазақстан

Монополияға қарсы реттеу сұрақтары мақалада атап өтілетін нарықтық қатынастардың ажырамас бөлігі болып табылады.

Авторлар Қазақстандағы монополияға қарсы реттеудің нормативтік-құқықтық базасының жай-күйін талдайды. Мақалада мемлекеттік антимонополистік реттеудің ұйымдық құрылымдары мен әдістері қарастырылады. Мақала Қазақстан Республикасы монополияға қарсы реттеудің бағыттары мен нысандарын және тұтынушылардың құқықтарын қорғау мәселелерін талқылайды. Бизнестің субъектілерін нарықтағы үстем жағдай ретінде жіктеу үшін жағдайлар қарастырылған. Табиғи монополиялар қызметінің бағаларын реттеу міндеттері талданды..

Тірек сөздер: монополияға қарсы реттеу, бәсекелестік, құқықтық және нормативтік актілер, табиғи монополиялар, тұтынушылардың құқықтарын қорғау.

Статья поступила 19.1.2019

II БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ БОЙЫНША ЗЕРТТЕУЛЕР
РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕГИОНОВЕДЕНИЮ
PART II. REGIONAL STUDIES RESEARCH

**«SILK ROAD ECONOMIC BELT»:
REGULATION OF MECHANISMS' IMPLEMENTATION**

Kultaev S.¹

¹ master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL
specialty 6M020200 - «International Relations»
Almaty, Kazakhstan, sulakultaev@gmail.com

China's silk road Economic belt initiative promotes the development and progress of friendly relations with neighboring countries in the context of the financial crisis and growing competition. According to the Chinese side, the construction of the silk road Economic belt inherits and develops fine traditions of the ancient silk road. Its implementation is facilitated by the silk road Fund (FSP) and the Asian infrastructure investment Bank (AIIB), whose activities are analyzed in this article.

Keywords: silk road Economic belt, Chinese mechanical project, silk road Fund, Asian infrastructure investment Bank

УДК 336
МРНТИ 11.25.19

**РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА
«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»**

Култаев С.¹

¹магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана
специальность 6M020200 – «Международные отношения»
Алматы, Казахстан, sulakultaev@gmail.com

Китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» содействует развитию и прогрессу дружеских отношений с соседними странами в условиях финансового кризиса и растущей конкуренции. По мнению китайской стороны, строительство «Экономического пояса Шелкового пути» наследует и развивает прекрасные традиции древнего Шелкового пути. Его реализации содействуют созданные «Фонд шелкового пути (ФШП) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), деятельность которых проанализирована в данной статье.

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, китайский мехпроект, Фонд шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

У Китая и стран Центрально-Азиатского региона (ЦАР) общая стратегическая цель, которая заключается в стабильном развитии экономики, процветании и могуществе государств. Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо «всесторонне укреплять практическое взаимодействие» и «конвертировать преимущества политического диалога, географической близости и экономической

взаимодополняемости в преимущества сотрудничества, устойчивого роста, создания общности интересов на основе взаимной выгоды и общего выигрыша». Глава Китая призвал применять на пространстве Евразии новые модели сотрудничества, общими усилиями формировать «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и предложил ряд таких необходимых мер, как: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами. Как отмечает известный эксперт А. Нурсеитов, эта идея «вызвала мощный резонанс не только среди политиков и политологов, но и в сообществе экономистов и экспертов, поскольку лидер Китая впервые выдвинул внешнеполитическую инициативу, влияющую на перспективы экономического развития целого континента - Евразии» [1-2]. Инициатива ЭПШП преследует три стратегические цели: расширение международной и региональной торговли; создание международных транспортных коридоров из Китая в Европу и Ближний Восток через территорию Центральной Азии, включая Казахстан; наращивание экономического присутствия Китая в Центральной Азии в качестве стратегического партнера. Для достижения указанных целей ключевыми задачами Китай определил: развитие торгово-экономического сотрудничества, снятие многочисленных барьеров и ограничений в международной и взаимной торговле, создание благоприятного климата для притока инвестиций; построение евразийской трансконтинентальной сети железных и автомобильных дорог, позволяющей гибко использовать международные транспортные коридоры; комплексное углубление торгово-экономических и транспортно-логистических связей Китая со странами, расположенными вдоль Шелкового пути, прежде всего, со странами Центральной Азии; соединение всех звеньев Великого Шелкового пути с помощью передовых транспортно-инфраструктурных и коммуникационных сетей, а также развитие системы трубопроводов; расширение экспорта китайских товаров, по которым Китай располагает избыточными производственными мощностями внутри страны, в первую очередь, в своих западных провинциях (перепроизводство стали, алюминия, фотоэлектрического оборудования, ветровых генераторов и т.д.); ведение взаиморасчетов между участниками Шелкового пути с использованием различных валют.

Долгосрочный и концептуальный характер инициативы подтверждает тот факт, что в марте 2015 года по поручению Госсовета КНР был выпущен документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», направленный на реализацию стратегической концепции «Один пояс -

один путь», в которой были объединены ЭПШП и Морской Шелковый путь (МШП). В документе отмечается, что проект «Один пояс - один путь» является открытым для всех стран, международных и региональных организаций, а также создает основу для экономического сотрудничества КНР с заинтересованными странами. Предполагается, что основные маршруты ЭПШП будут проходить из Китая: через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); через ЦАР и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю; в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану [3-4]..

В качестве важнейшего фактора расширения сотрудничества в регионе названо взаимодействие таких многосторонних организаций и механизмов, как ШОС, Китай-АСЕАН (формат «10+1»), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Форум «Азия-Европа» (АСЕМ), Диалог по сотрудничеству в Азии, СВМДА, Форум китайско-арабского сотрудничества, Диалог Китай - Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (Китай-ССАГПЗ), Экономическое сотрудничество Субрегиона Большого Меконга (СБМ). Инициатива ЭПШП рассчитана на несколько ближайших десятилетий, в настоящее время она скорее представляет собой один из векторов в продвижении Китая к новой роли глобальной державы. В дальнейшем планируется создание семи «поясов»: транспортного, энергетического, торгового, информационного, научно-технического, аграрного, туристического. В результате это должно привести к созданию масштабной зоны свободной торговли от северо-западных провинций Китая, Центральной Азии до Центральной и Восточной Европы [5].

На этой громадной территории проживает около трех миллиардов человек. В целях финансирования проектов концепции «Один пояс - один путь» в 2014 году в Китае были созданы два новых финансовых института, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути (ФШП). Целью АБИИ является финансирование крупных инфраструктурных проектов стран-учредителей банка и содействие их экономическому развитию. К приоритетным направлениям его деятельности относятся энергетика, транспорт и логистика, городская и сельская инфраструктура. На сегодняшний день в число учредителей банка входят 57 стран (37 азиатских и 20 других стран). 29 июня 2015 года было подписано соглашение о создании банка. 16 января 2016 года АБИИ с капиталом в размере 100 миллиардов долларов начал свою работу. Пятерку крупнейших соучредителей по объему вложений составили Китай, Индия, Россия, Германия и Республика Корея. ФШП был зарегистрирован в Пекине в 2014 году и начал функционировать с февраля 2015 года. Общий капитал ФШП, как предполагается, составил 40 миллиардов долларов. Цели ФШП состоят в превращении

огромного региона Центральной Евразии в один из мировых центров экономического роста и глобального влияния, содействию реализации выдвинутых Китаем стратегических инициатив ЭПШП и МШП.

В связи с этим ФШП осуществляет финансирование развития инфраструктуры в целях стимулирования бизнеса на пространстве Великого Шелкового пути, финансирование разработки природных ресурсов, сотрудничество в сфере промышленности и финансов. Весь капитал фонда принадлежит Китаю, а основными источниками финансирования являются Государственная администрация иностранной валюты Китая (65%), Китайская инвестиционная корпорация (15%), Экспортно-импортный банк Китая (15%) и Банк развития Китая (5%). В дальнейшем фонд будет привлекать институциональных инвесторов из других стран, готовых осуществлять долгосрочные инвестиции. Китай планирует выделить из ФШП средства на строительство автомобильных, железных дорог и аэропортов на протяжении Великого Шелкового пути. По экспертным оценкам, ФШП может стать аналогом инвестиционного подразделения Всемирного банка и Африканского фонда развития.

Следует особо отметить, что инициатива ЭПШП встретила позитивный отклик в странах Центральной Азии, в особенности в Казахстане. Наша страна напрямую участвует в трех направлениях Евразийского трансконтинентального коридора ЭПШП: - Китай-Казахстан-Россия-Европа с выходом к Балтийскому морю; - Китай-Казахстан-Азербайджан-Грузия-Турция-Европа, в рамках программы TRASECA, с выходом к Черному и Средиземному морям; - Китай-Казахстан-Туркменистан-Иран-Пакистан с выходом к Персидскому заливу и Индийскому океану. Казахстан участвует в пяти из шести возможных маршрутах и готов взаимодействовать в таких сферах, как экономика, коммуникации, культурно-гуманитарная [6]. Данный долгосрочный проект имеет перспективы для Казахстана и в региональном масштабе Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), что дает возможность участия в нем с учетом определенных условий. 1. Анализ и выделение элементов, привлекательных (выгоды и преимущества) для экономики страны, определение всевозможных рисков. Для этого следует провести полноценные маркетинговые исследования, составить экономическое обоснование. 2. Четкое определение условий (организационных, правовых и др.) участия в проекте, основным из которых является обеспечение экономической безопасности. 3. Тезис о необходимости «сверить и соединить стратегии развития между собой, раскрыть потенциал регионального рынка, активизировать инвестиции и потребление, создать спрос и рабочие места...» следует рассматривать, как один из путей развития сотрудничества регионального формата ЕАЭС. 4. Проработать возможности, позволяющие «народам разных стран чаще

встречаться и больше познать друг друга», для дальнейшего развития разностороннего регионального сотрудничества. 5. Сформулировать подходы и разработать механизм участия в проекте, позволяющий Казахстану и другим странам ЕАЭС не нарушать обязательства, взятые в других международных организациях, включая ВТО. Подходы участия Казахстана в инициативе ЭПШП должны отражать взаимовыгодный характер сотрудничества, обеспечение экономической безопасности страны, всемерную поддержку стратегического характера партнерства, имеющего концептуальную основу. По нашему мнению, перспективными направлениями участия Казахстана в проекте должны быть: взаимная торговля, сфера инвестиций, развитие различной транспортной инфраструктуры, энергетика и транспортировка энергоресурсов, приграничное сотрудничество, переход к «зеленой» экономике. Для Казахстана, не имеющего выхода к открытому морю, ЭПШП представляет несомненный интерес. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев на пресс-конференции 27 апреля 2015 года заявил о заинтересованности страны в возрождении Великого Шелкового пути, поскольку казахстанская программа «Нұрлы жол» и китайская стратегия «Экономический коридор Шелкового пути» гармонично дополняют друг друга. Более того, по словам Главы нашего государства, Казахстан уже вносит свою лепту в развитие этого проекта. Ведется строительство железных дорог и логистических мощностей. В 2017 году завершилось строительство казахстанского участка автомобильной магистрали «Западная Европа - Западный Китай» протяженностью 2,7 тыс км. В настоящее время двустороннее сотрудничество между Казахстаном и Китаем развивается в рамках сопряжения ЭПШП и казахстанской национальной программы «Нұрлы жол» [7]. Именно на это нацелены все последние договоренности между Казахстаном и Китаем. Сформирована «дорожная карта» расширения сотрудничества между Казахстаном и Китаем почти во всех сферах экономики, а также создана совместная рабочая группа по сопряжению ЭПШП и «Нұрлы жол». Расширять и углублять сотрудничество планируется в нескольких направлениях: инфраструктура и логистика, индустриальные проекты, наука и высокие технологии, аграрный сектор. Разработаны конкретные проекты, включая инновационные. Остается наиболее эффективно использовать выделенные на их реализацию финансовые ресурсы, учитывая при этом государственные интересы Казахстана. Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что участие Казахстана в реализации ЭПШП дает хорошие возможности для развития нашей страны и региона ЕАЭС в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1 Көшербаев Қ. Еуразиялық серіктестік. Ой. Пікір. Ұсыныс. - Астана: КИСИ, 2014. - 234 б.

2 Регнум. Статистика данных о товарообороте [Электр.ресурс]. - Режим доступа URL: <https://regnum.ru/news/2375781.html> - (дата обращения: 14.12.2018).

3 МИР РК. Транзитный коридор «Западная Европа-Западный Китай» наращивает оборот [Электр.ресурс]. - Режим доступа URL: <http://www.mid.gov.kz/ru/news/tranzitnyy-koridor-zapadnaya-evropa-zapadnyy-kitay-narashchivaet-gruzooborot> - (дата обращения: 16.12.2018)

4 Идрисов А. Экономический пояс Шелкового пути и евразийская интеграция: конкуренция или новые возможности? [Электр.ресурс]. - Режим доступа URL: www.ictsd.org – (дата обращения: 17.01.2019).

5 Могерини Ф. «Жаңа Жібек жолы» ең маңызды әлемдік инфрақұрылымдардың бірі болады» [Электр.ресурс]. -Режим доступа URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/52642> (дата обращения: 19.01.2019).

6 Шаймарданова З.Д., Устемирова А. Китайская миграция как геополитический и экономический факт // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». – 2018. - № 1. – С. 164-168.

7 Байтанаев Е. «Нұрлы жол» Қазақстан экономикасының айқындаушы күші болуы керек [Электр.ресурс]. - Режим доступа URL: <https://total.kz/ru/news/vnutrennyaya-politika/nurlyi-jol-prizvan-stat-opredelyayuschey-siloy-ekonomiki-kazahstana> - (дата обращения: 20.01.2019).

«ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ БЕЛДЕУІ «ЖОБАСЫН ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ МЕХАНИЗМДЕРІН РЕТТЕУ

Құлтаев С.¹

¹М020200 - «Халықаралық қатынастар» мамандығы

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ

Алматы, Қазақстан, sulakultaev@gmail.com

«Жібек жолының Экономикалық белдеуі» Қытай бастамасы көрші елдермен қаржылық дағдарыс және өсіп келе жатқан бәсекелестік жағдайында достық қарым-қатынастың дамуы мен өркендеуіне жәрдемдеседі. Қытай тарапының пікірі бойынша «Жібек жолының Экономикалық белдеуі» құрылысы ежелгі Жібек жолының тамаша дәстүрлерін мұраға қалдырады және дамытады. Оны іске асыруға қызметі осы мақалаға арқау болған «Жібек жолы қоры (ЖЖҚ) және Азия инфрақұрылымдық инвестициялар банкі (АИИБ) жәрдемдеседі.

Тірек сөздер: Жібек жолының Экономикалық белдеуі, қытайдың мега жобасы, Жібек жолы қоры, Азия инфрақұрылымдық инвестициялар банкі.

Статья поступила 4.3.2019

UDC 327.8:323(55.2)

IRSTI 11.25: 14.35

THE ROLE OF TURKEY IN THE EDUCATION SYSTEM OF CENTRAL ASIA

Maulen A.B.¹

¹Master Student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,

Specialty «Regional Studies», Almaty, Kazakhstan

In this article, author analyzes educational influence of Turkey on Central Asia and the main root of issue in educational system of Turkish government. The position of turkish schools in Central Asia. Central Asian countries got independence in 1991 year from Soviet Union. All big powers have started to influence for young central Asian countries. The Ministry of Turkish Education and private companies opened Turkish schools in seven Central Asian countries. In the Turkish public, there has been a great controversy about the

purpose of the Turkish schools in Central Asian countries, especially the schools opened by the Gülen movement. But now, Recep Tayyip Erdoğan started to close all Gülen movement's universities and schools, because crisis between Recep Tayyip Erdoğan and Fethullah Gülen. While Erdoğan saw the relationship between his Justice and Development Party and Fethullah Gülen's movement as a natural reflection of mobilized Islamic conservative forces, the relationship has been a subject of debate and many leaders of the party felt that a clash between the two sides was inevitable. Although the movement's rhetoric has been centred on distancing itself from politics, it has not hidden its desire to play a political role or be represented within the state apparatus. Now all Turkish universities and schools in central Asian countries still have worked, central Asian countries assert turkish universities and schools are financed by themselves.

Keywords: Central Asia, Turkey, educational system, crisis, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan.

Central Asian countries

Central Asia has assumed a new role in the era of globalization. The main theory is that these states have chosen functional cooperation which is one of the forms of regionalism, and at certain extent regional integration, especially in areas of economy as a priority for development and maintenance of political and economic stability and educational cooperation. With disintegration of the Soviet Union five new Central Asian states were created. Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan and Tajikistan appeared as one region. Central Asian countries share some cultural, religious and ethnical similarities. Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan have Turkic roots, except Tajikistan that has a Persian ancestry. They all consider being Muslim countries that have similar traditions. After gaining independence in 1991 Central Asian republics have started vigorously reconstruct institutions of national statehood. However weak economic development of Central Asian countries, lack of trust among them and emergence of new outside actors which were interested in gaining political and economic influence in the region have complicated transitional process. With the region's great natural and human resources and its central location in the rapidly integrating Eurasian economic space, all neighboring countries, but also Europe and the US, share a common interest in seeing Central Asia develop as a stable and prosperous group of countries. But interests also diverge. For example, intense attention is now focused on developing and creating access to the energy resources of the region, especially the oil and gas reserves of the Caspian Basin. Russia is interested in maintaining its transport monopoly and preferential access to Central Asia's oil and gas. Europe and the US want to see more diversified energy transport routes towards the west through Azerbaijan, Georgia and Turkey. Turkey started to influence in educational way [1].

Edmund Herzig, an expert on Iran and Central Asia at Chatham House in London and a senior lecturer of Persian studies at the University of Manchester, also believes that Turkey will not be major player in the Central Asian region in the future. "I don't think it will have lot of influence in the

traditional sense of being able to influence the policy or being able to put pressure on Central Asian states,” he said. “I don’t think either Turkey has the resources or the position to be able to do that. I think what we will see and are seeing is that incrementally the level of relations including commercial and economic relations, social, educational and cultural relations will increase. The Central Asian states were for many decades cut off from their historic and natural contacts with

The countries to the west, south, and east as part of the Soviet Union and gradually those contacts are being reestablished.” But educational influence of Turkey starts to become more popular in central Asia [2].

Kazakhstan

Kazakhstan - is the world’s largest landlocked country, and the ninth largest in the world, with an area of 2,724,900 square kilometers. It is a transcontinental country largely located in Asia. The most western parts are located in Europe. Kazakhstan is the dominant nation of Central Asia economically, generating 60% of the region’s GDP, primarily through its oil and gas industry. It also has vast mineral resources [3].

Kyrgyzstan

Kyrgyzstan - is a landlocked country with mountainous terrain. Kyrgyzstan has officially been a unitary parliamentary republic. Country has significant deposits of metals including gold and rare-earth metals. Due to the country’s predominantly mountainous terrain, less than 8% of the land is cultivated, and this is concentrated in the northern lowlands and the fringes of the Fergana Valley [4].

Uzbekistan

Uzbekistan - is a landlocked country in Central Asia. The sovereign state is a secular, unitary constitutional republic, comprising 12 provinces, one autonomous republic, and a capital city. The Uzbek economy is in a gradual transition to the market economy, with foreign trade policy being based on import substitution. Uzbekistan has a rich and diverse natural environment [5].

Turkmenistan

Turkmenistan is a country in Central Asia. Ashgabat is the capital and largest city. The population of the country is 5.6 million. The country possesses the world’s sixth largest reserves of natural gas and substantial oil resources. Most of the country is covered by the Karakum Desert. From 1993 to 2017, citizens received government-provided electricity, water and natural gas free of charge [6].

Tajikistan

Tajikistan is a mountainous, landlocked country in Central Asia. Tajikistan is a presidential republic consisting of four provinces. Mountains cover more than 90% of the country. It has a transition economy that is highly dependent on remittances, aluminium and cotton production. Nearly

47% of Tajikistan's GDP comes from immigrant remittances [7].

Among the main findings, first, crisis between Recep Tayyip Erdoğan and Fethullah Gülen has spread in the world, in this cause some of schools and universities have started to close in some muslim countries by order of Turkey. Secondly all Fethullah Gülen's organizations do not work inside of country now. Thirdly, Recep Tayyip Erdoğan requires to close Gülen's schools and universities in the world, but some countries, especially schools have closed in African countries, however Central Asian countries do not want to close this schools. Fourthly, Gülen's schools are the best in the world. I had interview with Pelin Sonmez. She is PHD doctor in Kocaeli University in Turkey. She said: "After 2006 party of Recep Tayyip Erdoğan and Gülen's movement started dispute, because both of them wanted to be unique power in Turkey. Recep Tayyip Erdoğan wanted to write history, where he is victory. "Is this government your or mine?" - said Recep Tayyip Erdoğan. After this, friendship was stopped. Head of Turkish intelligence unit started investigate life of Gülen. All people in Turkey understand that power will change or something will happen in the future. War is showed victory and loser. This conflict was ended and history shows is Recep Tayyip Erdoğan is winner. All power is under Recep Tayyip Erdoğan now. Construction of history- is main aim of Recep Tayyip Erdoğan. Gülen has lived in USA for 15 years, after conflict, all Gülen's organization stopped to work inside of Turkey. But someone says organizations still work, maybe no. Nobody knows about it. We do not know reality now. Recep Tayyip E Erdoğan wants to over all Gülen's organization outside of country now. After 15 years we will know this history in the future". Second interview with Dalami Sadou Mohamed. He is english teacher of Maarif school in Cameroon in Africa. He said: "Crisis between Recep Tayyip Erdoğan and Gülen has spread in the world, specially, countries where situated Gülen's educational organizations. There are muslim countries. Recep Tayyip Erdoğan started to message that to close all Gülen's schools and university. People work in Gülen's schools but most of them do not know about Fethullah Gülen. But he opened schools and helped for poor people to study. Islam was main subject in Gülen's schools boys and girls study separately. After crisis, all Amity International schools have been confiscated by turkish government and changed name "Maarif schools". Nowadays all schools in Africa are financed by Erdoğan. Opinions from students who studied in Kazakh-turkish schools in Kazakhstan. They said: "You can study in Kazakh-turkish school after 6th class, it is when you are 13 years old. When I passed this school, I think school will teach me religion, but no, I did not study religion and I do not know who is Fethullah Gülen. After studying in this school I learn to be discipline and to be best in math. In the future I hope my children will study in Kazakh-turkish school".

Educational influence of Turkey in Central Asia

In the period of social transition, Central Asian countries are in a process of reproducing their culture and their political system. Although education plays a crucial role in this process, these countries have education systems that need to be updated. This need is continuously emphasized by their leaders, and foreign entrepreneurs are encouraged to establish schools at international standards [8]. The Ministry of Turkish Education and private companies opened approximately 100 Turkish schools in seven Central Asian countries. In the Turkish public, there has been a great controversy about the purpose of the Turkish schools in Central Asian countries, especially the schools opened by the Gülen-inspired, Baskent and Sebat Education companies. It was claimed by some people that the Baskent and Sebat education companies are sub-groups of a large organization directed and controlled by a creed known as 'Nurculuk'. The leader of this creed is Fethullah Gülen, and these schools are known as 'Gülen's schools' in the Turkish community [9].

The Gülen movement — an evangelical movement of moderate Islamists founded in the late 1960s by prayer leader Fethullah Gülen and known for its schools in Africa and the Arab world — opened schools in Central Asia. The educational institutions that Hizmet founded in the CAC were mainly high schools and universities. In Azerbaijan, there is still one Hizmet-affiliated university, Kafkas University, at least 12 high schools, and dozens of small tutoring centers that offer modern and secular education under the auspices of the Ministry of Education. In Kazakhstan, a country of 17 million, there are 28 high schools and one university: the University of Suleyman Demirel. A private company established and owned by members of the Hizmet movement, Katev, manages all of these educational institutions. Private Turkish businessmen and educators who follow Fethullah Gülen have also established fifteen high schools and one university, Ala Tao, in Kyrgyzstan and six schools in Tajikistan. Turkmenistan has 15 Turkish schools. In 2000, there were more than fifteen movement-affiliated high schools in Uzbekistan. In 2001, however, by Uzbek authorities shut them all down because diplomatic relations between Tashkent and Ankara had deteriorated. Even in Uzbekistan, however, many in the government and in the general population had very positive attitudes towards the Hizmet schools when they had first arrived. Tashkent shut down all the schools because of its ongoing political feud with Turkey, not because Tashkent was suspicious about the cemat's activities. In fact, the Uzbek government shut down public schools that had been sponsored by the Turkish state much earlier than the privately run Hizmet affiliated schools [10].

A brief inside of Fethullah Gülen

Fethullah Gülen is an authoritative mainstream Turkish Muslim scholar, thinker, author, poet, opinion leader and educational activist who supports

interfaith and intercultural dialogue, science, democracy and spirituality and opposes violence and turning religion into a political ideology. Fethullah Gülen promotes cooperation of civilizations toward a peaceful world, as opposed to a clash: “Be so tolerant that your bosom becomes wide like the ocean. Become inspired with faith and love of human beings. Let there be no troubled souls to whom you do not offer a hand and about whom you remain unconcerned” - said Fethullah Gülen [11].

Osman Softic is a political analyst, gave opinion: “Muhammad Fethullah Gülen, an obscure and controversial imam, was born in 1941 in Korucuk, a small village in Anatolia. He served as Imam in Izmir until 1981 when he officially retired from active preaching. Although he has no formal Islamic educational credentials, he is often referred to in the west as one of the world’s most influential Islamic personalities. Gülen admits that Turkish Islamic reformer Said Nursi had the greatest intellectual influence on him. It is from Said Nursi that he also inherited a strong anti-Communist sentiment and propensity for entrepreneurial capitalism, important traits that later gained him great favour and friends at the American Central Intelligence Agency (CIA) [12]. Gülen has so far managed to recruit three million adherents in Turkey, America and the rest of the world. His idea was to ensure mass literacy of the Anatolian lower and middle classes, permeated with the moral values of Islam and science, especially mathematics, chemistry and physics, enabling them to form a new Turkish elite capable of eradicating Kemalist secularism from Turkish society and state institutions, with the aim of replacing it with Islamic values. Although there were no clear threats or fear that he might be imprisoned by the Turkish authorities of the time, Gülen immigrated to the United States in 1999 under the pretext of medical treatment. Afterwards he declared he was in a self-imposed exile. For 15 years Gülen has managed his global empire of secondary schools, universities, business conglomerates, financial and media corporations, members of Hizmet in Turkey and worldwide, almost by remote control from his compound in Saylorsburg, a small town in Pennsylvania. After leaving Turkey in 2000, Gülen was tried in absentia for plotting to overthrow the Turkish constitutional order and establish an Islamic state in Turkey. He was acquitted. The Prosecutor appealed, but his trial acquittal was upheld by Turkey’s highest court of appeal in 2008. Gülen has not returned to his native Turkey from the Unites States” [12].

Brief History of the Gülen Movement

The Gülen movement incubated in 1960s, became nationwide in 1980s when it was recognized by masses and started to globalize in 1990s through educational initiatives in many countries. The movement started off late 1960s in Izmir city in Turkey. We can better analyse Gülen movement if look at it in 10-year periods. Hizmet, a Turkish word, which means simply ‘service’ refers to altruistic service to the ‘common good’ in our context [13].

The movement's focus for the past four decades has been to address local needs with universal human values. There was a great need for better educational opportunities throughout the country at the end of 1960's in Turkey. Not only there was great room for improvement in terms of educational quality, but also education was not available to every child. Although the state was working hard towards addressing both matters, more could have been done. Fethullah Gülen, and those inspired by his ideas, showed an excellent example of civic engagement by filling in to help with these two crucial issues of Turkey's secondary school education system. To address this shortcoming, they put together the first project of what would be later called Hizmet Movement, which comprised few university students and a handful of small-business owners back then [14]. The project's aim was to find ways to accommodate out-of-town students in whose hometowns there was a lack of a school, or a good one. At the beginning, the project started by the aforementioned students and businessmen setting aside funds from their own pockets for educational and living expenses of these out-of-town students, and building dormitories that these students can live in while away from their families [15]. Eventually, the project proved to be successful as the number of such out-of-town students grew all the while the number of those inspired by Gülen also grew. As these students were closely watched for their schoolwork, graduates started to become extremely successful in college entrance exams, and went on to the best universities in Turkey. In just a little over a decade, families who never planned to send their children to a middle school, now had their children attending the best universities in the country [16]. This enormous success opened the doors for further projects. In addition to schools, 1970's also marked the beginnings of college entrance exam preparation institutions. At the end of 1990, the collapse of Soviet Union, Hizmet Movement saw a great need for education in the newly formed Turkic countries. With the same ideals, and using similar methods, volunteers of the movement, once again, showed great civic engagement, this time at an international level, to establish schools just like the ones that they established in Turkey [17]. This required great amount of self-sacrifice as hundreds of newly college graduates and small-business owners left their beloved country to move to Turkic countries for their ideals and principles of education. As these educational institutions were extremely well received, and also supported by the Turkish state and local states, and as their success became prominent, Hizmet Movement started to be internationally known, and appreciated. This led volunteers to work with many different states and countries where there is need for better education and establish similar schools following the same ideals and principles. Thus, today, there are Hizmet inspired schools in more than 140 different countries. They are all regulated by state officials, and run by local and independent board of directors that comprise Hizmet

inspired individuals as well as those who are not [18].

Crisis between Fethullah Gülen and Tayyip Recep Erdoğan

Turkey has been shaken up by the tumultuous altercation between the globally active Muslim community-movement, the Gülen movement and the pro-Islamic Justice and Development Party in power for over a decade. The corruption scandal was the result of a “quarrel” at the time serving as Prime Minister Erdoğan and Imam Gülen. For more than 10 years, these two influential Turks peacefully coexisted, and, moreover, demonstrated friendly and warm relations [18]. Tayyip Recep Erdoğan called Gülen just as “Hodja” (teacher). And “Gülenism”, in turn, in all elections, since 2002, voted for the Erdoğan’s Justice and Development Party. The Gülen media which became almost the most rated in Turkey, praised Erdoğan and his regime and strongly criticized the opposition. All worm relation was stopped after this cause. Turkey have been started political crisis between two leaders [19].

Conclusion

In conclusion, among the main findings, first, with disintegration of the Soviet Union five new Central Asian states were created. Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan and Tajikistan appeared as one region. Central Asian countries share some cultural, religious and ethnical similarities. But in 1991, this countries was weak. All Central Asian countries are doing poorly in the areas of governance and enterprise restructuring and competition policy, pointing to their limited progress in more complex institutional and legal reforms. Surely, education in Central Asia was in the last point of list. Turkey is powerful country, and Central Asia can not refuse his helping. Muslim countries must be help to each others, because they are relatives, and muslim’s book written like this. After 20 years Turkey’s main purpose was opened by theirs political crisis [20]. Secondly, In the Turkish public, there has been a great controversy about the purpose of the Turkish schools in Central Asian countries, especially the schools opened by the Gülen Education companies. But mainly Central Asian countries never think that this schools and university will have problem in the future. Gülen’s schools are the best schools in Central Asian countries, better then own schools. The main goal of Islam in its influence on the country’s leadership, Gülen’s opinion, is to push politicians to the development and enlightenment of society. The preacher called for the development of science as one of the forms of knowledge of the Most High, advocated a dialogue of world religions and called for a multiparty system, considering it the most optimal form of government for Turkey at the present time. This is main thinking of Gülen [21]. He every time covers his aim under Islam. Thirdly, after 2006 party of Recep Tayyip Erdoğan and Gülen’s movement started dispute, because both of them wanted to be unique power in Turkey. Perhaps, Erdoğan was able to deal with the Gülen movement inside the country,

but outside Turkey, the movement still retains its weight and continues to influence Turkish policy. Political crisis between two powers in Turkey has started influence on education system in Central Asia on international level. In November 2013, Erdoğan made a proposal to close private schools in Central Asia owned by Gülen, which caused Gülen's discontent. The last drop was an article published in the Turkish newspaper entitled "Plan to do away with Gülen", which contains the content of a document adopted by the Turkish National Security Council in 2004, according to which the Turkish authorities intended to clean up Gülen movement. Fifty percent of schools in Central Asia were closed or changed name. Nowadays winner is Erdoğan, he reconstructed his political history in international level, but this crisis do not stop, because universities and schools work in Central Asia.

REFERENCES

- 1 Abramson D. Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability. Central Asia-Caucasus Institute // Silk Road Papers. - 2010. - P.52.
- 2 Aydinm M. Turkey and central Asia: Challenges of change // Central Asian Survey. - 1996. - Vol. 15, No. 2. - P. 157-177.
- 3 Balci B. Les écoles neo-nurcu de Fethullah Gülen en Asie centrale: implantation, fonctionnement et nature du message véhiculé par le biais de la coopération éducative // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. - 2003. - P. 101-102.
- 4 Balci B. Turkey's Religious Outreach in Central Asia and the Caucasus. Hudson Institute. Turkey. - Istanbul, 2014.
- 5 Berlinksi C. Who Is Fethullah Gülen? // City. - 2012. - Vol. 22, No. 4.
- 6 Demir, Cennet Engin; Balci, Ayse; Akkok, Fusun. The role of Turkish schools in the educational system and social transformation of Central Asian countries: the case of Turkmenistan and Kyrgyzstan // Central Asian Survey. - 2000. - N 19 (1). - P. 141-155.
- 7 Crespín R. S. Fethullah Gülen's Grand Ambition, Turkey's Islamist Danger // Middle East Quarterly. - 2009. - P. 55-66.
- 8 Glenn J. The Soviet legacy in Central Asia. - London, UK: Macmillan, 1999. - P.224.
- 9 Gol A. Turkey's clash of Islamists: Erdoğan vs Gülen. - Open Democracy Free thinking for the world, 2016.
- 10 Haghayeghi M. Islam and Politics in Central Asia. - New York: St Martin's Press, 1996. - P.183.
- 11 La Porte A., Watson I., Tuysuz G. Who is Fethullah Gulen, the man blamed for coup attempt in Turkey? // CCN, international edition. - 2016.
- 12 Linn J. F. Central Asia: A New Hub of Global Integration. -Brookings, 2007.
- 13 Louw M. E. Everyday Islam in Central Asia. - New York-London: Routledge, 2007.- P. 208.
- 14 Martin L. Central and Eastern Europe and Central Asia // Regional overview. - 2015.
- 15 McCandless, B. Who is Fethullah Gulen? // CBS News. - 2012.
- 16 Mertaugh M. Education in Central Asia, With Particular Reference to the Kyrgyz Republic: Dissertations. - NY, 2004. - P. 24.
- 17 Orozalieva K. Impact of globalization on socio-economic and political development of the Central Asian countries: Graduate Theses and Dissertations. - NY, 2010. - P. 80-85.
- 18 Sanchez R. Fethullah Gulen on 'GPS': Failed Turkey coup looked 'like a Hollywood movie // CCN - international edition. - 2016.

19 Sanderson S. From ally to scapegoat: Fethullah Gulen, the man behind the myth // DW. Turkey. - 2018.

20 Schwab K., Porter, M., Sachs, J. The Global Competitiveness Report // World Economic Forum. - Geneva, 2001.

21 Simon M. Central Asia // Encyclopaedia Britannica. – L., 2018. – P.3-4.

ТҮРКИЯНЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ БІЛІМ БЕРУ ЖҮЙЕСІНІҢ РӨЛІ

Маулен А.Б.¹

¹Абылай хан ҚазХКЖӘТУ магистранты

Мамандық «6М050500-Аймақтану»

Алматы, Қазақстан

Берілген мақалада автор Түркияның Орталық Азия елдеріне білім жүйесіне жүргізген әсері және Түркия мемлекетіндегі білім жүйесіндегі саясаттың негізге қиын жағдайларын көрсеткен. Әлемге әйгілі түрік оқу ордаларының жағдайы бейнеленген. Орталық Азия елдері 1991 жылы Кеңес Одағынан тәуелсіздік алды. Барлық үлкен державалар Орталық Азияның жас елдеріне әсер ете бастады. Түрік білім министрлігі мен жекеменшік компаниялар Орталық Азияның жеті елінде түрік мектептерін ашты. Түрік қоғамында Орталық Азия елдеріндегі түрік мектептерінің, әсіресе Гүлен қозғалысы ашқан мектептердің мақсаты туралы үлкен пікірталас болды. Бірақ қазір Реджеп Тайип Эрдоған Гүлен қозғалысының барлық университеттерін және мектептерін жабуға кірісті, өйткені Реджеп Тайип Эрдоған мен Фетхуллах Гүлен арасындағы дағдарыс. Эрдоғанның “Әділеттілік және Даму” партиясы мен Фетхуллах Гүленнің қозғалысы арасындағы жұмылдырылған исламдық консервативті күштердің табиғи көрінісі ретінде көргенімен, қарым-қатынас пікірталас тақырыбы болып табылады және партияның көптеген басшылары екі жақтың арасындағы қақтығыс сөзсіз болатын деп санайды. Қозғалыстағы риторика саясаттан алыстауға бағытталған болса да, ол саяси рөл атқаруға немесе мемлекеттік аппараттың құрамында болуға деген ұмтылысын жасырмады. Қазір Орталық Азия елдеріндегі барлық түрік университеттері мен мектептері жұмыс істеп келеді, Орталық Азия елдері түрік университеттерінің өздерінікі және мектептер өздері қаржыландырады деп сендіріп келеді.

Тірек сөздер: Түркия, Орталық Азия, білім, мемлекет, білім жүйесі, дағдарыс, Қазақстан, Өзбекстан, Түркменстан, Тәджікстан және Қырғызстан.

РОЛЬ ТУРЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Маулен А.Б.¹

¹Магистрант по специальности «6М050500 – Регионоведение»

КазУМОиМЯ им.Абылай хана

Алматы, Казахстан

В данной статье автор показывает влияние турецкого образования на центральную Азию и основную проблему в образовательной системе турецкого правительства. Позиция турецких школ в центральной Азии. Страны Центральной Азии получили независимость в 1991 году от Советского Союза. Все крупные державы начали оказывать влияние на молодые страны Центральной Азии. Министерство образования Турции и частные компании открыли турецкие школы в семи странах Центральной Азии. В турецкой общественности было большое противоречие относительно цели турецких школ в странах Центральной Азии, особенно школ, открытых движением Гюлена. Но теперь, Реджеп Тайип Эрдоган начал закрывать все университеты и школы движения Гюлена из-за кризиса между Реджепом Тайипом Эрдоганом и Фетхуллахом Гюленом. Хотя Эрдоган рассматривал

отношения между своей Партией “справедливости и развития” и движением Фетхуллаха Гюлена как естественное отражение мобилизованных исламских консервативных сил, эти отношения были предметом дискуссий, и многие лидеры партии считали, что столкновение между двумя сторонами было неизбежным. Хотя риторика движения была сосредоточена на дистанцировании от политики, оно не скрывало своего желания играть политическую роль или быть представленным в государственном аппарате. Теперь все турецкие университеты и школы в странах Центральной Азии все еще работают, страны Центральной Азии утверждают, что турецкие университеты и школы финансируются сами.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, образование, государство, система образования, кризис, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан.

Статья поступила 12.03.2019

UDC 327
IRSTI 11.25

OVERSEAS CHINESE AS AGENTS OF CHINA'S INFLUENCE IN SOUTHEAST ASIA

Aliyeva A.B.¹

¹ Master Student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,
Specialty «Regional studies»,
Almaty, Kazakhstan

In this article, the author analyzes the influence of Chinese Diasporas in the system of international relations in Southeast Asia. The author concludes that the overseas Chinese is an important factor of Chinese influence in the Southeast Asia region. Moreover, Chinese Diaspora in South-East Asia is an important element in the structure of international relations in this region. Ethnic cohesion and the enormous financial resources of the Chinese Diaspora make it possible to determine largely the vector of economic development not only of China, but also of the entire South-East Asia. Successful Chinese migrants abroad account for more than two thirds of total foreign investment in the Chinese economy.

Keywords: China, Overseas, Chinese, Southeast Asia, integration.

Chinese, representing only 3% of Indonesia's population, control almost 70% of the country's national enterprises; in Thailand, they own the largest banks; in the Philippines, 35 per cent of total trade flows through their enterprises. The official interpretation of the Chinese law on the protection of the rights and interests of emigrants defines such immigrants (“Huaqiao”) as Chinese citizens who have an residence permit in the country of residence, and the foreign Diaspora of Chinese as descendants of former Huaqiao or Chinese who already have the citizenship of another state or a residence permit. Mass Chinese emigration to Southeast Asia has a long history. The first wave occurred in the XVII century, after China's reign the Manchu Imperial dynasty, the Qing. In the nineteenth century, when Chinese labor was in demand in the European colonies of Southeast Asia and North America, a second wave of Chinese emigration, consisting

mainly of workers, arose. The third, dates from the 80-ies of the XX century and arose in connection with the transition of China to a policy of reform and opening up, which included changing the policy towards immigrants.

The Chinese authorities have developed a number of measures designed to create favorable conditions for re-emigrants, their relatives and foreign Chinese. As practical steps, the liberalization of travel abroad was carried out; the payment of remittances was allowed, and the rules of entry into the PRC were simplified. They are assigned the task of propaganda and explanation of policy among Beijing's "foreign friends", as well as active attraction of investments of overseas Chinese to the mainland. The latest wave of emigration, which continues today, has given the appearance of the global Chinese Diaspora new features corresponding to the challenges of the modern era: the new generation of Huaqiao, have a higher education, receive high positions and actively create business corporations. Today, about 75% of all foreign Chinese live in Southeast Asia, which is 28.2 million people, which is 6% of the total population of the Indochina countries. Despite the General similarity of Chinese Diasporas in Southeast Asian countries, there are several distinguishing models in terms of the degree of assimilation and position in society: non-assimilated Diasporas, assimilated and occupying a dominant position. In General, all the countries of the region are characterized by national self-identification of ethnic Chinese, largely caused by the rapid growth of China.

Today, China's economy has a tendency to grow, especially in the areas of southern China — the birthplace of the ancestors of many Huaqiao in Southeast Asia. In recent years, the PRC has been characterized by enviable stability of the political and social situation, gradually improving the conditions for investment, improving their legal support, simplifying the procedures for registering enterprises with foreign capital, which are the main reasons for the numerous investments of the Huaqiao in the economy of the great Celestial Empire. Overseas Chinese are also attracted by the availability of cheap labor and a huge consumer market, contributing to the development of entrepreneurship. Thus, the growth of China's economic power is accelerating thanks to the financial assistance of the Huaqiao. It is noteworthy that in order to increase the contribution of the Chinese Diaspora of Southeast Asia to solving the problems of modernization of China, Beijing has created a sufficiently favorable regime of preferences. Among the privileges granted to Huaqiao investors are the refusal of the Chinese government to nationalize their investments and other property, the possibility of transferring profits and other income abroad after paying taxes. It was decided not to impose import duties and a single industrial and trade tax and not to require import licenses for machinery, parts, fuel, and raw materials used in production imported to China within the total amount of investment. The establishment of joint ventures of Chinese and

emigrant capital is encouraged; technical and managerial personnel invited from abroad receive open entry and exit visas. In other words, China has created and using a effective mechanism for regulating relations between state structures and the Chinese community, in particular in Southeast Asia.

It is noteworthy that over the past twenty years, the Chinese leadership has begun to consider the Chinese Diaspora in Southeast Asia not only as a source of investment and technology, but also as an instrument of global policy. The struggle for dominance in the region between China and the United States is gradually escalating. South-East Asia is becoming one of the main centers of world development and economic growth, occupies an important geopolitical position at the junction of the Indian and Pacific oceans, this region is crossed by the most important world trade routes. The large population of ASEAN countries forms one of the fastest growing consumer markets, and natural resources, from oil to tin, cannot but attract major players in the international arena. As a rule, representatives of the Chinese community in the region are not directly involved in political processes. Their main strength is economic power, so they retain significant economic levers of lobbying their own interests and, thus, are often quite firmly connected with political forces.

Sponsorship of election campaigns, bribes, “kickbacks” — this is only part of their instruments of influence on the political sphere. Some researchers argue that Chinese companies have helped President Suharto to take a dominant position in the economy of Indonesia, thereby maintaining its business in this state, expanded its influence and received certain advantages in the form of exclusive contracts, loans, etc. Calling on foreign Chinese to “contribute to the great cause of unification of the Motherland,” the Chinese leadership is trying to use the Huaqiao in the propaganda of the irreconcilable struggle with Taiwan to completely isolate it from the outside world. As one of the means of propaganda war in the PRC, congresses of compatriots devoted to the unification of China are often held.

Stressing the importance of the role assigned to the Diaspora, perceiving it as a kind of “continuation” of China, the leaders of the state are always present at national events dedicated to it, and, traveling abroad, include in the programs of their visits meetings with representatives of local Chinese communities. The change in the qualitative composition, increasing strength, overseas Chinese with simultaneous and interlinked raise the national power of China and popularizing in Southeast Asia Chinese language and Chinese culture. Their area of distribution is steadily expanding due to the removal of political restrictions on the study and use of the Chinese language, which is increasingly necessary for large business in the region. This indicates the development and strengthening of China’s cultural integration with the Indochina countries. However, the contribution of the Chinese Diaspora to the economies of Southeast Asian countries

cannot be assessed unambiguously. Undoubtedly, the economies of these countries receive undoubted benefits from the use of Chinese labor, capital and entrepreneurial experience.

The activities of the Chinese minority contribute to the growth of basic indicators such as GDP, exports, average incomes. Thanks to their business connections abroad, the Chinese have helped the countries of the region to integrate into the global market. Not being the creators of new modern technologies, they transferred to the local soil already tested technologies from developed countries. It is worth noting that a number of companies created by representatives of Chinese emigration in ASEAN countries are among the 500 largest transnational companies in the world. However, some experts consider that it is impossible to answer the question: has accelerated or slowed down the activities of the Huaqiao development of their countries of residence? Among the aspects of the negative impact their activities can be noted the concentration of Chinese minorities in the most lucrative sectors of the economy, whereas the share of indigenous population remain low productivity and low profits of the industry, which complicates the region's transition to an industrial economy.

Moreover, representatives of the Chinese community in Southeast Asia often transfer their savings to their ethnic homeland, the size of which in recent years exceeds the volume of China's investments in the countries of the region. This, accordingly, does not have a constructive impact on the growth of the economic power of the countries of residence of foreign Chinese. The situation is complicated by the fact that in the countries of South-East Asia, the giant Northern neighbor is considered not only as a source of huge economic opportunities, but also from the point of view of a potential strategic threat — the transformation of ASEAN countries into a raw material appendage of China. At the same time, against the background of China's success in the economy and strengthening its political position in the region. Chinese nationalism and confidence in the fact that the Chinese yuan will become the currency of the countries of the region, and the Chinese language — a generally accepted means of communication within the emerging common market of Southeast Asia and China. The Chinese Diaspora, therefore, can be a very effective tool in establishing in the region the image of the PRC as a peaceful and responsible power, strictly adhering to the rules of civilized behavior, as well as in developing efforts to further strengthen economic integration and assert the cultural influence of the great celestial Empire in South-East Asia.

REFERENCES

1. Anokhina E. S. Chinese diasporas and “new” Chinese migration in South-East Asia // Bulletin of Tomsk State University. 2012, № 361. P. 62-65
2. Borisova A. Foreign Chinese // Asia and Africa today. 2002, № 5. P. 28-33.
3. With Druzhinin. The Chinese Freemasons. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/4332>.

4. Larin G. World Chinese guacnopa and the new migration concept of Russia // China in world and regional politics. History and modernity. 2013, № 18. P. 193-222.
5. Mosyakov D. U.S. — China: the intensification of contradictions in South-Eastern Asia // Asia and Africa today. 2007, № 7. P.30-33.
6. Strovsky L. E., Jiang Jing. The role of the Overseas Chinese in the development of the Chinese economy // Vestnik UGTU–UPI. 2008, № 2. P. 64-72.
7. The world factbook 2010/ / Central intelligence Agency website. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/region/region-eas.html>

ХУАЦЯО ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС АЗИЯДАҒЫ ҚЫТАЙ ЫҚПАЛЫНЫҢ ӨТКІЗГІШТЕРІ РЕТІНДЕ

Алиева А.Б.¹

¹Абылай хан ҚазХҚжӨТУ магистранты
Мамандық «6M050500 – Аймақтану»
Алматы, Қазақстан

Бұл мақалада автор Оңтүстік-Шығыс Азиядағы Халықаралық қатынастар жүйесіндегі Қытай диаспораларының әсерін талдайды. Автор хуацяо осы өңірдегі Қытай ықпалының маңызды факторы болып табылады деген қорытындыға келеді. Сонымен қатар, Оңтүстік Азиядағы Қытай диаспорасы осы өңірдегі халықаралық қатынастар құрылымындағы маңызды элемент болып табылады. Қытай диаспорасының этникалық тұтастығы мен орасан зор қаржы ресурстары көп жағдайда Қытайдың ғана емес, бүкіл Оңтүстік-Шығыс Азияның экономикалық даму бағытын анықтауға мүмкіндік береді. Шетелде табысты Қытай мигранттары Қытай экономикасына шетелдік инвестициялардың жалпы көлемінің үштен екісінен астамын құрайды.

Тірек сөздер: Қытай, Хуацяо, Оңтүстік-Шығыс Азия, интеграция.

ХУАЦЯО КАК ПРОВОДНИКИ КИТАЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В ЮГО- ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Алиева А.Б.¹

¹Магистрант регионоведения,
КазУМОиМЯ им.Абылай хана
Алматы, Казахстан

В данной статье автор анализирует влияние китайских диаспор в системе международных отношений в Юго-Восточной Азии. Автор приходит к выводу о том, что хуацяо являются важным фактором китайского влияния в данном регионе. Кроме того, китайская диаспора в Южной Азии является важным элементом в структуре международных отношений в этом регионе. Этническая сплоченность и огромные финансовые ресурсы китайской диаспоры позволяют во многом определить вектор экономического развития не только Китая, но и всей Юго-Восточной Азии. Успешные китайские мигранты за рубежом составляют более двух третей от общего объема иностранных инвестиций в китайскую экономику.

Ключевые слова: Китай, Хуацяо, Юго-Восточная Азия, интеграция.

Статья поступила 6.03.2019

III БӨЛІМ. ШЕТЕЛДІК ҒАЛЫМДАРДЫҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ
РАЗДЕЛ III. ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ
PART III. RESEARCHES OF FOREIGN SCHOLARS

**THE RELATIONSHIP OF THE INDUSTRIAL STRUCTURE
RATIONALIZATION AND ECONOMIC GROWTH OF KAZAKHSTAN**

Anvarova D.E.¹,

¹Xinjiang University, Faculty of Economics and Management
Master student 2nd course, Urumqi, PRC
a.d.e.290194@gmail.com

In article research the relationship between the industrial structure rationalization and economic growth of Kazakhstan by using TL index and VAR econometric model.

Keywords: Kazakhstan; industrial structure rationalization; economic growth.

УДК 338.45

МРНТИ 06.71.03

**ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА КАЗАХСТАНА**

Анварова Д.Е.¹

¹Синьцзянский университет, Факультет экономики и менеджмента
Магистрант 2-курса, г. Урумчи, КНР
a.d.e.290194@gmail.com

В данной статье, используя показатель индекса TL и результаты анализа уровня рационализации структуры промышленности, путем построения эконометрической модели VAR, исследуется взаимосвязь между рационализацией структуры промышленности и экономическим ростом Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан; рационализация структуры промышленности; экономический рост.

После провозглашения независимости, Республика Казахстан (далее Казахстан) взяла курс на развитие экономики и повышение конкурентоспособности. Наличие богатейших природных ресурсов и стабильная экономическая политика обусловили создание благоприятного инвестиционного климата в стране и, как результат, бурное развитие национальной добывающей и перерабатывающей промышленности. Вместе с тем в силу объективных и субъективных причин структура промышленности республики оказалась сильно деформированной. Она соответствует структуре конечных общественных потребностей, что приводит к значительному отставанию производства конечных продуктов [1].

Значительный рост доли добывающей промышленности по отношению к перерабатывающей в структуре экономики, привели к однобокому развитию экономики страны и как следствие снижению

конкурентоспособности экономики. Тогда как, добывающая промышленность должна служить основой для развития других секторов экономики и обеспечению макроэкономической стабильности и модернизации экономики [2].

В целях укрепления инфраструктуры, развития сферы услуг и быстрого развития обрабатывающей промышленности, в ноябре 2014 года в своем обращении к народу, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев изложил концепцию новой экономической политики под названием «Светлый путь» («Нурлы жол», Казахстан), которое достигло консенсуса с Китаем по «рамочному соглашению о сотрудничестве в области производства и производства китайско-казахстанской продукции» [3].

Изучая мировой опыт, государственное регулирование развития промышленности приводит к положительным экономическим результатам. Основными способами воздействия государства на сложившуюся ситуацию являются рационализация и оптимизация структуры промышленности [4]. Цель рационализации структуры промышленности заключается в том, чтобы, с одной стороны, путем преобразования запасов промышленной структуры, исправить существующие недостатки, связанные с выбором реверсивной промышленной структуры, и с другой, добиться оптимизации отраслевых структур, чтобы в дальнейшем заложить основу для более высокого развития промышленной структуры в государстве [5].

В данной статье через анализ статистики и эконометрические вычисления, изучается степень рационализации структуры промышленности и уровень экономического роста Казахстана. Рационализация промышленной структуры - это эффективное распределение производственных элементов между отраслями, отражающее степень координации между отраслями и эффективное использование ресурсов, а также оценку соответствия между структурой вводимых ресурсов и структурой производства [6]. Для исчисления степени рационализации, наиболее часто используют следующую формулу:

$$E = \sum_{i=1}^n \left| \frac{Y_i / L_i}{Y / L} - 1 \right| = \sum_{i=1}^n \left| \frac{Y_i / Y}{L_i / L} - 1 \right| \quad (1)$$

Где, через Y выражается производство, L количество работающих, i промышленность, n количество отраслей промышленности. Согласно классической экономической теории, экономика стабилизируется, когда производственная эффективность в различных отраслях промышленности равна, следовательно, $Y_i / L_i = Y / L$, $E = 0$. В то же время, E также отражает степень соответствия структуры производства (Y_i / Y) структуре занятости (L_i / L) и чем больше значение E , тем больше экономика отклоняется от состояния равновесия, тем более нерациональна структура промышленности. Однако данный показатель

ставит все отрасли в одинаковое положение, игнорируя различные роли и факторы развития отдельных отраслей в экономике, а расчет абсолютных величин может затруднить проведение исследования.

Так как формула №1 не полностью удовлетворяет требованиям исследования, рассматривались и другие варианты, среди которых наиболее подходящим оказался коэффициент Терье, первоначально предложенный в качестве показателя для измерения разрыва между отдельными объектами или регионами (для исчисления уровня неравенства). Но в ходе изучения соответствующей литературы выяснилось, что коэффициент Терье является относительно разумным показателем для оценки рациональности структуры промышленности, формула которого приводится ниже:

$$TL = \sum_{i=1}^n \left(\frac{Y_i}{Y} \right) \ln \left(\frac{Y_i}{L_i} / \frac{Y}{L} \right) (2)$$

Согласно теории классической экономики, экономика находится в равновесии, когда производительность в различных отраслях промышленности равна, т.е. $TL = 0$; если $TL \neq 0$, то это свидетельствует о том, что структура промышленности находится не в состоянии равновесия и не является рациональной. По сравнению с показателем отклонения промышленной структуры, преимущество коэффициента Терье заключается в том, что он учитывает относительную важность отраслей, избегает исчисления абсолютных величин, сохраняя при этом теоретическую основу и экономическое значение структурных отклонений, поэтому в данной статье был выбран именно этот показатель для оценки рационализации промышленной структуры Казахстана. Для определения степени рационализации структуры промышленности по формуле исчисления коэффициента Терье (TL), были использованы данные Комитета Статистики Республики Казахстан в период с 2000 по 2018 годы. В бывшей советской системе основное внимание уделялось производству продовольствия, добыче цветных металлов, выплавке и первичной переработке металлов. После обретения независимости, объем промышленного производства сократился почти наполовину, сельское хозяйство занимало ведущее место в экономическом развитии, в связи с чем в 2000-2018 гг. уровень рационализации структуры промышленности Казахстана постепенно повышался, динамику которого мы можем отследить в диаграмме 1.

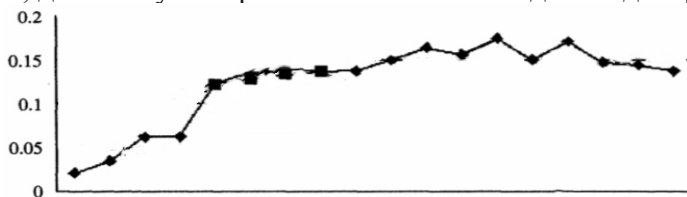

Диаграмма 1- Динамика рациональности структуры промышленности Казахстана с 2000 по 2018 гг.

В 2000 году экономика Казахстана вступила в этап стабильного развития. В 2003 году была разработана стратегия промышленного инновационного развития, направленная на реструктуризацию промышленности, однако вопросы, связанные с неразвитостью внутренней структуры промышленности, серьезным дисбалансом в структуре занятости и структуре производства, не были решены по существу, что привело к повышению коэффициента TL и углублению иррациональной структуры промышленности. После достижения показателя 0,12, в 2007 - 2018 гг. наблюдается ежегодное снижение, что свидетельствует о том, что с непрерывным регулированием и совершенствованием промышленной структуры уровень рационализации промышленной структуры ежегодно понижается. В целом, в промышленной структуре Казахстана существует ряд проблем, таких, как низкий уровень индустриализации, слабая инфраструктура и неразвитая внутренняя структура, неконкурентоспособность предприятий и многочисленные пробелы на рынке, которые приводят к снижению уровня рационализации промышленной структуры.

При проведении эконометрического анализа для устранения всех возможных расхождений и во избежание псевдо регрессии, промышленный показатель TL и показатель экономического роста (ВВП) Y преобразуются в натуральный логарифм, и выглядят как $ln tl$ и $ln y$. Для начала, используя один корень для проверки стабильности временных рядов различных переменных (как показано в таблице 1), выявлено, что временные ряды переменной $ln y$ нестабильны. Международный финансовый кризис 1998 г и 2008 г, который привел к аномальным колебаниям в экономике Казахстана, вместо данных, полученных методом скользящих средних величин, привел нас к получению новой временной последовательности $ln yf$. Переменные $ln yf$ и $ln tl$ полностью удовлетворяют условия создания модели VAR. Согласно принципу наименьшего значения AIC и SC были произведены вычисления для определения задержки переменных и оценки регрессии, результаты которых указаны в таблице 1.

Таблица 1 - Результаты вычислений задержки переменных и оценки регрессии

переменная	статистика	критическая величина		контрольная установка (I, T, B)	критерий устойчивости
		1%	5%		
$ln y$	-0,580	-2,66	-1,95	(1,0,3)	Не устойчива
$ln tl$	-2,727	-3,75	-3,00	(0,0,2)	Устойчива
$ln yf$	-3,937	-3,75	-3,00	(1,0,3)	Устойчива

В нижеуказанном уравнении (3), большинство из показателей t , используемых в модели регрессии, были проверены на уровне 10 %. Некоторые коэффициенты, возможно, не являются существенными из-за множественной коалиции между несколькими значениями гистерезиса одной и той же переменной, и поэтому здесь все еще используется модель с пятью периодами задержки.

$$\begin{pmatrix} \ln y_t \\ \ln l_t \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} -12.5354^{***} \\ -2.2729^{***} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0.5833^{***} & -7.1997^{***} \\ -0.0394^* & -0.0746 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \ln y_{t-1} \\ \ln l_{t-1} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} -0.8918^{***} & 1.5087^* \\ 0.0111 & 0.0744 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \ln y_{t-2} \\ \ln l_{t-2} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0.5850^{**} & -1.1616 \\ -0.0053 & 0.3805^{**} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \ln y_{t-3} \\ \ln l_{t-3} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} -0.3010 & -0.4738 \\ 0.1121^* & -0.1661^* \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \ln y_{t-4} \\ \ln l_{t-4} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0.5351^* & 0.2487 \\ -0.0563 & 0.3435^* \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \ln y_{t-5} \\ \ln l_{t-5} \end{pmatrix} \quad (3)$$

Для получения достоверных оценочных результатов была проведена проверка на устойчивость модели. Проверка с использованием корня AR показывает, что система VAR стабильна, если все характерные значения меньше 1, т.е. как мы можем наблюдать на диаграмме 2, все радикалы единиц расположены внутри единичной окружности, и поэтому модель, созданная для этой цели, является стабильной. Кроме того, проверенный элемент подчиняется нормальному распределению на 10% очевидного уровня, что говорит о том, что вышеупомянутая модель действительно отражает процесс формирования данных и что интервал прогноза будущих величин переменных является достоверным.

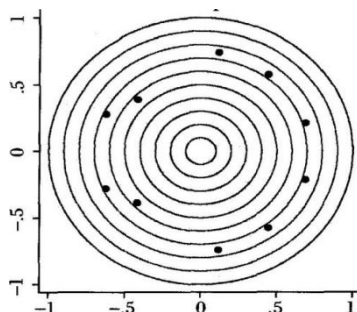

Диаграмма 2 - Единичная окружность для отображения единиц радикалов

Вышеприведенный анализ показывает, что между рационализацией промышленной структуры в Казахстане и экономическим ростом существует стабильная взаимосвязь, но не может определить направление причинно - следственной связи между ними.

К сожалению, этих вычислений не достаточно для того, чтобы выявить все четкие грани взаимосвязи вышеуказанных определений, поэтому ниже проводится более углубленный анализ взаимосвязи между импульсной реакцией и дисперсионным разложением. Функция импульсной реакции позволяет визуальное описание влияние одной из переменных в модели VAR на другие.

Как мы видим на диаграмме 3, при нулевом периоде значение переменных $lnyf$

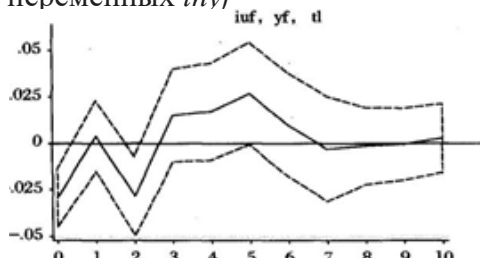

Диаграмма 3 - $lntl/lnyf$

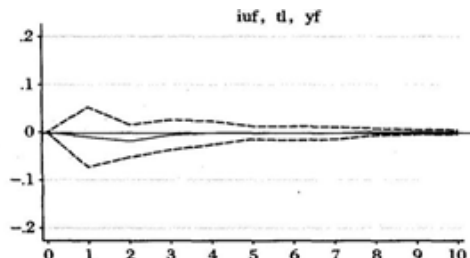

Диаграмма 4 - $lnyf/lntl$

положительно, уровень рационализации промышленной структуры в течение первого периода повышается, во время третьего периода, после кратковременного снижения второго периода, также быстро повышается. Далее формируется более высокая положительная реакция, которая продолжается до конца шестого периода; в седьмом цикле наблюдается негативная реакция и соответствующая степень снижается, а в восьмом цикле отмечается медленное повышение, к девятому и десятому периодам она начинает формироваться с положительной реакцией и постоянно повышается. Это указывает на то, что в краткосрочной перспективе переменная $lnyf$ оказывает положительное воздействие на уровень рационализации промышленной структуры.

Для того чтобы проанализировать воздействие одной из переменных на другую, а также оценить значение различных структурных потрясений, была разработана модель прогнозирования вариационного разложения единиц. Однако в целом экономический рост играет позитивную роль в рационализации промышленной структуры, т.е. как видно из диаграммы 4, в тех случаях, когда модель для переменных $lntl$ за нулевой период отражает существенный процесс вычисления информации, степень вклада переменных проверяется путем разложения среднеквадратичного отклонения системного прогноза на воздействие переменных в системе. Таким образом, дисперсионное разложение может описать степень относительной важности переменной, а также в динамических изменениях в $lntl$ анализ дисперсии на основе модели VAR, приведенной ниже в таблице 2. В колонках “экономический рост” и “рационализация промышленной структуры” представлены данные уравнения с переменными $lntl$ для расчета погрешности прогнозов за различные периоды времени. Первые колебания в темпах экономического роста зависят только от собственных колебаний, а воздействие на колебания экономического роста (т.е. влияние на экономический рост было весьма незначительным, что свидетельствовало о том, что влияние

изменений в уровне рационализации промышленной структуры на экономический рост тоже было незначительным). Экономический рост зависит от различных макроэкономических и микроэкономических факторов, поэтому перестройка промышленности в Казахстане привела к снижению доли промышленного производства, увеличению объема продукции сферы услуг, но не решила в корне таких проблем, как отставание в промышленном развитии, дисбаланс в структуре занятости и т.д. [7]. Что касается рационализации промышленной структуры, то ее уровень в Казахстане с первого периода затронут колебаниями экономического роста. Чем более развита экономика, тем больше страна осознает важность оптимизации промышленной структуры. Влияние нынешнего уровня рационализации промышленной структуры на последующие периоды будет постепенно ослабевать.

Таблица 2 - Результаты уравнивания погрешности прогнозов за разные периоды времени

период прогноза	экономический рост		рационализация промышленной структуры	
	<i>lnyf (%)</i>	<i>lntl (%)</i>	<i>lnyf (%)</i>	<i>lntl (%)</i>
0	0.00	0.00	0.00	0.00
1	100.00	0.00	68.92	31.08
2	99.84	0.16	68.84	31.16
3	99.32	0.68	80.53	19.47
4	99.28	0.72	81.74	18.26
5	99.30	0.70	83.50	16.50
6	99.31	0.69	86.99	13.01
7	99.30	0.70	87.31	12.69
8	99.30	0.70	87.34	12.66
9	99.30	0.70	87.35	12.65
10	99.30	0.70	87.35	12.65

Подводя итоги анализа можно сделать следующий вывод: в краткосрочной перспективе экономический рост может замедлить темпы рационализации промышленной структуры, а в долгосрочной перспективе он будет иметь более очевидный положительный эффект [8]. С ростом экономики Казахстана, приходит субъективное осознание необходимости избавления от “ресурсного проклятия”, путем перестройки и оптимизации промышленной структуры, достижения диверсификации экономики и повышения устойчивости к экономическим рискам.

Экономический рост и рационализация структуры промышленности тонко взаимосвязаны друг с другом. Например, в стратегии

“Казахстан - 2050” особое место отводится оптимизации инвестиционного климата, перестройке промышленной структуры, укреплению инфраструктуры, индустриализации, информатизации, модернизации сельского хозяйства, оптимизации и рационализации промышленной структуры, чтобы она могла играть роль катализатора экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Жупарова А.С. Характеристика современного этапа развития промышленности республики Казахстан // Вестник КазНУ. Серия «Экономические науки». - 2011. - № 1.
- 2 Букеева О. А. Второй раз начало индустриальной 5-летки пришлось на кризис. – А., 2015.
- 3 Кожанов Т., Атамкулов Б. Промышленная и инвестиционная политика в долгосрочной стратегии развития экономики страны. Транзитная экономика. - Алматы, 2007.
- 4 Каренов Р.С. Индустриализация – одно из ключевых направлений развития Казахстана в новой экономической реальности. – Алматы, 2017.
- 5 Qin Fang Ming. Research on Regional Economic Cooperation between China and Central Asian Countries – М.: Science Press, 2010.
- 6 Wu Di. Kazakhstan's Industrial Structure and Economic Growth Analysis // Journal of Changchun Finance College. - 2016. - № 2. – P. 87-96.
- 7 Кадыраджиева К.И., Баймагамбетова Л.К. Экономическая и инвестиционная безопасность Республики Казахстан // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана”, серия “Международные отношения и регионоведение”. - 2018. - № 3. - С. 93-101.
- 8 Gao Zhi Gang, Wang Yan Fang. Research on the Rationalization of Industrial Structure and Economic Growth in Kazakhstan - the cooperation between China and Kazakhstan // Karamay Journal.- 2017. - № 7 (01).

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ӨНЕРКӘСІП ҚҰРЫЛЫМЫНЫҢ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯСЫ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨСІМНІҢ ӨЗАРА БАЙЛАНЫСЫ

Анварова Д. Е. ¹

¹ Синьцзян университеті, Экономика және менеджмент факультеті
2-курс магистранты, a.d.e.290194@gmail.com
Үрімші, ҚХР

Бұл мақалада TL индексінің көрсеткішін және VAR эконометриялық моделін құру жолымен өнеркәсіп құрылымының рационализациялану деңгейін талдау нәтижелерін пайдалана отырып, өнеркәсіп құрылымының рационализациялануы мен Қазақстанның экономикалық өсуінің арасындағы өзара байланыс зерттеледі.

Тірек сөздер: Қазақстан, өнеркәсіп құрылымының рационализациясы, экономикалық өсім.

Статья поступила 25.1.2019

ANALYSIS OF THE EMPIRICAL STUDY OF THE TAX BURDEN AFFECTING BUSINESS PERFORMANCE, AND ITS SOLUTION

Dzhusubakunova G.K.¹,

¹ Xinjiang University, Faculty of Economics and Management
Master student 2nd year, gulshan-520@mail.ru
Urumqi, PRC

With the continuous development of China's economy, the tax system should also be appropriately reformed in order to better protect the development of China's financial industry. There is a certain relationship between the tax burden and the efficiency of the enterprise. In general, if the tax burden is too large, the actual benefit will be low, which is not conducive to the sustainable development of the enterprise. Therefore, the Chinese government should reform and improve taxation in accordance with the relationship of financial markets, making the market more harmonious and reducing financial risks. This paper focuses on three aspects: performance analysis, empirical analysis, and decision measures.

Keywords: tax burden, business efficiency, economy, benefit, analysis.

УДК 336.22

МРНТИ 06.81.12

АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВОГО БРЕМЕНИ, ВЛИЯЮЩЕГО НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ БИЗНЕСА, И ЕГО РЕШЕНИЕ

Джусубакунова Г.К.¹,

¹Синьцзянский университет, Факультет экономики и менеджмента
Магистрант 2-курса, gulshan-520@mail.ru
Урумчи, КНР

С непрерывным развитием экономики Китая, система налогообложения также должна быть соответственно реформирована, чтобы лучше защитить развитие финансовой индустрии Китая. Существует определенная взаимосвязь между налоговым бременем и эффективностью предприятия. В целом, если налоговое бремя слишком велико, фактическая выгода будет низкой, что не способствует устойчивому развитию предприятия. Поэтому китайское правительство должно реформировать и улучшить налогообложение в соответствии с взаимоотношениями финансовых рынков, делая рынок более гармоничным и снижая финансовые риски. В этом документе основное внимание уделяется трем аспектам: анализ производительности, эмпирический анализ и меры решения.

Ключевые слова: Налоговое бремя, эффективность бизнеса, экономика, выгода, анализ.

Путем взимания определенных налогов китайское правительство поддерживает развитие коммунальных услуг в Китае и предоставляет населению все больше и больше услуг. Соответствующие предприятия в Китае также должны нести свою социальную ответственность и активно заниматься налогообложением, что не только будет способствовать устойчивому развитию предприятий, но и будет чрезвычайно полезным для стабильности экономики Китая. Если предприятие несет чрезмерно высокое налогообложение, это приведет к уменьшению его

пособий, что не способствует обращению его средств, поэтому оно требует, чтобы правительственные ведомства страны усилили реформу налогообложения, снизили налоги и снизили давление на предприятия. Специально для горнодобывающих предприятий соответствующие ведомства должны активизировать реформу и инновации в области налогообложения, уменьшить налогообложение и дать возможность предприятиям развиваться лучше.

С развитием экономики Китая финансовая индустрия также постоянно развивается: Китай реформировал налогообложение в соответствии с новой экономической ситуацией, чтобы он мог лучше содействовать развитию экономики Китая и лучше обслуживать широкие массы населения. В конце прошлого столетия в Китае были проведены определенные реформы налогового бремени, в которых налоговое бремя делится на прямой и косвенный налоги. Эта форма способствует не только развитию экономики, но и повышению экономической конкурентоспособности Китая. В новой экономической ситуации все предприятия в Китае также улучшили свои бизнес - модели и приняли передовые модели управления для поддержания устойчивого развития предприятий. В течение долгого времени китайские горнодобывающие предприятия передали налоги государству, и государство инвестировало эти средства в строительство соответствующих государственных объектов для поддержания развития и прогресса системы государственной службы Китая [1].

Правительство Китая взимает налоги, с одной стороны, для поддержания собственного строительства, а с другой - для создания лучшей социальной среды и содействия развитию предприятий. В нормальных условиях налоговое бремя предприятий слишком велико, что приведет к определенным проблемам в движении средств. Некоторые предприятия не хотят нести чрезмерное высокое налогообложение и часто применяют методы уклонения от уплаты налогов. Такое поведение заключается не только в том, что предприятия не несут социальной ответственности. Производительность также не способствует долгосрочному развитию предприятий. Из сообщений в новостях мы можем видеть, что некоторые предприятия приняли методы уклонения от уплаты налогов для получения прибыли, но этот вид интересов недолговечен, и предприятия в конечном итоге столкнутся с юридическими санкциями.

Из практики различных предприятий по добыче полезных ископаемых в Китае видно, что существует определенная взаимосвязь между налоговыми поступлениями и ставкой прибыли. При нормальных обстоятельствах чрезмерный сбор налогов приведет к снижению корпоративного дохода. Доход предприятия в основном поступает от обращения средств, а чрезмерная налоговая ставка приведет к определенным проблемам в движении средств, что

приводит к сокращению доходов. Исходя из этой ситуации, китайское правительство должно улучшить соответствующую модель налоговых обязательств и увидеть связь между налогообложением и эффективностью бизнеса, которая, в свою очередь, снижает корпоративное налогообложение и поддерживает корпоративное развитие.

В этой статье в качестве объектов исследования выбираются 20 компаний, зарегистрированных на бирже, а интервал выборки - 2014–2018 годы. Выбранные горнодобывающие компании подразделяются на три категории: добыча угля и добыча полезных ископаемых, добыча и обогащение цветных металлов, добыча нефти и газа. В процессе отбора образцов в данной статье рассматривается взаимосвязь между налоговым бременем и эффективностью.

Эта статья проводит определенные исследования и анализ этих данных выборки через определенную модель. Сегодня эмпирический анализ все более использует методы модельных исследований. Создание определенной модели не только способствует анализу соответствующих данных, но также чрезвычайно полезно для изучения взаимосвязи между налоговым бременем и результатами. Модель отношений между ними может быть обобщена следующим образом:

$$y_{it} = \alpha_{it} + \beta_{it}X_{it} + u_{it}$$

Среди них Y является зависимой переменной и зависит от других факторов. Кроме того, налоговое бремя имеет много влияющих факторов, включая не только экономические, но и политические факторы. Следовательно, в процессе изучения влияния налогового бремени персонал должен всесторонне рассмотреть эти факторы, чтобы изучить взаимосвязь между налогообложением и эффективностью бизнеса. Основываясь на определенной модели данных, исследователи также должны учитывать влияние множества факторов, записывать данные исследований и улучшать научный характер эксперимента [2].

По результатам исследования, определенный анализ показывает, что существует определенная взаимосвязь между уровнем налогового бремени и эффективностью бизнеса. В нормальных условиях, чем тяжелее налоговое бремя, тем хуже показатели деятельности предприятия, как правило, поэтому правительство Китая должно снизить налоговое бремя. Снизить ставку налога. Соответствующим департаментам следует снизить сборы за приобретение земли, снизить налоговое бремя, разрешить в определенной степени перевод своих средств и поддерживать общее развитие предприятий.

Кроме того, с развитием экономической глобализации китайские предприятия должны также снизить нагрузку и решать задачи, поставленные мировой экономикой. Экономика Китая развивается в

направлении новой нормальной ситуации, и темпы экономического роста замедляются, что требует от правительства интенсификации реформ и инноваций в экономике и поддержания общего развития предприятий. Для горнодобывающей промышленности необходимо поддержать сильные экономические реформы: правительство проведет определенные реформы в налоговой системе на основе реальных условий развития предприятий Китая, снизит налоговую нагрузку и позволит предприятиям развиваться лучше.

Хотя Китай внес определенные коррективы в корпоративный подоходный налог, правительство также снизило подоходный налог, однако в реальных операциях все еще остается много проблем. Действующее налоговое законодательство имеет больше ограничений до уплаты налогов, что привело к увеличению подоходного налога. Исходя из этого, правительство должно улучшить систему налогообложения, снизить подоходный налог и позволить экономическому строительству развиваться лучше. Кроме того, при совершенствовании налоговой системы соответствующие ведомства должны также извлечь уроки из передового зарубежного опыта, улучшить построение соответствующих налоговых систем и содействовать развитию предприятий.

В настоящее время в Китае реализуется экономическая система, в которой доминирует рыночная экономика и которая сочетается с макроэкономическим регулированием и контролем. Рыночная экономика может стимулировать жизнеспособность рынка. Кроме того, правительство должно также играть свою роль в макроэкономическом регулировании и контроле, объединять рынок с правительством и защищать рынок от рисков. Экономическая устойчивость [3]. Сегодня финансовая индустрия Китая быстро развивается, хотя финансовая индустрия развивается, также она дает новый импульс развитию экономики Китая. Чтобы способствовать развитию и прогрессу финансовой индустрии Китая, правительство должно содействовать развитию соответствующих предприятий, снизить налоговую ставку и улучшить реформу финансовой налоговой структуры. В частности, соответствующие департаменты могут снизить налог на прирост капитала, уменьшить налоговое давление и снизить налог. В прошлой налоговой системе земельный налог был выше. Поэтому соответствующие департаменты могут снижать налог за счет снижения налога. Налоговая нагрузка позволит в полной мере течь форме капитала и обеспечить всестороннее развитие предприятия. Кроме того, правительственные ведомства должны также улучшить налоговую систему, повысить налоговые поступления и снизить финансовые риски. Сегодня на финансовом рынке существует множество рисков, и правительственным департаментам необходимо

усилить регулирование и контроль, снизить финансовые риски и обеспечить более эффективное развитие рыночной экономики.

Снижая налоги, китайское правительство также должно усилить сбор и управление налогами, чтобы предотвратить потерю налоговых поступлений. Налогообложение в Китае в основном используется для строительства служб по связям с общественностью [4]. Особенно в последние годы, строительство дорог в Китае требует большой финансовой поддержки. Поэтому, чтобы лучше поддерживать развитие Китая, необходимо строго контролировать налогообложение, только для обеспечения. С определенными налогами правительство может лучше выполнять свои обязанности. Более того, в настоящее время развитие онлайн-банкинга относительно быстрое, не имеет определенного контроля и может легко привести к таким действиям, как мошенничество в сфере телекоммуникаций, что требует от правительственных ведомств усиления надзора и поддержания финансовой стабильности [5].

Таким образом, если предприятие берет на себя чрезмерное налогообложение, это приведет к снижению его выгод, что требует от правительственных ведомств интенсифицировать реформы и снизить налоги, чтобы предприятия могли развиваться. Из практики различных предприятий в Китае видно, что слишком высокий налог с продаж приведет к снижению доходов. Доходы предприятий в основном поступают от обращения средств. Чрезмерный налог на бизнес приведет к проблемам в движении средств. Правительству Китая следует усовершенствовать соответствующие модели налоговых обязательств, сократить налогообложение предприятий и поддерживать развитие предприятий. Чтобы обсудить взаимосвязь между налоговым бременем и эффективностью бизнеса, в данной статье используется метод выборочного тестирования для анализа взаимосвязи между данными о налогах и показателях деятельности горнодобывающие компании. Правительственные ведомства должны снизить налоговую нагрузку и поддерживать общее развитие предприятий. Правительство должно улучшить соответствующие правовые меры, улучшить налоговую систему и снизить подоходный налог. Кроме того, при совершенствовании налоговой системы соответствующие ведомства должны также использовать передовой зарубежный опыт для содействия развитию предприятий. Соответствующие ведомства могут снизить налоговую нагрузку и уменьшить форму капитала за счет снижения налогообложения. Кроме того, правительственные ведомства должны также улучшить налоговую систему, повысить налоговые поступления и снизить финансовые риски. Я надеюсь, что эта статья может внести определенный вклад в соответствующую теоретическую конструкцию.

ЛИТЕРАТУРА

1 Ли Вэй, Tie Wei. Эмпирический анализ влияния налоговой нагрузки на показатели банковской индустрии Китая // Журнал статистики и информации. – 2009. - № 7. – С.82-86.

2 Ли Гэнвэй, Чжан Цзуньён. Структура рынка, налоговая нагрузка и показатели банковской индустрии Китая // Аудит и экономические исследования. – 2005. № 4. - С. 73-78.

3 Ду Чжисюн, Сяо Вэйдун // Анализ операционной деятельности сельских МСП и ее влияющих факторов на фоне международного финансового кризиса - на основе данных вопросника о сельских МСП в трех странах // Аудит и экономические исследования. -2010. - № 2. - С.66-73.

4 Akmatova A. Effective are fiscal Incentives for R&D // A review of the evidence Research Policy. – 2011. - № 29. - P.58-59.

5 Laffer E. Regularities of the effect of tax rates on tax revenues // Journal of Accounting and Economics. – 1968. - № 16ю- P. 359.

САЛЫҚТЫҚ ЖҮКТЕМЕНІҢ ЭМПИРИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУІ ЖӘНЕ ОНЫҢ БИЗНЕСКЕ ӘСЕР ЕТЕНУІ

Джусубакунова Г.К.¹,

¹Синьцзян университеті, Экономика және менеджмент факультеті

2 курс магистранты, gulshan-520@mail.ru

Үрімші, ҚХР

Қытай экономикасының үздіксіз дамуымен қатар, Қытайдың қаржы саласының дамуын одан әрі қорғау үшін салық жүйесі тиісті түрде реформалануы керек. Салық ауыртпалығы мен кәсіпорынның тиімділігі арасында белгілі бір қатынас бар. Жалпы, егер салық ауыртпалығы тым үлкен болса, нақты пайда төмен болады, бұл кәсіпорынның орнықты дамуына ықпал етпейді. Сондықтан Қытай үкіметі қаржы нарықтарының қатынастарына сәйкес салық салуды жақсартуға және реформалауға, нарықтың үйлесімді болуына және қаржылық тәуекелдерді төмендетуге тиіс. Бұл мақалада үш аспектілер қарастырылған: өнімділік талдауы, эмпирикалық талдау және шешім қабылдау.

Тірек сөздер: салық жүктемесі, бизнес тиімділігі, экономика, пайда, талдау.

Статья поступила 8.2.2019

THE MEASUREMENT OF TRADE INTEGRATION BETWEEN CHINA AND FIVE CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Safarov F.U.¹

¹Xinjiang University, Faculty of Economics and Management

Master student 2nd course, fir_1991.999@mail.ru

Urumqi, PRC

The development of trade between China and the five countries of Central Asia underscores the importance of trade integration. However, trade indices between these countries have significant gaps that impede the simplification of cooperation. On the basis of characteristics and statistical data, this article examines the level of integration and the level of growth in mutual commodity turnover between China and the countries of Central Asia.

Keywords: Central Asia, China, trade integration, entropy, economic growth

УДК 339.5
МРНТИ 72.01

ИЗМЕРЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ КИТАЕМ И ПЯТЬЮ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сафаров Ф.У.¹

¹Синьцзянский университет, Факультет экономики и менеджмента
Магистрант 2-курса, fir_1991.999@mail.ru
Урумчи, КНР

Быстрое развитие торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии, подчеркивает важность интеграции в сфере торговли. Однако индексы торговли между этими странами имеют значительные пробелы, которые препятствуют упрощению сотрудничеству. На основе характеристик и статистических данных, в данной статье исследуется уровень интеграции и уровень роста взаимного товарного оборота между Китаем и странами Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, торговые интеграции, энтропия, экономический рост.

Экономические и торговые взаимоотношения между странами Центральной Азии (далее СЦА) и Китаем стабильно развиваются очень долгое время. В 1992 году в Китае объем импорта и экспорта в Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстана и Таджикистана составляли 368.23 млрд. долл., 525 млрд. долл., 1045 млн. долл., 335.45 млн. долл. и 0.276 млрд.долл. В 2016 году, импорт и экспорт Китая в Казахстан, Узбекистан и Турции составляли 368.23 млрд., 0,45 млрд. и 0.276 млрд., а общий объем импорта и экспорта в Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан вырос до 13974 млрд. долл., 3614.2 млрд. долл., 5907.7 млрд. долл., 5676.6 млрд. долл. и 1756.33 млрд. долл.. Ежегодно в средний прирост составляет 15,36%, 18,44%, 33,26%, 22,51% и 29,46%. Благодаря программе Китая «Один пояс – один путь» торговля между Китаем и СЦА развивается быстрыми темпами.

По мнению Джеффри Франка, У Фусяна и Лю Чжи Бао, торговая интеграция является частью экономической интеграции в условиях глобализации, снижения тарифов, транспортных издержек, углубления разделения труда в международной промышленности, регулирования торговли и снижения издержек международной торговли, увеличения объема торговли и усиления торговых связей. Сюй Чун Сан считает, что торговая интеграция является началом экономической интеграции, измеряемой долей внутри региональной торговли, индексом взаимозависимости внутри региональной торговли, индексом интенсивности торговли, индексом торговой конкуренции, индексом сравнительных преимуществ, региональным показателем сравнительных преимуществ, индексом тенденций в области торговли, индексом внутриотраслевой торговли и т.д. Торговая интеграция представляет собой динамичный процесс снижения тарифов, снижения торговых барьеров, регулирования торговли и снижения операционных

издержек между странами в целях содействия экономическому росту [1].

Ученые по-разному оценивали уровень интеграции торговли в рамках «феевстры» (1998), рассчитывая степень интеграции в мировую торговлю на основе сопоставления между торговлей промышленными товарами и ВВП, и пришли к выводу о том, что схожие уровни экономики стран региона имеют прямое отношение к либерализации торговли [2].

Основываясь на новой теории торговли, Дередо (2008) проанализировал либерализацию торговли при вступлении Хорватии в Европейский Союз и пришел к выводу о важности промышленной и экономической интеграции и стоимости экономической реструктуризации [3]. Вэй Сюй Чунсян (2009) использовал индекс торговли для измерения торговой интеграции в Восточной Азии и установил, что нынешняя структура специализации и торговой интеграции в Восточной Азии относится к низкому уровню торговой интеграции [4]. Инь Сяншуо и Лан Юнфэн (2011) использовали интенсивность торговли для измерения уровня торговой интеграции между Китаем и странами-членами ЗСТ и пришли к выводу, что уровень торговой интеграции, как правило, растет [5].

Многие ученые изучали торговую интеграцию мира, различных регионов или экономик. Лю Чжибяо и У Фусян (2006) изучили мировую торговую интеграцию и торговую конкуренцию стран Восточной Азии и обнаружили, что существует положительная корреляция между экономическим сходством и торговой интеграцией [6]. Далимов (2009) проанализировал данные 15 развитых и развивающихся стран Азии за период с 1985 по 2013 год. Лин Цинсюй и Чэн Бил Ан (2011) изучали экономическое и торговое сотрудничество между Китаем, Японией и Кореей. Они обнаружили, что уровень промышленного разделения еще больше углубился, структура экспорта трех стран еще больше соответствовала структуре спроса, и тенденция торговой интеграции была очевидна [8]. Чэн Сулян (2012) обнаружил, что уровень торговой интеграции относительно высок, а уровень китайского импорта стал выше экспорта. С улучшением инфраструктуры, уровня логистики и окружающей среды создание зоны свободной торговли углубит интеграцию торговли [9]. Юй Сюян (2014) писал, что большинство стран Восточной Азии изучают сферу услуг торговли. Дяо Ли и Чжоу Тинтин (2015) изучали сферу услуг в торговле экономики РСЕР. Они обнаружили, что степень открытости была низкой, конкурентоспособность была слабой, но общее развитие было быстрым [11]. Ван Фан, Чжан Хэцин и Цян Чжунсин (2017) изучили использование и влияние внутри региональной валюты на международную торговлю. При использовании в определенном масштабе это будет способствовать торговой интеграции [12].

Многие китайские ученые продемонстрировали важность установления экономической интеграции Китая и США с разных точек зрения. С точки зрения укрепления экономического сотрудничества, свободного потока ресурсов, снижения затрат, повышения эффективности, пространственной планировки и усиления строительства ключевых городов данных стран. Ли Нин (2014) описал региональную экономическую интеграцию на основе программы “Экономический пояс Великого Шелкового пути” [13]. В работе Цин Реншу (2016) сотрудничество между Китаем и Японией изучается региональная экономическая интеграция в Азии [14]. С точки зрения торговой конкуренции и взаимной популяемости, Хан Юнхуэй и Ло Сяофэй (2017), в сочетании с экспортным сходством и торговой интеграцией проанализировали возможность создания зоны свободной торговли между Китаем и США с помощью модельного анализа [15].

Поскольку уровень экономического развития пяти США разный, и сотрудничество с каждой страной развивается не одинаково, необходимо отдельно изучить экономическое положение каждой из США.

В данной статье изучается уровень торговой интеграции между Китаем и США по пяти видам измерений: внутри региональная торговая зависимость, интенсивность торговли, внутри региональная торговая доля и индекс торговых тенденций, а также рассчитывается комплексный уровень торговой интеграции с помощью метода энтропийного веса.

Индекс торговой зависимости (TRADE DEPENDENCY INDEX) отражает степень зависимости экономического роста от торговли другой экономики и степень открытости этой экономики. Чем больше стоимость, тем выше степень торговой зависимости. Формула (1) выглядит следующим образом:

$$TDI = (X_j + M_j) / GDP_i \quad (1)$$

Если Индекс интенсивности торговли больше 1, то это свидетельствует о том, что торговые отношения развиваются относительно близко, Если торговля интенсивность меньше 1, это означает, что торговые отношения являются слабыми и нуждаются в укреплении. Далее приведена формула (2) усиления:

$$TII = (X_j + M_j) / (M_j + M_w) \quad (2)$$

Чем больше значение интенсивности торговли в диапазоне, тем теснее торговые отношения между экономикой I и экономикой J; и наоборот, тем слабее торговые отношения между экономикой I и экономикой J. Далее формула (3)

$$S = (X_j + M_j) / (X_i + X_j + M_i + M_j) \quad (3)$$

Значение внутри региональной торговой доли (Intra-bloc trade share, IBTS) находится в диапазоне 01. Чем больше значение, тем

больше доля внутри региональной торговли экономики, и чем меньше значение, тем меньше доля внутри региональной торговли экономики. Формула (4) внутри региональной торговли выглядит следующим образом:

$$IBTS = (X_{ij} + M_{ij}) / (X + M) \quad (4)$$

Формула (5) индекс торговых тенденций отражает интенсивность торговли и открытость экономики с другими экономиками:

$$TTI = (M_J / GDP_J) / (T_I + T_W) \quad (5)$$

По сравнению с остальными СЦА, Казахстан имеет самый большой общий объем торговли с Китаем, поэтому Казахстан занимает первое место в индексе зависимости от торговли с 2000 по 2016 год. Индекс интенсивности торговли между Китаем и Казахстаном превышает 1, но на индекс интенсивности торговли в основном влияет экспорт и импорт Китая в СЦА. Интенсивность торговли связана с шестью показателями: импорт, экспорт, общий импорт и экспорт Китая, общий импорт и общий экспорт пяти стран. В 2017 году интенсивность торговли Китая с Казахстаном занимает первое место. Ранжирование доли внутри региональной торговли соответствует ранжированию интенсивности торговли.

В соотношении с остальными 4 странами, уровень импорта и экспорта Китая в Узбекистан занимает третье место. С 2000 по 2005 гг. показатели интенсивности торговли Китая и Узбекистана равны. С 2006 по 2016 год интенсивность торговли превышает 1.

Импорт Туркменистана из Китая занимает пятое место среди пяти СЦА, его экспорт в Китай занимает второе место. С 2000 по 2006 год интенсивность торговли Китая с Туркменистаном составляла менее 1; с 2007 по 2016 год интенсивность торговли Китая была больше 1. В 2006 году Китай занял пятое место в общем объеме экспорта в Туркменистан. В 2016 году Китай занял второе место по общему объему импорта и экспорта из Туркменистана. В результате Китай занял второе место по интенсивности торговли с Туркменистаном и второе место по внутри региональной торговле.

Экспорт Кыргызстана в Китай невелик и занимает четвертое место, а его импорт занимает второе место. 2000-2016, интенсивность торговли Китая и Кыргызстана превышает 1. В 2016 году, Китай занимает 3 место в общем объеме торговли с Кыргызстаном.

Таджикистан занимает четвертое место по экспорту в Китай и пятое место по импорту. 2000-2006 гг., интенсивность торговли Китая с Таджикистаном составляет менее 1, после 2005 года интенсивность торговли превышает 1. В 2016 году Китай занимает пятое место по общему объему импорта и экспорта в Таджикистан. В 2016 году Таджикистан занимает пятое место среди СЦА.

Из общего анализа торговых показателей Китая и США, индекс интенсивности торговли и индекс тенденции больше чем доля стоимости торговой зависимости, интенсивности торговли и внутри региональной торговли меньше.

Чем больше степень вариации значения индекса, тем больше информации он предоставляет, тем большую роль он играет в индексе комплексной оценки, и чем меньше значение энтропии информации индекса, тем больше его вес; и напротив, чем меньше степень вариации индекса, тем меньше информации он предоставляет, тем меньше роль он играет в индексе комплексной оценки, тем больше информационная энтропия индекса и тем больше его вес. Вес индекса торговой интеграции в системе торговой интеграции определяется методом энтропийного веса. Этот проект состоит из пяти неопределенных факторов, а именно: зависимости от торговли, интенсивности торговли, доли внутри региональной торговли и индекса торговых тенденций. Первоначальная матрица оценки составляется следующим образом:

Также за ней следует формула (7) исчисление альтернатив:

$$P_{ij} = X_j / \sum_{i=1}^m X_{ij} \quad (7)$$

Где общий вклад всех сценариев в атрибут равен, формуле (8):

$$E_j = -k \sum_{i=1}^m P_j \ln X_j \quad (k = 1 / \ln m) \quad (8)$$

А энтропийный вес индекса равен вычислению по формуле (9):

$$W_j = (1 - E_j) / \sum_{j=1}^n (1 - E_j) \quad (9)$$

В связи с большой разницей в торговле между пятью США и Китаем необходимо изучить уровень расширения возможностей и торговой интеграции Китая в США (Подробнее см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1 - Индекс торговой интеграции между Китаем и США

Страны	W _{TDI}	W _{TI}	W _{ST}	W _{IBTS}	W _{TTI}
Казахстан-Китай	0.2797	0.1260	0.1977	0.2008	0.1958
Узбекистан-Китай	0.2224	0.1436	0.2392	0.2391	0.1557
Туркменистан-Китай	0.2635	0.1327	0.2851	0.2848	0.0339
Кыргызстан-Китай	0.2402	0.1195	0.2127	0.2128	0.2148
Таджикистан-Китай	0.2294	0.2242	0.2466	0.0901	0.2097
Общее	0.1479	0.0905	0.1385	0.1382	0.4849

Таблица 2 - Уровни торговой интеграции между Китаем и США

Год	TDI_{KA}	TDI_U	TDI_{TU}	TDI_{KY}	TDI_{TA}	TDI_F
2000	0.5828	0.0674	0.0274	1.1119	0.1090	0.2809
2001	0.2299	0.0786	0.0496	0.7371	0.0670	0.1449
2002	0.3365	0.1607	0.1233	1.0345	0.0652	0.1957
2003	0.5985	0.1800	0.0807	1.2262	0.1448	0.3372
2004	0.5125	0.1521	0.0874	1.7861	0.2493	0.4213
2005	0.5984	0.1629	0.0807	2.4561	0.5347	0.7213
2006	0.4849	0.2196	0.1275	4.1542	0.8250	1.0197
2007	0.5197	0.3306	0.2111	4.8516	0.9061	1.1960
2008	0.5609	0.3308	0.5332	8.0937	1.9296	2.2496
2009	0.5133	0.3419	0.5484	5.0066	1.7037	1.7531
2010	0.6034	0.2242	0.2867	3.4493	1.6609	1.6241
2011	0.4057	0.2344	0.4153	3.0655	1.9954	1.8309
2012	0.3788	0.2537	0.8175	2.6190	1.3851	1.3105
2013	0.3706	0.2932	0.5080	2.2453	1.2746	1.2412
2014	0.4097	0.2393	0.3997	2.2333	1.4427	1.4238
2015	0.4112	0.2495	0.3981	2.2321	1.4428	1.4239
2016	0.4115	0.2497	0.3983	2.2316	1.4433	1.4241

Из-за последствий финансового кризиса 2008 года, торговая интеграция Китая с США имела тенденцию к снижению и стабилизации. Объем торговли США с Китаем оценивается от большого к малому следующим образом: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Уровень торговой интеграции Китая с США варьируется по убыванию: Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. ВВП США, объем торговли и уровень интеграции с Китаем не согласуются между собой. Это свидетельствует о том, что Китай по-прежнему располагает обширными возможностями для сотрудничества с этими странами на экономическом и торговом уровнях, что требует совместных усилий Китая и США.

Уровень торговой интеграции между Китаем и пятью центральноазиатскими странами пробил порог 1 в 2006 году, достиг своего максимума в 2008 году и превысил 1 в 2016 году. Это свидетельствует о том, что уровень торговой интеграции между Китаем и США, измеряемый на практике, является относительно высоким. Уровень торговой интеграции в международном строительстве

ограничен. Формирование и развитие Евразийского экономического союза, степень строительства китайско-казахстанской пограничной зоны свободной торговли показывают, что между Китаем и США по-прежнему существует большой разрыв в достижении торговой интеграции.

Далее в статье идет измерение динамической эволюции уровня торговой интеграции США и Китая с 2000 по 2016 год (рис. 1). Таким образом, общий уровень торговой интеграции США и Китая увеличивается с 2000 по 2016 год.

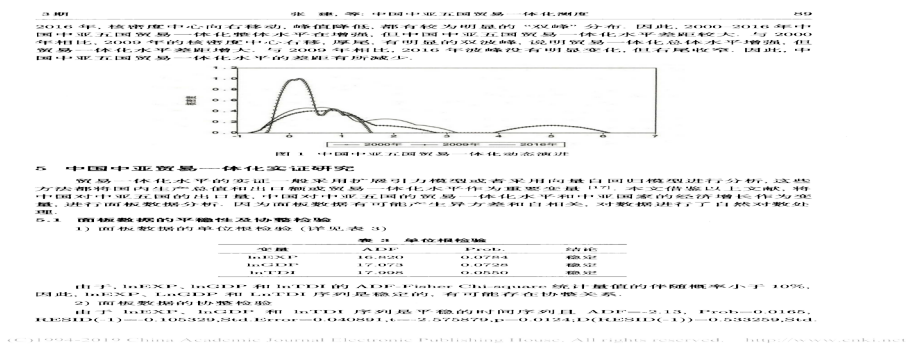

Диаграмма 1 - Динамичная эволюция торговой интеграции
США и Китая

Эмпирический анализ уровня торговой интеграции основывается на расширенной гравитационной модели или векторной авторегрессионной модели. Эти модели в качестве важных переменных принимают объем ВВП и экспорта, или уровень торговой интеграции. Ссылаясь на вышеприведенную литературу, в этой статье изучаются объемы экспорта Китая в пяти центрально азиатских странах, уровень торговой интеграции Китая с пятью центрально азиатскими странами и экономический рост пяти центрально азиатских стран. В качестве переменной проводится панельный анализ данных. Поскольку панельные данные могут производить гетероскедастичность и автокорреляцию, на них осуществляется естественная логарифмическая обработка.

Тест корня блока данных по панели (Таблицу 3).

Таблица 3 - Тест на единичный корень

Переменная	ADF	Prob	вывод
InEXP	16.820	0.0784	стабильный
InGDP	17.073	0.0728	стабильный
InTDI	17.998	0.0550	стабильный

Поскольку сопутствующая вероятность статистических значений ADF-Fisher Chi-square inEXP, InGDP и InTDI составляет менее 10%, следовательно, последовательности InEXP, LnGDP и LnTDI

являются стабильными и могут иметь ко-интеграционные отношения.

Поскольку последовательности $\ln \text{EXP}$, $\ln \text{GDP}$ и $\ln \text{TDI}$ являются гладкими временными рядами и $\text{ADF} = -2.13$, $\text{Prob} = 0.0165$, $\text{RESID}(-1) = -0.105329$, $\text{Std. Error} = 0.040891$, $t = -2.575879$, $p = 0.0124$; $D(\text{RESID})(-1) = 0.533259$, $\text{Std. Error} = 0.109880$, $t = 4.853098$, $p = 0.0000$ таким образом, отклоняя исходную гипотезу, в данной панели существуют ко-интеграционные отношения.

Выбор в смешанной регрессионной модели и модели с фиксированным эффектом с помощью F-теста

90 数学的变换与认识 49 卷

Error = 0.109880, $t = 4.853098$, $p = 0.0000$; 因此, 拒绝原假设, 面板数据存在协整关系.

5.2 模型的检验

1) F 检验

通过 F 检验, 在混合回归模型和固定效应模型中做出选择.

$$F_0 = \{(S_0 - S_1) / [(N - 1)(k + 1)]\} / \{S_1 / [NT - N(k + 1)]\} \sim F_{(N-1)(k+1), NT-N(k+1)} \quad (10)$$

$$F_1 = \{(S_0 - S_1) / [(N - 1)k]\} / \{S_1 / [NT - N(k + 1)]\} \sim F_{(N-1)k, NT-N(k+1)} \quad (11)$$

式 (10) 和式 (11) 中, F_0 和 F_1 分别表示固定效应模型和混合模型的 F 统计量和残差平方和, S_0 和 S_1 分别表示固定效应模型和混合模型的 F 统计量和残差平方和, F_{α} 表示 5% 显著水平下的 F 统计量临界值, $N = 5$, 表示中亚五个国家, $T = 17$ (2000, ..., 2016), 表示 2000~2016 年, $k = 2$, 表示自由度.

$S_0 = 1.057299$, $S_1 = 14.41132$, $S_2 = 28.03366$, $F_0 = 127.57 > F_{0.05}(12, 70) = 1.92$. 因此, 拒绝混合回归模型原假设, 接受固定效应模型. $F_1 = 94.73 > F_{0.05}(8, 70) = 2.1$. 因此, 拒绝个体固定效应模型原假设, 接受个体固定效应模型. (详见表 4)

2) Hausman 检验在固定效应模型和随机效应模型中做出选择.

表 4 随机效应的 Hausman 检验

变量	固定效应	随机效应	系数	标准差	t 统计值	P 值
C			11.4241	1.2765	-8.9499	0.0000
$\ln \text{GDP}$	2.7547	1.0709	2.7547	0.2393	11.5127	0.0000
$\ln \text{TDI}$	1.0307	1.3773	1.0307	0.0935	11.0226	0.0000

Hausman 检验结果: $\text{Chi-Sq. Statistic} = 62.84$, $\text{Prob} = 0.0000$. 因此, 拒绝个体随机效应模型, 接受个体固定效应模型. 通过 F 检验和 Hausman 检验, 最终选定个体固定效应模型.

3) 构造变系数模型

基本模型:

$$Y_{it} = \alpha_i + X_{it} \beta_i + u_{it} \quad (i = 1, \dots, N; t = 1, \dots, T) \quad (12)$$

式 (12) 中 u_{it} 为随机误差项, 满足相互独立、零均值、同方差为 σ_u^2 的假设, 常数项 α_i 和系数向量 β_i 都是随着横截面个体的改变而变化.

模型相应的矩阵形式为:

$$Y = XB + U \quad (13)$$

式 (13) 中:

$$X = \begin{bmatrix} X_1 & \dots & 0 \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ 0 & \dots & X_N \end{bmatrix}, X_i = \begin{bmatrix} x_{i1} & \dots & x_{i(k+1)} \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ x_{it1} & \dots & x_{it(k+1)} \end{bmatrix}, B = \begin{bmatrix} \beta_1 \\ \vdots \\ \beta_N \end{bmatrix} \quad (14)$$

94-2019 China Academic Journal Electronic Publishing House. All rights reserved. http://www.cnki.net (10-11)

В формуле (10) и в формуле (11), F_2 и C_2 представляют собой сумму F статистики и остаточных квадратов с фиксированными эффектами переменные перехватывать модели, F_1 и S_1 представляют собой сумму F статистики и остаточных квадратов с фиксированным эффектом переменной-коэффициента модели. S_3 Представляет собой сумму остаточных квадратов смешанной регрессионной модели, критическое значение F_a статистики на 5% существенного значения, $N = 5$, $T = 17$ (2000), соответственно. “2016” означает 2000-2016; $k = 2$ означает степень свободы. $S_1 = 1,057299$, $S_2 = 14,41132$, $S_3 = 28,03366$, $F_2 = 127,57 > F_{0.05}(12, 70) = 1.92$. Поэтому отвергаем исходную гипотезу смешанной регрессионной модели и принимаем модель фиксированного эффекта $F_1 = 94, 73 > F_{0.05}(8, 70) = 2.1$. Поэтому отвергаем исходную гипотезу переменной модели перехвата индивидуального фиксированного эффекта и принимаем модель переменного коэффициента индивидуального фиксированного эффекта.

Тест Хаусмана (Таблица 4) используется для выбора между моделью фиксированного эффекта и моделью случайного эффекта.

Таблица 4 - Результаты теста Хаусмана

Пере- менные	Фиксиро- ванный эффект	Случай- ный эф- фект	коэффи- цент	Стан- дартная ошибка	<i>t</i> статисти- ческие значения	<i>p</i> значение
G	----	----	-11.4241	1.2765	-8.9499	0.0000
InGDP	2.5747	1.0709	2.5747	0.2393	11.5127	0.0000
InTDI	1.0307	1.3773	1.0307	0.0935	11.0226	0.0000

Результаты теста Хаусмана: Chi-sq.Statistic=62.84, Prob=0.0000. Таким образом, отклонение модели перехвата индивидуального стохастического эффекта и принятие модели индивидуального фиксированного эффекта. В конечном итоге были выбраны индивидуальные модели с фиксированными эффектными переменными с помощью теста F и теста Хаусмана.

Построение модели с переменным коэффициентом.

$$Y_{it} = a_i + X_i B_i + u_i \quad (i = 1, \dots, N; t = 1, \dots, T) \quad (12)$$

Формула 12^{u_i} является случайным членом ошибки, который удовлетворяет предположениям о взаимной независимости, нулевом среднем и ковариации σ_u^2 . Постоянный член B_i и вектор коэффициента являются матричными формами, соответствующими модели с изменением индивидуального сечения.

$$Y = \mathbf{X} + U \quad (13)$$

90 数学的变迁与认识 49卷

Prob=0.109880, $\chi^2=4.853098$, $p=0.0000$; 因此, 拒绝原假设, 面板数据存在协整关系.

5.2 模型的检验

1) F 检验

通过 F 检验, 在混合回归模型和固定效应模型中做出选择.

$$F_0 = [(S_0 - S_1)/(N - 1)(k + 1)] / [S_1/(NT - N(k + 1))] \sim F_{(N-1)k, N(T-k-1)} \quad (10)$$

$$F_1 = [(S_0 - S_1)/(N - 1)k] / [S_1/(NT - N(k + 1))] \sim F_{(N-1)k, N(T-k-1)} \quad (11)$$

式 (10) 和式 (11) 中, F_0 和 S_0 分别表示固定效应变截距模型的 F 统计量和残差平方和, F_1 和 S_1 分别表示固定效应变系数模型的 F 统计量和残差平方和, S_0 表示混合回归模型的残差平方和, F_0 表示 5% 显著水平下的 F 统计量临界值, $N=9$, 表示中共 9 个国家, $T=17$ (2000, ..., 2016), 表示 2000—2016 年, $k=2$, 表示自由度.

$S_0=1.037239$, $S_1=14.41132$, $S_2=28.03366$, $F_0=127.57=F_{0.05}(12,70)=1.92$. 因此, 拒绝混合回归模型原假设, 接受固定效应模型, $F_1=19.73=F_{0.05}(8,70)=2.1$. 因此, 拒绝个体固定效应变截距模型原假设, 接受个体固定效应变系数模型.

2) 豪斯曼 (Hausman) 检验 (详见表 4).

通过 Hausman 检验在固定效应模型和随机效应模型中做出选择.

表 4 随机效应的 Hausman 检验					
变量	固定效应	随机效应	系数	标准误差	t 统计值
G	----	----	11.4241	1.2765	-8.9499
InGDP	2.5747	1.0709	2.5747	0.2393	11.5127
InTDI	1.0307	1.3773	1.0307	0.0935	11.0226

Hausman 检验结果: Chi-Sq.Statistic=62.84, Prob=0.0000. 因此, 拒绝个体随机效应变截距模型, 接受个体固定效应模型. 通过 F 检验和豪斯曼检验, 最终选定个体固定效应变系数模型.

3) 构造变系数模型

基本模型:

$$Y_{it} = \alpha_i + X_{it} \beta_i + u_{it} \quad (i = 1, \dots, N; t = 1, \dots, T) \quad (12)$$

式 (12) 中 u_{it} 为随机误差项, 满足相互独立、零均值、同方差为 σ_u^2 的假设, 常数项 α_i 和系数向量 β_i 都是随着横截面个体的改变而变化.

模型相应的矩阵形式为:

$$Y = XB + U \quad (13)$$

式 (13) 中,

$$X = \begin{bmatrix} X_1 & \dots & 0 \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ 0 & \dots & X_N \end{bmatrix}, X_i = \begin{bmatrix} x_{i1} & \dots & x_{i(k+1)} \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ x_{iT1} & \dots & x_{iT(k+1)} \end{bmatrix}, B = \begin{bmatrix} \beta_1 \\ \vdots \\ \beta_N \end{bmatrix} \quad (14)$$

94-2019 China Academic Electronic Publishing House. All rights reserved. http://www.cnki.net

Построение модели фиксированного эффекта переменного-коэффициента развития торговли Китая и торговой интеграции с пятью странами Центральной Азии:

$$\ln EXP_{eit} = \alpha_i + \beta_i \ln GDP_i + \delta_i \ln TDI_{eit} + \varepsilon_i \quad (i = 1, \dots, 5; t = 2000, \dots, 2016) \quad (15)$$

В Формуле (15), EXP представляет китайский экспорт данных в

пять стран Центральной Азии от Всемирного банка, базы данных; i представляет Китай; представляет пять стран Центральной Азии представителем, с 2000-2016 как образец периода. ВВП является ВВП. ТДИ представляет собой индекс торговой интеграции.

Таблица 5- Индекс торговой интеграции

Переменные	коэффици- ент	t значение	коэффици- ент	t значение	коэффици- ент	t значение	коэффици- ент	t значение	коэффици- ент	t значение
A	-21.6	-29.5	-13.2	-29.5	-0.8	-29.5	-17.9	-29.5	-8.5	-29.5
lnGDP	3.7	33.0	2.9	19.0	0.7	3.9	5.5	3.9	2.6	10.5
lnTDI	1.2	9.1	1.2	11.5	1.2	16.4	1.3	16.4	1.2	18.5
$R^2 = 0.9963, R^2 = 0.9954, F = 1050.8, P = 0.0000$										

На основе анализа результатов, регрессионной модели уровня развития торговли и торговой интеграции Китая для пяти центрально азиатских стран (Таблица 5) мы можем узнать, существует ли долгосрочная стабильная связь между переменными и влиянием уровня торговой интеграции Китая на развитие торговли пяти центрально азиатских стран. В таблице коэффициенты и статистика t слева направо, в свою очередь, Китай, Казахстан и Узбекистан. Оценочные результаты регрессионных моделей развития торговли и торговой интеграции между Казахстаном, Туркменистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

t статистических значения каждой переменной прошли тест t . Значения F общего испытания были значительными, а значения R и $\bar{R}$ годов хорошо подходили.

Международная торговая среда оказывает большое влияние на торговую интеграцию между Китаем и странами Центральной Азии. Финансовый кризис 2008 года оказывает существенное влияние на торговую интеграцию между Китаем и странами Центральной Азии. Уровень торговой интеграции между Китаем и пятью центрально азиатскими странами показывает тенденцию к росту, и уровень торговой интеграции с пятью центрально азиатскими странами в целом также растет. Экономический рост и торговая интеграция пяти стран Центральной Азии также находятся на подъеме. Существует долгосрочная и стабильная линейная корреляция между уровнем и

экспортной торговлей Китая. Усиление торговой интеграции Китая со странами Центральной Азии может значительно способствовать экспорту Китая в страны Центральной Азии и экономическому росту США, а также значительно способствовать экспорту Китая в пять стран Центральной Азии.

В докладе о развитии центрально азиатских стран 2017 года отмечается, что высокие трансграничные торговые издержки Китая и пяти центрально азиатских стран, жесткие стандарты доступа к строительным рынкам и низкий уровень открытости рынка, в 2016 году серьезно препятствовали развитию двусторонней торговли и привлечению инвестиций.

В ответ на вышеприведенные выводы и нынешнюю ситуацию в пяти странах Центральной Азии, были сделаны следующие рекомендации:

1) Усиление притока инвестиций в развитие транспорта в пяти странах Центральной Азии. Железнодорожные перевозки в Китае осуществляются по международным стандартам, в то время как в странах Центральной Азии применяются технологии советского периода, что приводит к увеличению транспортных расходов и увеличению затрат времени, особенно на сырье для массовых грузов. В последние годы пять стран Центральной Азии модернизировали свою транспортную инфраструктуру, но общий уровень все еще отстает. Пять стран Центральной Азии хотят улучшить транспортные условия. Китай же может участвовать в инвестициях, чтобы привести развитие транспортной инфраструктуры в пяти странах Центральной Азии в соответствие с международными стандартами, чтобы сократить логистические расходы, а также помочь в создании торговой интеграции.

2) Активно продвигать стратегию «Один пояс и один путь». Китай и страны Центральной Азии уже достигли некоторых двусторонних и многосторонних соглашений, но эти соглашения еще на начальном этапе преференциальных торговых соглашений. Китай должен активно продвигать сотрудничество «Одного пояса и одного пути», Шанхайской организации сотрудничества и Евразийского экономического союза.

ЛИТЕРАТУРА

1 Xu Chun Xiang, East Asian Trade Integration - From Regionalization to Regionalism. - Beijing: Social Sciences Academic Press, 2008.

2 Feenstra R. C. Integration of trade and disintegration of production in the global economy // Journal of Economic Perspectives. - 1998. - № 12 (4). - P.31-50.

3 Derado D. Effects of the eastern Eu-enlargement on Croatia-a trade analysis // Management Issues.- 2008. - № 1. - P. 37-58.

4 Xu Chun Xiang. Trade integration and regional economic cooperation in East Asia // Northeast Asia Forum. - 2009. - № 3. - P. 40-46.

5 Dalimov R.T. The dynamics of trade creation and trade diversion effects under

international economic integration // Current Research Journal of Economic Theory. - 2009. - № 1ю – P.4.

6 Chen Xiu Lian. China-ASEAN Transport Service Trade Integration Status, Level and Development Prospects // International Trade Issues. - 2012. - № 8. – P.66-78.

7 Jin Ren Shu. Comparison of Economic and Trade Cooperation between China and Japan on the Five Central Asian Countries--On the Conception and Practice of the «Belt and Road» to Promote Regional Economic Integration in Asia // Journal of Sui Ben. - 2016. - № 3. – P. 97-113.

8 Ma Chang Gang China-ASEAN Bilateral Relations and Tradeization: Theoretical Model and Econometric Empirical Research // Management World.- 2015. - № 6. – P. 168-169.

9 Li Jin Ye Research Report on the Economic Development of Central Asian Countries.- Beijing: Economic Science Press, 2014. – P. 120-123.

10 Xiao Bin, Su Yang, Sun Li, Central Asian Yellow Book // Central Asian National Development Report, 2017.

ҚЫТАЙ МЕН ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ БЕС ЕЛІ АРАСЫНДАҒЫ САУДА ИНТЕГРАЦИЯСЫН ӨЛШЕУ

Сафаров Ф.У.¹

¹Синьцзян университеті, Экономика және менеджмент факультеті
2-курс магистранты, fir_1991.999@mail.ru
Үрімші, ҚХР

Қытай мен Орталық Азияның бес елі арасындағы сауданың жедел дамуы сауда саласындағы ықпалдастықтың маңыздылығын атап көрсетеді. Алайда, осы елдер арасындағы сауда индекстерінің ынтымақтастықты жеңілдетуге кедергі келтіретін елеулі олқылықтары бар. Сипаттамалар мен статистикалық деректер негізінде осы бапта Қытай мен Орталық Азия елдері арасындағы өзара тауар айналымының ықпалдасу деңгейі мен өсу деңгейі зерттеледі.

Тірек сөздер: Орталық Азия, Қытай, сауда интеграциясы, энтропия, экономикалық өсу.

Статья поступила 5.02.2019

IV БӨЛІМ. ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
РАЗДЕЛ IV. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
PART IV. RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

**LEGAL FRAMEWORK FOR THE
COOPERATION KAZAKHSTAN WITH RUSSIA**

Zarlyk B.¹

¹Master's degree

«6M020200 – International Relations», Ablai Khan
KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan
bekezhani@gmail.com

This article discusses the cooperation of the Republic of Kazakhstan with Russia in the trade and economic sphere, to ensure each other in the development of raw, as well as in other industries. And also, to ensure order and security in the border zone, and joint work with the CSTO members.

Keywords: rights, cooperation, relations, border zone.

УДК 327.8

МРНТИ 11.25.67

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВО
КАЗАХСТАНА С РОССИЕЙ**

Зарлык Б.¹

¹магистрант по специальности

«6M020200 - Международные отношения»
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
Алматы, Казахстан
bekezhani@gmail.com

В этой статье рассматривается сотрудничество Республики Казахстана с Россией, в торгово-экономической сфере, для обеспечения друг друга в развитии сырой, так же, и в других отраслях. А также, обеспечить в пограничной зоне порядок и безопасность, и совместное работа с челнами ОДКБ.

Ключевые слова: права, сотрудничество, отношения, пограничная зона.

Первым государством СНГ Российская Федерация выбрала Республику Казахстан для заключения соглашения «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», договор подписан в мае 1992 года. На данный момент Республика Казахстан и Российская Федерация являются крепкими союзниками. В точности, из всех стран Центральной Азии, Казахстан можно назвать самым близким политико-военным союзником России. Союз и дружба между этими странами способствовали формированию единой военной стратегической

территории, и создали возможность и основания (в случае военных и других угроз Казахстану либо России) для совместного пользования полигонами, военными базами и иными военными объектами [1].

Помимо данного соглашения, существуют и иные важные документы о сотрудничестве между рассматриваемыми странами, к примеру 6 июля 1988 года была принята декларация «О вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие». К слову, между двумя странами подписано и принято более 300 договоров и соглашений. Отношения дипломатического характера установлены в октябре 1992 года. К основным и стандартным российско-казахстанским документам можно отнести следующие документы: Декларация «О вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие» от 8 июля 1998 года № 131 «Казахстанская правда», Договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» - вступил в силу 7 октября 1992 г., Протокол «О внесении изменений в Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» от 25.05.92 г., далее был совершен прыжок на новый уровень отношений современного вида, а также опираясь на исторические традиции добрососедства и прочные связи, 11 ноября 2013 года был подписан Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией «О союзничестве и добрососедстве в 21 в.

Помимо ранее перечисленных документов, существует договор, который регулирует и стабилизирует все аспекты безопасности, это Договор «О военном сотрудничестве» март 93 года, а также более шестидесяти соглашений, принятых после 1993 года.

Не секрет, что вопросы безопасности касаются и вопросов военного сотрудничества. Немаловажным критерием военного сотрудничества между Россией и Казахстаном можно назвать возможность на льготной основе подготавливать в России военные кадры (в т. ч. Силовые структуры и офицерские кадры) для Казахстана. Обучение которых осуществляется посредством общих военнослужащих программ.

Таким образом Республика Казахстан и Российская Федерация, совместными усилиями стремятся реализовывать, по внешнему периметру, полную и своевременную безопасность казахстанской границы. Данный факт предусмотрен соглашением, который был подписан в 1995 году. Помимо этого, Российская Федерация, основываясь на принятых соглашениях получила возможность посредством арендования пользоваться казахстанскими военными объектами. К ним относятся: полигон Сары-Шаган, Отдельный радиотехнический Сары-Шаган, 20-я отдельная измерительная станция РВСН. В 2006 году страны договорились о изменениях и дополнениях в документах 1995 года, устанавливающих порядок эксплуатации на территории Казахстана российских военных объектов: Соглашение

«О порядке использования 929-го ГЛиЦ Министерства обороны РФ; Соглашение о порядке использования Государственного полигона Министерства обороны РФ №4.

Таким образом, в сотрудничестве между рассматриваемыми странами до сих пор поддерживается сильная зависимость от конъюнктуры мировых рынков и сырьевая ориентация. Это реальная угроза для национальной безопасности как Казахстана, так и России, а также существенный, проблемы в области таможенной, пограничной, тарифной политики, защиты внутреннего рынка, которые требуют своего решения. Без результативной можно выделить структуру импорта и экспорта.

Главной характеристикой казахстано-российских отношений в области торговли является то, что около 71 % товарооборота реализуется средствами межрегионального сотрудничества и приграничной торговли. Между регионами и областями реализовано около 250 договоров о развитии научно-технического и торгово-экономического сотрудничества, в области эксплуатации природных ресурсов и формирования и сохранения экологической безопасности на установленных территориальных местностях, динамичного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, а также профилактика стихийных бедствий и катастроф, и в случае неудачной профилактики последующие ликвидации последствий катастроф природного характера.

Здесь, как важный аспект можно выделить сотрудничество двух стран приграничного типа. С российской стороны их приграничная территория охватывает Алтайский край, Калмыкия, Дагестан и около десяти областей, и семь областей со стороны Казахстана. Максимально экономические и торговые отношения с приграничными регионами Республики Казахстан развивают Тюменская, Оренбургская, Челябинская, Омская и Новосибирская области, а также Алтайский край.

Хочется сказать, что между приграничными соседями рассматриваемых стран подписаны и действуют прямые соглашения и договоры по возникающим вопросам различного характера, происходит это без участия республиканского руководства. Такая ситуация является доказательством того, что Казахстану, странам Центральной Азии и России удалось как не допустить отмены достигнутых экономических торговых связей, которые в прошлом были сформированы между регионами в т. ч. В советское время, как и содействовать их удачному становлению в непривычных обстоятельствах отношений.

Тем не менее, в казахских и российских связях существует возможность последующего сохранения, определенного количество навыков, для решения вопросов, которые не были решены. Для

повышения результативности принятых решений и их урегулирования, в деловых отношениях сформировано упрощение единых процедур на границе общей принадлежности и функционирование соглашений для сохранения безопасности.

Кроме двустороннего у российско-казахстанского сотрудничества в военной сфере есть еще и многостороннее измерение – это Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Договор «О коллективной безопасности» был подписан Арменией, Казахстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном в 1992 г. В 1993 г. к нему присоединилась Белоруссия. В начале 2000-х годов в связи с активизацией международного терроризма очевидной стала неготовность членов договора к принятию коллективных мер, направленных на обеспечение региональной безопасности. Борьбу с международным терроризмом возглавили США. Деятельность ДКБ ограничилась лишь тем, что его члены поддерживали США их союзников вплоть до согласия на предоставление им военных баз на своей территории (Узбекистан и Киргизия), но собственных активных действий не предпринимали.

Тем не менее, учитывая все возрастающую афганскую угрозу, было решено преобразовать договор в альянс большей степени военно-политической интеграции – Организацию Договора о коллективной безопасности. Было принято решение о создании системы коллективной безопасности ОДКБ, построенной по региональному принципу из трех группировок (восточноевропейская, кавказская и центрально-азиатская). С 2001 г. началось формирование Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-азиатского региона. В их состав вошли по одному батальону от России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана общей численностью 1,5 тыс. человек. Впрочем, выделенные батальоны не стали менять место постоянной дислокации, ограничившись совместным участием в ежегодных учениях «Рубеж», на которых отрабатывали подавление мелких конфликтов и антитеррористические действия.

Между Россией и государствами Центральной Азии развивается многостороннее сотрудничество в рамках таких организаций, как Содружество Независимых Государства (СНГ, заключение договора о создании от 1991 года), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС, создание от 2001 года) и ряда группировок в рамках этих организаций.

Многостороннее сотрудничество имеет следующие формы:

- разработка общих концепций и стратегических подходов к международной безопасности (например, путем подписания межправительственных договоров и соглашений, многосторонних

дискуссий на высоком уровне и путем создания и финансирования международных исполнительных органов);

- проведение многосторонних учебных мероприятий подразделениями вооруженных сил для установления практических процедур, которые должны быть приняты в случае возникновения реальной угрозы национальной или региональной безопасности;

- многостороннее сотрудничество структур безопасности стран в существующих международных антитеррористических организациях для борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и другими транснациональными угрозами;

- принятие первых шагов к многостороннему сотрудничеству в области сохранения и расширения связей между промышленными организациями, участвующими в производстве военной техники.

ЛИТЕРАТУРА

1 Токаев К.К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. – Алматы, 2000.

2 Токаев К.К. Дипломатическая служба Республики Казахстана. Очерки о внешней политике Казахстана. - Алматы, 2005.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ РЕСЕЙМЕН ҢНТЫМАҚТАСТЫҒЫНЫҢ НОРМАТИВТІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ БАЗАСЫ

Зарлық Б.¹

¹Магистрант «6M020200 – Халықаралық Қатынастар»

Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӨТУ

Алматы, Қазақстан, bekezhani@gmail.com

Бұл мақалада сауда-экономикалық саладағы Қазақстан Республикасының Ресеймен ынтымақтастығы, шикізатты, сондай-ақ басқа салалардағы бір-бірін қамтамасыз ету туралы айтылады. Сонымен қатар, шекаралас аймақта тәртіп пен қауіпсіздікті қамтамасыз ету және ҰҚШҰ мүшелерімен бірлесіп жұмыс жасау.

Тірек сөздер: құқықтар, ынтымақтастық, қатынастар, шекаралық аймақ.

Статья поступила 22.2.2019

DYNAMICS OF BILATERAL RELATIONS KAZAKHSTAN – HUNGARY

Smailov A.S.¹

¹Master's degree student

«6M020200 – International Relations»

Ablai Khan KazUIRand WL, Almaty, Kazakhstan

Smailov.alikhan@gmail.com

This article examines and assesses the dynamics of bilateral relations between Kazakhstan and Hungary. The prospects for expanding cooperation between Hungary and

Kazakhstan within the framework of the “Strategy for a New Partnership with Central Asia” are considered in detail. The foreign policy of the European Union of the 1990s in relation to Kazakhstan is also considered. In addition, the impact of the Aktau Convention of the Caspian states on new joint projects for the entry of Central Asian hydrocarbons into the European market is being assessed. In conclusion, attention is paid to the shortcomings of current practice and recommendations that contribute to positive incentives for deeper cooperation.

Keywords: Kazakhstan, Hungary, European Union, international relations, cooperation.

УДК 339.923

МРНТИ 11.25.15

ДИНАМИКА ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАН – ВЕНГРИЯ

Смаилов А.С.¹

¹Магистрант по специальности

«6М020200 - Международные отношения»

КазУМОиМЯ им. Абылай- хана,

Алматы, Казахстан, Smailov.alikhan@gmail.com

В данной статье рассматривается и оценивается динамика двусторонних отношений между Казахстаном и Венгрией. В деталях рассматриваются перспективы в расширении сотрудничества между Венгрией и Казахстаном в рамках «Стратегии нового партнерства с Центральной Азией». Рассматривается внешняя политика Европейского Союза 90-х годов XX века по отношению к Казахстану. Дополнительно оценивается влияние Актауской конвенции прикаспийских государств на новые совместные проекты по выходу Центрально-азиатских углеводородов на европейский рынок. В заключении уделено внимание недостаткам существующей практики и рекомендации, способствующие положительным стимулам для более глубокого сотрудничества.

Ключевые слова: Казахстан, Венгрия, Европейский Союз, международные отношения, сотрудничество.

Годы пренебрежения прошли. В меняющемся геополитическом контексте когда-то отдаленный регион Центральной Азии, по большей части игнорируемый западными державами, наконец-то приобрел свое значение на повестке дня внешней политики Европейского Союза (ЕС). Казахстан, который стал движущей страной в постсоветской Центральной Азии, часто называют одним из самых перспективных партнеров для сотрудничества. За последнее десятилетие растущие экономические и политические связи между Венгрией и Казахстаном привели к развитию отношений на совершенно новом уровне, однако определенные трудности, которые могли бы препятствовать развитию расширенного партнерства между двумя участниками, все-еще существуют.

Венгрия расположена в восточно-центральной Европе и занимает площадь 93 030 км². Население страны составляет менее 10 миллионов

человек, включая несколько меньшинств. Столица - Будапешт с почти двумя миллионами жителей. Венгрия граничит с Австрией, Словакией, Украиной, Румынией, Сербией, Хорватией и Словенией. Венгрия является членом ОЭСР, НАТО, ЕС и Шенгенской зоны [1].

Венгрия была королевством в течение тысячи лет и была частью Австро-Венгерской империи. В течение XX века она находилась под управлением коммунистического правительства до 1989 года, когда был создан парламент. Сегодня Венгрия является парламентской республикой, хотя о долгом существовании ее королевства и полномочиях ее правителей до сих пор вспоминают с любовью. В стране имеется своя валюта венгерский форинт (HUF). Венгрия была основана в 895 году, что означает, что она старше, чем такие страны, как Франция и Германия. В стране действует жесткая налоговая система, НДС (Налог на добавленную стоимость) составляет 27%, что является одним из самых высоких показателей в мире [2]. Венгрия является одним из самых популярных туристических направлений в мире. Изучение интересных фактов о Венгрии может определено поставить ее в список ваших любимых стран. К примеру, представители Венгрии получали Нобелевскую премию практически во всех номинациях, кроме миротворчества.

Если говорить об образовании, уровень грамотности согласно UNDP, составляет 99.4% [3]. Учитывая, что такие данные могут вызвать недоверие к цифрам, наличие Нобелевских премий на душу населения, заставляет задуматься об уровне образования в этой стране в положительную сторону.

Метро Будапешта является самым первым на Европейском континенте, первые вагоны начали курсировать и соединять самые главные достопримечательности города в венгерской столице с 1896 г. В Венгрии отлично развито винное производство, а игристые напитки, изготовленные местными мастерами, пользовались спросом даже у королей. На сегодняшний день самые популярные сорта вин Bikaver (Бычья кровь) и Tokaj (Токай) известные не только в Венгрии, но и далеко за ее пределами [4].

Венгрия была в числе первых восточноевропейских стран, признавших независимость Республики Казахстан. Двадцать семь лет назад 23 марта 1992 года впервые были установлены дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Венгрией. За двадцать семь лет сотрудничества были успешно реализованы десятки совместных торгово-экономических проектов, создан совместный сельскохозяйственный фонд, проводятся различные культурные и спортивные мероприятия, совместные археологические исследования, активно ведется обмен студентами, а также раз в два года проводится Курултай «Мадьяр-Туран».

Сегодня, в рамках сотрудничества Республики Казахстан с Венгрией ведётся открытый диалог, проходят бизнес-форумы, открываются торговые представительства в виде торговых домов, налажены контакты на высшем государственном уровне, происходит обмен студентами между нашими странами, что, несомненно, послужит укреплению научных, культурных и внешнеполитических связей для обоих участников диалога.

Основу для будущего партнерства наших стран начали закладывать еще в 1992 году, а следующим важным шагом в развитии двусторонних отношений стал официальный визит Первого Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева в Будапешт в декабре 1994 года. Во время этого визита были подписаны ряд договоров, в частности:

1. Соглашение между Республикой Казахстан и Венгерской Республикой о поощрении и взаимной защите инвестиций. Будапешт, 07.12.94. Вступило в силу с 3 марта 1996 г.

2. Конвенция между Республикой Казахстан и Венгерской Республикой об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал. Будапешт, 07.12.94. Вступила в силу с 3 марта 1996 г.

Благодаря организации официального визита, были подготовлены базовые шаблоны будущих встреч и продолжению наращивания двухстороннего партнерства, что несомненно, послужило мощным импульсом к расширению всестороннего диалога. Тому свидетелем может послужить целый ряд подписанных договоров на межправительственном и межведомственном уровне:

1. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Венгерской Республики о воздушном сообщении. Алматы, 09.03.95. Вступило в силу с 6 октября 1995 г.

2. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Венгерской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Будапешт, 07.10.96. Вступило в силу с 25 июня 1997 г.

3. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Венгерской Республики о порядке взаимных безвизовых поездок граждан с дипломатическими и служебными паспортами. Будапешт, 07.10.96. Вступило в силу с 6 ноября 1996 г.

4. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Венгерской Республики о международных автомобильных перевозках пассажиров и грузов. Исполнительный

протокол к соглашению. Будапешт, 07.10.96. Вступило в силу с 7 августа 1998 г.

5. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Венгерской Республики о культурном сотрудничестве. Будапешт, 07.10.96. Вступило в силу с даты подписания.

6. Соглашение между Министерством сельского хозяйства Республики Казахстан и Министерством земледелия Венгерской Республики о долгосрочном сотрудничестве в области сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Будапешт, 08.02.93. Вступило в силу с даты подписания.

7. Соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Республики Казахстан и Министерством здравоохранения Венгерской Республики. Будапешт, 08.02.93. Вступило в силу с даты подписания.

8. Протокол между Министерством промышленности и торговли Республики Казахстан и Министерством промышленности и торговли Венгерской Республики о сотрудничестве. Алматы, 09.03.95. Вступил в силу с даты подписания.

Все выше перечисленные соглашения и договоренности были достигнуты до 2007 года, когда очередным историческим событием стал новый визит Первого Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева в столицу Венгрии. После этого визита рост доверия и темпы роста экономического оборота выросли в несколько раз, после чего были организованы ответные визиты Президента П. Шмитта (2010 г.) и Премьер-министра В. Орбана (2013 и 2015 гг.) в Казахстан.

Другим важным шагом на пути к расширению сотрудничества между Венгрией и Казахстаном стало принятие «Стратегии нового партнерства с Центральной Азией» в июне 2007 года. Это первая в истории стратегия ЕС в отношении региона Центральной Азии. Это событие знаменует собой новую эру и прорыв в отношениях между странами Европы и Центральной Азии. В этом документе делается попытка выйти за рамки программы помощи, и вместо этого ставится задача определения европейских интересов в регионе и поиска перспективных направлений сотрудничества. Согласно официальным документам ЕС, основные цели и задачи «Стратегии нового партнерства с Центральной Азией» заключаются в следующем:

- наладить регулярный региональный политический диалог на уровне министров иностранных дел;
- запустить «Европейскую образовательную инициативу» и

поддержать страны Центральной Азии в развитии «электронного шелкового пути»;

- запустить «Инициативу верховенства права ЕС»;
- установить регулярный, ориентированный на результат «диалог по правам человека» с каждым из государств Центральной Азии;
- вести регулярный энергетический диалог.

Среди них развитие, продвижение надлежащего управления и энергетическая безопасность были определены в качестве основного направления политики ЕС в Центральной Азии. Надо отметить, что в целом, до сегодняшнего дня внедрение стратегии 2007 года оказывало весьма неоднозначное влияние на сотрудничество ЕС-Казахстан, включая как преемственность, так и изменения в их отношениях [5].

На протяжении большей части 90-х годов XX века, Казахстан в значительной степени оставался вне поля зрения внешней политики ЕС. В это время ЕС был глубоко вовлечен в решение гораздо более неотложных внутренних задач, таких как Воссоединение Германии, распад Югославии, разработка новых отношений с Россией. Будучи озабоченным управлением сложной повесткой дня, ЕС не хватило необходимых ресурсов и интереса для участия в формировании партнерства в Центральной Азии. Это безразличие в дальнейшем переводится на плохо сформулированную и неуклюжую политику осуществляемой ЕС в отношении Казахстана, с которым экономическое и политическое партнерство останется маргинальным до конца XX века [6].

Тем не менее, изменения во внешней среде Европы привели к переоценке внешнеполитического подхода ЕС к Центральной Азии в целом. Это новое взаимодействие в значительной степени определялось растущей стратегической актуальностью Центральной Азии. Прежде всего, растущий спрос и необходимость диверсификации импорта нефти и газа заставила Европейский Союз повернуть внимание к огромным запасам энергоресурсов Центральной Азии. На сегодняшний день из пяти центрально-азиатских государств, Казахстан обладает самым большим энергетическим потенциалом в десятке стран с мировым запасом нефти и в пятнадцати по газу.

С нынешним противостоянием в Украине и усилением негативного отношения к Москве как к ненадежному поставщику газа, Европейский союз стремится к более глубокому сотрудничеству с богатым энергоресурсами Казахстаном. Основываясь на новом соглашении, подтвержденном в ходе восьмого раунда переговоров между Казахстаном и ЕС по новому расширенному «Соглашению о партнерстве и сотрудничестве», Казахстан еще более расширил свое

энергетическое партнерство с ЕС, страдающим от энергетических проблем. Условия соглашения, однако, еще не определены. Выгоды от расширенной торговли не являются односторонними, и энергетическое сотрудничество с ЕС предоставляет Казахстану доступ к прибыльным и надежным европейским рынкам. Следовательно, это сыграет решающую роль в усилении собственной энергетической диверсификации Казахстана и независимости от России, что все еще налагает чрезмерные транзитные ставки, несмотря на участие страны в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

В настоящее время доступ ЕС к казахстанской нефти и урану стабилен и имеет хорошие перспективы для дальнейшего развития, но вопрос о том, удастся ли ЕС обеспечить газ Казахстана через проект Южного коридора, остается неясным. Замораживание переговоров по «Южному потоку» с Россией в начале 2015 года увеличило необходимость диверсифицировать поставки и уменьшить зависимость от доминирующей в России газотранспортной системы. Таким образом, проект «Южный газовый коридор» приобретает все большее значение для ЕС, поскольку он намерен доставить обширные запасы газа и нефти Каспия на европейские рынки через транзитные коридоры Казахстана, Азербайджана и Туркменистана. Однако до сих пор Брюссель не смог заручиться согласием Нур-Султана на участие в Транскаспийском газопроводе (TCGP), который соединен с Южным коридором и, таким образом, исключал возможность реализации проекта.

12 августа 2018 года в Актау главами пяти прикаспийских стран была подписана «Конвенция о правовом статусе Каспия». По правилам прокладки газопроводов по дну Каспия согласно Конвенции предусматривается согласие только соседних стран Каспийского моря. Туркмения после подписания соглашения, заявила, что готова проложить по дну Каспия трубопроводы, для экспорта своего газа через Азербайджан в Европу по проекту Nabucco. Согласия России, которое ранее было необходимо для реализации проекта, только в том случае, если его подписали только пять государств-членов, больше не требуется.

Можно предположить, что Россия сняла экологические претензии в связи со строительством подводного газопровода «Северный поток» под Балтийским морем.

В октябре прошлого года ЕС выразил готовность привлечь инвестиции для строительства Транскаспийского газопровода в

Туркменистане. Сам проект предусматривает поставку газа на европейский рынок объемом 30 млрд м³ в год в течение тридцати лет. Можно считать, что Актауская конвенция послужила хорошим импульсом в диверсификации европейской энергозависимости от России. Если ранее заторможенность в установлении выгодного сотрудничества, можно было списать на отказ России в прокладке трубопровода, то после Актауской конвенции, должны появиться новые совместные проекты по выходу Центрально-азиатских углеводородов на европейский рынок.

Учитывая все выше описанное, хотелось бы оставить ряд рекомендаций, как видение развития событий, учитывая сложившиеся ситуации:

1. Казахстан и Венгрия, должны провести высококачественное исследование, чтобы расширить знания об участии ЕС в Центральной Азии и обратно ЦА в ЕС и сформулировать правильную политику в отношении регионов, которая бы соответствовала как целям ЕС, так и потребностям, и требованиям ЦА. Это также может оказаться полезным для разработки стратегий, способствующих демократическим реформам в государствах Центральной Азии и не только.

2. Ввиду недостаточного опыта подходов, направленных на изучения Казахстана в качестве партнера Венгрии и ЕС в целом, Казахстан должен уделять больше внимания двустороннему сотрудничеству, ориентированному на конкретные вопросы в конкретных странах Восточной Европы, так как будучи интересным в первую очередь как энергетический партнер ЕС, Казахстан будет искать прибыль на передовой линии ЕС, то есть в Восточной Европе, где уже не плохо выстроены двухсторонние отношения. В то же время следует поощрять стремление стран участниц диалога к противодействию терроризму и незаконному обороту наркотиков, людей и оружия.

3. Необходимо разработать более стратегический подход к принятию демократии и поощрению прав человека. Растущие торговые потоки между Европой и Казахстаном наряду с потребностью в западных технологиях и инвестициях дают Казахстану некоторый рычаг для того, чтобы принять некоторые демократические ценности и сесть за стол переговоров.

4. Если Казахстан стремится стать стратегическим игроком в Венгрии или ЕС, очень важно прояснить свои собственные интересы и учесть интересы других внешних игроков, присутствующих в регионе. В тех случаях, когда эти интересы пересекаются, проекты

должны осуществляться в сотрудничестве, чтобы избежать крупных столкновений.

5. Начать совместную работу по кибер-защите обеих стран.

Наконец, Казахстан должен также стремиться сотрудничать с Россией в разработке общих рамок для строительства транспортного коридора с целью вывода каспийских ресурсов на европейские рынки.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Стат.Агенство Венгрии [Электр.ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksh.hu/docs/eng/xstadat/xstadat_annual/i_wdsd001.html - (дата обращения 11.2.2019).
- 2 Отдел Статистики при ООН [Электр.ресурс]. – Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения 11.2.2019).
- 3 Human Development Report 2009 Overcoming barriers: Human mobility and development [Электр.ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/269/hdr_2009_en_complete.pdf - (дата обращения 11.3.2019).
- 4 Саркитов Н. [Электр.ресурс]. – Режим доступа: <http://750ml.ru/articles/bock.html> - (дата обращения 22.2..2019).
- 5 Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Республикой Казахстан [Электр.ресурс]. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/enhanced_partnership_and_cooperation_agreement.pdf - (дата обращения 21.1.2019).
- 6 Warkotsch A. The European Union and Central Asia. – W., 2011. –Р.4.

ҚАЗАҚСТАН МЕН ВЕНГРИЯ АРАСЫНДАҒЫ ЕКІЖАҚТЫ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ДИНАМИКАСЫ

Смаилов А.¹

¹М020200 - «Халықаралық қатынастар» мамандығы
Абылай хан атындағы ҚазақХҰжәнеӘТУ
Алматы, Қазақстан

Осы мақалада Қазақстан мен Венгрия арасындағы екіжақты қарым-қатынастардың динамикасы қарастырылады және бағаланады. «Орталық Азиямен жаңа серіктестік стратегиясы» аясында Венгрия мен Қазақстан арасындағы ынтымақтастықты кеңейтудің болашағы егжей-тегжейлі қарастырылады. Еуропалық Одақтың Қазақстанға қатысты XX ғасырдың 90-шы жылдарындағы сыртқы саясаты қарастырылады. Орталық азиялық көмірсутегінің еуропалық нарыққа шығуы бойынша жаңа бірлескен жобаларға каспий маңындағы мемлекеттердің Ақтау конвенциясының әсері қосымша бағаланды. Қорытындыда қазіргі кездегі тәжірибенің кемшіліктеріне назар аударылды және тереңірек ынтымақтастыққа арналған оң ынталандыруға ықпал ететін ұсыныстар жасалды.

Тірек сөздер: Қазақстан, Венгрия, Еуропалық Одақ, халықаралық қарым-қатынастар, ынтымақтастық.

Статья поступила 19.3.2019

DYNAMICS OF BILATERAL RELATIONS KAZAKHSTAN – HUNGARY

Khalimzai M.¹

¹ undergraduate 2nd year in the specialty “6M020200 - International Relations”
Ablai Khan KazUIRand WL
in the specialty “6M020200 - International Relations”

In the present study, an attempt was made to reveal the integration and migration policy of France, which was in a certain sense built on a model of multiculturalism. As a result of the work, it was concluded that in the above-mentioned countries the policy of multiculturalism was not conducted at a high level, despite the increasing complexity of political rhetoric. To date, the timely response of the French government to the accelerated processes of ethnic and religious consolidation in their societies has not been traced.

Keywords: multiculturalism, integration, migration policy.

УДК 32.327

МРНТИ 11.25.45

ОПЫТ ФРАНЦИИ В РАМКАХ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Халимзай М.¹

¹ магистрант 2 курса факультета «Международные отношения»
КазУМОиМЯ им. Абылай хана
по специальности «6M020200 – Международные отношения»

В настоящем исследовании проделана попытка раскрыть интеграционную и миграционную политику Франции, которая была в определенном смысле построена на модели мультикультурализма. В результате работы сделан вывод о том, что в вышеуказанных странах политика мультикультурализма не проводилась на высоком уровне, несмотря на усложнение политической риторики. До настоящего времени не прослеживается своевременная реакция правительства Франции на ускоренные процессы этнического и конфессионального уплотнения в их обществах.

Ключевые слова: мультикультурализм, интеграция, миграционная политики.

Премьер-министр Великобритании в 2011 г. в рамках проведения ежегодной конференции в Мюнхене, посвященной проблемам безопасности, подверг резкой критике политику мультикультурализма [1]. До этого такого рода заявления были сделаны официальными лицами Франции, которые опирались на социально-политические положения в этих странах. В результате очередных нот критики, международное сообщество заключило о провале повсеместно рекламированной политики мультикультурализма, тем самым позволив вопросу оставаться открытым. Поиск наиболее адекватной современным условиям модели интеграции поликультурных элементов оставался актуальным.

Но мы можем задать вполне резонный вопрос – является ли критика обоснованной и справедливой, можно ли доподлинно заключать, что во Франции фактически проводилась полноценная политика мультикультурализма, или вышеуказанные заявления относятся лишь к сфере политической риторики, а проблемы в сфере межэтнических отношений и иммиграции напрямую связаны как раз с реализацией практики, противоположной мультикультурализму и только частично основанной на его принципах? В настоящем научном исследовании проделана попытка рассмотреть модель интеграционной и иммиграционной политики Франции и ответить на поставленные вопросы.

Французская практика построена на «праве почвы» (*Jus soli*), предполагающее, что включение в общество возможно лишь при условии рождения человека на территории страны, независимо от расовой, этнической принадлежности, но в рамках политической и лингвистической ассимиляции, которая подразумевает под собой, во-первых, признание демократических и либеральных основ политической системы, а во-вторых, принятие французского языка [2]. Равенство конфессий обеспечивается не признанием множества религиозных идентичностей [3], а установлением в рамках секуляризованной системы общества. Можно заключить, что Франция фактически не признает существования демографического мультикультурализма, а также не регулирует основные этнические и культурные права меньшинств, остающиеся в рамках частной сферы.

Кроме этого, со времен Французской революции в стране, следуя принципу равенства граждан, отрицалась возможность учета расовых и этнических меньшинств. Только в 2009 г. по инициативе Н. Саркози создан Комитет по измерению и оценке дискриминации и разнообразия (COMEDD) в целях этнического и культурного наблюдения и преодоления возможностей расовой и этнической дискриминации [4].

Подобное расхождение от реальной ситуации и политической риторики, а также не быстрая реакция на изменение действительности создали другие проблемы и трудности интеграции иммигрантов и способствовала порождению изолированных религиозных и культурных групп на территории Франции.

После окончания Второй мировой войны большинство иммигрантов во Франции прибывала из стран Европы – в 1962 г. они составляли 79% от общего числа иммигрантов по сравнению с 15,3% из Африки и 2,4% из Азии [5]. По истечению времени культурные

особенности иммиграционных потоков меняется на лицо – в 2005 г. впервые зафиксировано большое число иммигрантов из стран Африки, проживающих во Франции – 42,2% против 38% из стран Европы. В 2005 г. увеличилась также иммиграция из Азии – 13,9% [6].

На 2009 г. источниками миграции являются страны Магриба – 5,8 % (3,1% Алжир, 2% Марокко, 0,8% Тунис), остальная Африка – 2,9%, Турция – 0,7% [5, pp.19-20]. Таким образом, крупнейшая группа иммигрантов во Франции – в основном жители исламских стран Северной Африки.

До 1980 г. во Франции действовала исключительно классическая ассимиляционная модель, которая в дальнейшем была частично пересмотрена правительством Ф. Миттерана с целью утверждения принципов более мягкой интеграции иммигрантов во французское общество, предусматривающих социально-экономические права, жилищную помощь и различные программы образования [7]. Несмотря на то, что депортация иностранцев теперь должна была осуществляться лишь в крайних случаях, тем не менее сохранилась достаточно жесткая позиция в сфере борьбы с нелегальной иммиграцией (повышение штрафов за нелегальный въезд и проживание, ужесточение пограничного контроля).

В программе Миттерана также присутствовал пункт о введение избирательных прав регионального уровня для иммигрантов, но он встретил достаточно широкое противостояние общественности и других политических сил. В 1989 г. был создан Высший совет по делам интеграции (Haut Conseil à l'intégration; HCI), который носил консультативный характер и готовил ежегодные отчеты о результатах интеграции иммигрантов [8].

Именно в этот период иммигранты перестают рассматриваться исключительно с точки зрения потенциальной угрозы общественной безопасности и начинают рассматриваться только как источник трудовой деятельности. Но принятые меры явились недостаточными, поскольку не могли преодолеть фактическую дискриминацию в социально-экономической сфере ввиду отсутствия специального антидискриминационного законодательства, позволяющего проводить реальную политику равных возможностей. Многочисленные дискуссии вокруг проблемы предоставления иммигрантам избирательных прав так и не принесли результатов, тем самым исключив их из политической сферы. Серьезные ограничения существуют в сфере государственной службы и службы безопасности, полиции – в 2007 г.

во Французской Национальной Ассамблее всего 0,4% членов являлись представителями этнических меньшинств [9].

Перечисленные обстоятельства способствуют утверждению в сознании иммигрантов и представителей этнических меньшинств своего низкого социального статуса, что способствует геттоизации и высокому проценту безработицы среди иммигрантского населения, особенно в кварталах со значительным иммиграционным фоном, где она достигает до 30% (10% на национальном уровне). Только 11% выпускников высшей школы с североафриканскими корнями получают соответствующую их образованию должность, тогда как доля молодых французов равняется 46% [10]. Что касается отношения общества к иммигрантам, то 56% считают, что во Франции их слишком много, 62% согласны с утверждением о том, что мусульмане отказываются интегрироваться в общество [11].

С 1990 гг. во Франции отмечается рост поддержки крайне правых политических партии, использующих в своих программах антииммиграционную и антиисламскую риторику, в основном среди рабочего и среднего класса. Прежде всего, увеличение популярности подобных организаций связано с социально-экономическими проблемами, которые усугубляются увеличением количества граждан иностранного происхождения, а не исключительно культурными или религиозными факторами. Тем не менее на национальных выборах уже в апреле 2002 г. Национальный фронт (National Liberation Front) Жан-Мари Ле Пена, получил 17% голосов избирателей.

Погромы в пригороде Парижа в ноябре 2005 г. показали неэффективность проводимой интеграционной политики и наличие широких форм дискриминации, о чем говорит этнический и возрастной состав мигрантов, принадлежащих ко второму и третьему поколению, а также тот факт, что они разрушали в основном больницы и школы – традиционные области дискриминации [5, pp. 111-129]. В связи с этими событиями в 2006 г. был утвержден Закон о равных возможностях (Loi pour l'égalité des chances), направленный на реализацию принципа равенства и преодоление дискриминации в сфере труда и занятости, особенно в отношении молодежи из неблагополучных социальных слоев, сосредоточенных в районах с высоким иммиграционным фоном. Закон также обязывает различные фирмы и корпорации рассматривать анонимные резюме, в которых можно не указывать личные сведения заявителя при приеме на работу [12]. Для реализации соответствующих мер и законопроектов, а также жилищной политики

в отношении представителей этнических меньшинств, профилактики преступности и предотвращения дискриминации было создано Национальное агентство по вопросам социальной сплоченности и равенства возможностей (*L'Agence nationale pour la cohesion sociale et l'egalite des chances* (ACSE) [13]. Отдельные корпорации и компании пользуются привлечением в штат своих работников представителей этнических меньшинств, а также проводят различные мероприятия по нормализации межэтнических отношений в сфере труда.

С 2004 г. действует запрет на ношение религиозной атрибутики государственными служащими, преподавателями, учащимися государственных школ [14]. В 2010 г. французский парламент расширил этот закон, введя запрет на появление в общественных местах в одежде, полностью закрывающей лицо. Исходя из специализации этих законов, можно сделать вывод, что Франция не стремится поддерживать культурное своеобразие различных этнических групп.

Подводя итог, необходимо отметить, что политика Франции в отношении иммигрантов и этнических меньшинств, ориентировалась в большей степени на ассимиляционную республиканскую модель с целью построения единой нации. Исходя из всего вышесказанного, по мнению автора, невозможно утверждать, что во Франции, во-первых, проводилась полноценная конструктивная политика мультикультурализма, во-вторых, существующие проблемы были порождены исключительно мультикультурными практиками.

Социально-политические и этнокультурные проблемы, на сегодняшний день существующие во Франции, порождены скорее замедленной реакцией правительств данных стран на растущее многообразие общества, чем непосредственной политикой мультикультурализма. Кроме того, следует также учитывать характер построения нации, определенные исторические традиции, менталитет – факты, которые формируют соответствующее отношение населения страны к инокультурным группам и этническим меньшинствам и становятся основой иммиграционного и интеграционного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1 Nicolas Sarkozy joins David Cameron and Angela Merkel view that multiculturalism has failed [Electr.resources] // The Daily Mail. – Access mode: URL: www.dailymail.co.uk/news/article-1355961/NicolasSarkozyjoins-David-Cameron-Angela-Merkel-view-multiculturalism-failed.html . Accessed 13.03.2019.

2 Vladescu E. The Assimilation of Immigrant Groups in France – Myth or Reality? // Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series. – University of Miami. – 2006. – №39. – Pp. 6-7.

3 Цумарова Е. Ю. Основные направления политики идентичности: конструкти-

вистский подход // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2013. - № 7. – Т.2. – С. 36–38.

4 France to consider ethnic census [Electr.resources] // BBC News. – Access mode: URL: news.bbc.co.uk/2/hi/7959715.stm. Accessed 13.03.2019.

5 Trajectoires et Origines. Enquete sur la diversite des populations en France [Electr.resources].- URL: www.ined.fr/fichier/t_telechargement/45660/telechargement_fichier_fr_dt168.13janvier11.pdf. Accessed 15.03.2019.

6 Les immigrés en France, Edition 2005 [Electr.resources].-URL: www.insee.fr/fr/ppp/comm_presse/comm/hcdplmmfra05.pdf - Accessed (15.03.2019).

7 Loi № 84-622 du 17 juillet 1984 portant modification de l'ordonnance № 45-2658 du 2 novembre 1945.- Paris, 2010.

8 Haut Conseil à l'integration [Electr.resources]. - URL: www.hci.gouv.fr. - Accessed 16.03.2019.

9 Ethnic Minorities in Politics, Government and Public Life [Electr.resources]. - UK Parliament. - URL: www.parliament.uk/Templates/BriefingPapers/Pages/BPPdfDownload.aspx?bp-id=sn01156. Accessed 17.03.2019.

10 La France sait-elle encore integrer les immigrés? Les élus issus de l'immigration dans les conseils regionaux (2004-2010) [Electr.resources].- URL: www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/114000211/0000.pdf. Accessed (17.03.2019).

11 Muslim-Western Tensions Persist [Electr.resources].- URL: www.pewglobal.org/files/2011/07/Pew-Global-Attitudes-Muslim-Western-Relations-FINAL-FORPRINT-July-21-2011.pdf - Accessed 17.03.2019.

12 Loi № 2006-396 du 31 mars 2006 pour l'égalité des chances [Electr.resources]. - Legifrance – URL: www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000268539. Accessed 17.03.2019.

13 L'Agence nationale pour la cohesion sociale et l'égalité des chances [Electr.resources]. - URL: www.lacse.fr/wps/portal/internet/acse/accueil/notrerepresentation/missions. Accessed 17.03.2019.

14 Шмелева Н. Принципы иммиграционной политики Саркози // Обозреватель – Observer. – 2011. - № 6. – С. 57-66.

КӨПМӘДЕНИЕТТИ САЯСАТТЫ ӨТКІЗУДЕГІ ФРАНЦИЯНЫҢ ТӘЖІРИБЕСІ

Халимзай М.¹

¹Абылай хан атындағы ҚазХҚжәне ӘТУ
«БМ020200 - Халықаралық қатынастар»
мамандығының 2-курс магистранты

Осы зерттеуде мультикультурализм моделіне негізделген Францияның интеграциялық және көші-қон саясатын анықтауға әрекет жасалды. Жұмыстың нәтижесінде жоғарыда көрсетілген елдерде саяси риторика күрделілігіне қарамастан, мультикультурализм саясаты жоғары деңгейде өткізілмеген деген қорытындыға келді. Бүгінгі күні француз үкіметінің өз қоғамдарындағы этникалық және діни бірігу үдерістерінің тездетілген үдерістеріне дер кезінде жауап жоқ.

Тірек сөздер: мультикультурализм, интеграция, көші-қон саясаты.

Статья поступила 19.3.2019

**THE EFFECT OF PANTHURKISM ON THE TURKISH POLICY IN THE
BEGINNING OF THE XX AND XXI CENTURIES
(BASED ON AN ANALYSIS OF ARTICLE A.LEMERI)**

Khasanai A.¹

¹ Specialty “International Relations”

Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan. alikeme@mail.ru

This article provides the scientific analysis of the historical article of French political figure Henry Lémery «Conseils de sagesse au Turc vainqueur» (Wise advice to the turk-winner) topically having a projection in the present, which revealed the relationship of events and facts of the early XX – XXI centuries as an example of Turkey. Article «Conseils de sagesse au Turc vainqueur» will be used in the classroom for the French language and international relations.

Keywords: Pan-Turkism, Turkey, turc, government, France.

УДК 94(560)|18/20|+341.485
МРНТИ 11.25.42

**ВЛИЯНИЕ ПАНТЮРКИЗМА НА ПОЛИТИКУ ТУРЦИИ
НАЧАЛА XX И XXI вв.
(на основе анализа статьи А.Лемери)**

Хасанай А.¹

¹ специальность «Международные отношения»,

Казахский Университет Международных
Отношений и Мировых Языков им. Абылай хана,
г.Алматы, Республика Казахстан, alikeme@mail.ru

В статье проведен научный анализ статьи 1922 г. французского политического деятеля Анри Лемери «Conseils de sagesse au Turc vainqueur» (Мудрые советы турку-победителю), тематически имеющей проекцию в современность. В статье выявлена взаимосвязь событий и явлений начала XX и XXI веков, происходящих в Турции. Оригинал статьи «Conseils de sagesse au Turc vainqueur» может быть эффективно использован на занятиях по французскому языку и международным отношениям.

Ключевые слова: пан-тюркизм, Турция. Франция, турки, правительство.

Главным источником знаний европейцев о политических течениях, таких как панисламизм, пантюркизм и другие была нарративная литература, нашедшая отражение на страницах газет и журналов. Интерес исследователей к различным политическим течениям был всегда очень велик, они стремились дать объективную оценку течению, выявить цели, характер, определить его особенности и влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны. С изменением мира, резко изменилась и расстановка сил в мире. Появились новые игроки, такие как Россия, Индия и Китай. С выходом Великобритании из Европейского союза перед мировым сообществом возникло немало проблем. Сегодня мир сотрясает не только экономический кризис, но и сирийский конфликт с участием Турции, России и самой Сирии.

Неоднозначные отношения Турции и России после событий ноября 2015 года, которые были названы президентом России В.В.Путиным как «удар в спину», отношения «Казахстан-Россия-Турция-Сирия», где Казахстан в январе 2017 года выступил в роли миссионера, предоставив свою страну в роли политической платформы для решения сирийского конфликта путем мирных переговоров и наконец отношения «Евросоюза-Турции», заинтересовали меня, в связи с чем решил обратиться к французской периодике 1920-х гг. и выяснить взаимосвязь событий и явлений в период рассвета пантюркизма, его влияние на политику Турции, которые привели к возникшим вышеуказанным отношениям.

Французские газеты и журналы крайне редко подвергаются научному анализу. Настоящая статья представляет одну из немногих попыток на основе исторических источников провести анализ статьи, тематически имеющей проекцию в современность. Цель статьи: показать взаимосвязь событий и явлений начала XX и XXI веков на примере Турции.

Это исторический период в Турции характеризуется началом турецкого национального движения, войной за независимость страны, которая закончилась победой турок под руководством Мустафы Кемала Ататюрка. Упразднение Османского султаната и провозглашение Турецкой Республики, отмеченной созданием нового республиканского государства стало началом проведения ряда серьезных политических, социальных и культурных реформ.

Мой выбор пал на статью французского сенатора Анри Лемери «Conseils de sagesse au Turc vainqueur» (Мудрые советы турку-победителю) [1]. Статья вышла 22 ноября 1922 года, т.е. спустя три недели после упразднения Османского султаната (01.11.1922 г.) и пяти дней, когда последний султан Османской империи Мехмед VI покинул страну (17.11.1922 г.). Напомним, что прошло всего пять лет после победы Октябрьской революции, 100-летие которой будет в следующем, 2017 году.

Автор статьи Анри Лемери (1889-1940 гг.) был сенатором Палаты депутатов 3-й Республики, выходцем из Мартиники, а также сторонником левых демократов, радикалов и радикальных социалистов. Его имя было связано с критикой внешней политики великих держав в период между двумя мировыми войнами. Обеспечение безопасности Франции на основе сплочения Западной Европы и Лиги наций- было одной из его основных идей. Он отказался от ратификации соглашений

всех франко-советских пактов, но был против интервенции в Испанию.

Статья размещена в рубрике «Лозаннская конференция» (ноябрь 1922 г. - июль 1923 г.). Речь идет о международной конференции, созванной по инициативе Великобритании, Франции и Италии для подготовки мирного договора с Турцией.

Данная статья насыщена такими актуальными для того времени темами, как внутренняя политика Турции, проблема пантюркизма, отношения между Советской властью и Турцией, отношения между Турцией и Европой, отношения между Турцией и Францией.

Мы видим, что сегодня изменилась не только расстановка сил в мире, но и институционализировалось Исламское государство, активизировался терроризм и религиозный экстремизм.

Министр нового Министерства по делам религий и гражданского общества Республики Казахстан Н.Б. Ермекебаев в ходе круглого стола (21.09.2016 г.) особо подчеркнул необходимость активизации работы по совершенствованию законодательства в области антитеррористической и религиозной деятельности в связи с усиливающимися рисками и вызовами, связанными с религиозным экстремизмом, разного рода течениями и группировками. Одним из вызовов современности является развитие нового витка идей пантюркизма в мире, как следствие глобализации. Пантюркизм является сложным социально-политическим явлением, имеющим глубокие историко-культурные и религиозные корни, идеи которого находят распространение и в наше время.

Известно, что «пантюркизм - культурное и политическое течение, распространенное в государствах, населенных тюркскими народами, в основе которого лежат идеи о необходимости их политической консолидации на основе этнической, культурной и языковой общности». Идеологом пантюркизма стал просветитель и общественный деятель, крымский татарин - Исмаил Гаспринский (Гаспырали, 1851-1914 гг.).

Автор статьи считает, что распространение идей пантюркизма является опасным действием и включает в себе признаки национализма: «Провозглашать пантюркизм - как догму, чтобы противопоставить Восток Западу, ислам Европе, это было бы более чем преступлением; это было бы ошибкой» [1]. Но французская, как и европейская общественность в целом, в то время не могла понять все турецкие проблемы. Их пугал набирающий силу и надменно утверждающийся национализм. Следуя своей идеологии, пантюркское течение стремилось распространить свои взгляды на «весь тюркский мир» и давало свои оценки на прошлое, настоящее и будущее мусульманского мира. Пантюркизм того времени занимал все более обширные позиции не только в Турции, но и в мире.

Франция, после успешной колонизации африканских стран (Алжир, Тунис, Марокко), завладела не только их обширными территориями с мусульманским населением, но и получила политическое, экономическое и культурное влияние на этих территориях. До определенного времени, Франция была сторонницей мусульман по своей историко-культурной традиции, политике мультикультурализма и защиты своих интересов.

К тому же Франция всегда проявляла большой интерес к Турции, и ее влияние на нее было велико в начале XX в., т.к. Германия проиграла Первую мировую войну (1914-1918 гг.) и ее авторитет на международной арене упал. Франция сыграла большую роль в расширении турецких территорий, она вычертила по согласованию с Турцией турецко - сирийскую границу. Как считает А. Лемери, Франция подала молодому правительству Мустафы Кемаля надежду на новое государственное устройство и поощряла стремление турок создать новое государство.

В Турцию были вложены большие французские капиталы и Франция была заинтересована в установлении нормальных отношений, но турецкие националисты требовали отмены системы капитуляций, на что Франция в тот момент не была готова пойти. Поэтому сенатор Лемери пишет: «Мечтать о расширении территорий сверх существующих границ - это быстро перейти от национализма к империализму... Требовать отмены капитуляций на следующий день, это слишком. То есть подвергнуть гарантии капитуляции риску... турецкое правительство играет с огнем. Сам турецкий народ, вероятно, будет сожалеть о своей беспечности!» [1].

Речь идет о режиме капитуляции, то есть договорных прав, которые в течение многих веков регулировали положение иностранцев в Турецкой империи. Турция никогда не имела равного положения с европейскими державами, до 1922 года не обладала независимостью и суверенитетом. Законы и порядки султаната сильно отличались от европейских и американских законов. Поэтому и действовал принцип экстерриториальности в пользу граждан и субъектов стран, наславшихся капитуляционными правами, т.е. иностранцев. Ряд европейских стран и Соединенные Штаты в течение многих веков имели в Турции консульские суды и тюрьмы, у них были собственные школы и закон, и защита в них была не турецкая, а той страны, которая их содержала. Поэтому Турция и требовала отмены этих капитуляций, и это было оправдано, т.к. Турция стала независимым государством. Мы можем поспорить с автором статьи, т.к. в начале XX века Турция только получила независимость и имела полное право требовать отмены капитуляционных прав, т.к. в этот период национальные чувства турков были слишком обострены.

Казалось бы, подобная ситуация сложилась с современным миграционным кризисом, когда Турция в обмен на активное участие в разрешении миграционного кризиса в Евросоюзе (Турция оставалась транзитной страной, но не буферной зоной для беженцев) и потребовала, в частности, от лидеров стран - членов сообщества ускорить процесс вступления страны в Европейский союз. «Турция готова работать с ЕС, стать членом ЕС. Я надеюсь, сегодня этот саммит не будет концентрироваться (только) на нелегальной миграции, но и на процессе вступления Турции в ЕС», - сказал экс-премьер Турции А. Давутоглу [2]. Турция брала на себя обязательство улучшить условия проживания сирийских беженцев на своей территории и бороться с притоком нелегалов в ЕС. Евросоюз, в свою очередь, обещал перечислить три миллиарда евро на приём в Турции беженцев, ускорить переговоры о вступлении Турции в ЕС и процесс отмены виз.

На состоявшемся 07.03.2016 г. Саммите, Турция - Европейский Союз А. Давутоглу особо отметил: «Саммит показывает, насколько необходима Турция для Европы, а Европа - для Турции. Перед нами стоит много вызовов, и единственная возможность отреагировать на эти вызовы - солидарность».

Подобную фразу мы находим и в нашей статье. Эта фраза, на наш взгляд, стала ключевой основой всей статьи 1922 года. Но об этом пишет французский автор: «Турция не может действовать против Европы, но она не может обойтись без Европы. Она будет нуждаться в ней, чтобы оживить свою промышленность, торговлю, чтобы поддерживать свои финансы» [1]. А сегодня Европейский Союз говорит, что [со вступлением в ЕС] «до 3000 года турки могут подождать» [3]. Это высказывание бывшего премьер - министра Великобритании Д. Кэмерона. Мир меняется и вместе с ним меняются лидеры, внешняя политика, приоритеты и взгляды.

Директор Центра партнёрства цивилизаций МГИМО В. Попов говорит, что Р. Эрдоган осознаёт, что происходит сейчас на Западе и понимает, что с Европейским Союзом, возможно, ничего не получится. Общеизвестно, что Р. Эрдоган принес свои извинения Президенту России В.В. Путину за сбитый самолет. И в настоящее время отношения налаживаются. Налаживание отношений Турции с Россией всегда пугало Западную Европу, что мы находим в нашей статье. Сенатор А. Лемери остерегает европейскую общественность от установления контактов с Москвой: «Однако важно, чтобы эти задачи Турции (развитие государства, экономики и т.д.) не дошли до Москвы, чтобы она не сближалась близко с Россией. Надо сделать так, чтобы разрушать это сближение, чтобы однажды Турция осталась одна в мире, который будет ей сочувствовать» [1].

Это недопущение сближения с Москвой, т.е. СССР, всегда было одной из характерных черт внешней политики зарубежных стран. Наша статья «Мудрые советы турку-победителю» начинается с эпитафии: «Пролетарии Востока, объединяйтесь с пролетариатом России. Шлем им наш привет». И этот эпитафия подписан Азиз Беем, временным поверенным Анкары, т.е. Турции, в Москве. И сенатор А. Лемери далее пишет: «Находясь в этих обстоятельствах, мы испытываем некоторую горечь, читая обращение Азиз Бея к народу Москвы. Призыв русского пролетариата объединиться с пролетариатом Востока, т.е. «идти против западного врага» - это провокация и угроза» [1].

В 1920 - 1930-е гг. признавалось, что Ататюрк сумел победить только благодаря помощи Советской России. На стамбульской площади Таксим, рядом с которой в марте этого года были совершены террористические акты, стоит памятник «Республика». Рядом с Ататюрком находится скульптура советского посла С. Аралова, который принимал большое участие в оказании помощи молодой Турецкой Республике. После сбитого российского самолета, большая часть турецкого общества не принимала и не понимала испорченные отношения с Россией, которые сильно повлияли на турецкий бизнес.

Сенатор далее предупреждает: «Турция мечтает, что национализм столкнется, в первую очередь, с национализмом соседей, о котором знают Советы. Не надо забывать, что в Туркестане и на берегах Черного моря России имеется тысячи спорных вопросов. Турция еще будет нуждаться в европейских и западных адвокатах» [1].

Автор статьи сенатор А. Лемери дал оценку пантюркизму и поведению по этому поводу турецкого правительства: «Само турецкое правительство, вероятно будет сожалеть о своих нескромных идеях, которые распространились как на турецкую империю, так и за ее обширными границами, которые в настоящее время ограничиваются порядком законного национализма... Тюркизм объявится как догма, чтобы настроить Восток против Запада, ислам против Европы, это было бы преступлением; это было бы ошибкой!» [1]. Определение А.Лемери позиции Турции 1922 года актуальна и для позиции Турции 2017 года. К чему приведет такая политика покажет время, но мы также не можем не согласиться с А.Лемери, где он говорит, что «Турция не всегда была последовательна в своей политике, и эта непоследовательность заставляет Турцию допускать ошибки. Но она умеет их вовремя исправлять».

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Lemery H. Conseils de sagesse au Turc vainqueur // Le Journal. - 1922. - Novembre 22 (N10993). - P.4.
- 2 Добровольский В. Давутоглу А.: Турция надеется обсудить на саммите

вступление в ЕС. - Режим доступа URL: <https://www.zakon.kz/4779216-davutoglu-turcija-nadeetsja-obsudit-na.html> - (дата обращения 04.1.2017).

3 Попов В. Следующий шаг запада после Сирии - Турция? Режим доступа URL: ria.ru - (дата обращения 19.01.2017).

20-ШІ ЖӘНЕ 21-ШІ ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ТҮРІК САЯСАТЫНЫҢ ПАН- ТҮРКШІЛІККЕ ТІГІЗГЕН ӘСЕРІ

Хасанай А.¹

¹ «5B020200 - Халықаралық қатынастар»

Абылай хан атындағы ҚазақХҚжәнеӘТУ, Алматы, Қазақстан
e-mail: alikeme@mail.ru

Мақалада 1922 ж. Француз саясатшысы Анри Лемердің «Conseils de sagesse au Turc vainqueur» (жеңімпазға арналған ақыл-кеңес) деген ғылыми мақаласы талданады. Мақалада Түркиядағы XX және XXI ғасырдың басындағы оқиғалар мен құбылыстардың өзара байланысы анықталған. «Conseils de sagesse au Turc vainqueur» атты түпнұсқа мақаланы француз және халықаралық сыныптарда тиімді қолдануға болады.

Тірек сөздер: Пантюркизм, Түркия, Франция, түріктер, үкімет.

Статья поступила 15.3.2019

PUBLIC POLICY ON MODERNIZATION OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM IN KAZAKHSTAN

Izbassar A.¹

¹2nd year Master student on “Public administration”

of University of International Business, Almaty, Kazakhstan
e-mail: izbassar_askhat@mail.ru

This article reveals the state policy on the modernization of higher education of Kazakhstan in the conditions of the modernization 3.0 of Kazakhstan and the transition to technological order 4.0. The analysis shows that public body in the field of higher education has developed the necessary regulatory legal acts for ensuring the “green economy” and industrial facilities with personnel. The academic and managerial autonomy granting to universities significantly increase of the responsibility for the competitiveness of graduates.

Keywords: public policy, modernization of higher education, training, academic and managerial autonomy of universities.

УДК 354: 378.4

МРНТИ 82.13.27

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Избасар А.И.¹

¹Магистрант 2-го курса специальности «Государственное и местное управление»

Университета международного бизнеса, г. Алматы, Республика Казахстан
e-mail: izbassar_askhat@mail.ru

В данной статье раскрывается государственная политика по модернизации высшего образования Республики Казахстан в условиях третьей модернизации

Казахстана и перехода к технологическому укладу 4.0. Анализ показывает, что для обеспечения «зеленой экономики» и промышленных объектов кадрами государственным органом в области высшего образования разработаны необходимые нормативные правовые акты. Предоставленная вузам академическая и управленческая самостоятельность значительно повышает ответственность вузов за конкурентоспособность выпускников.

Ключевые слова: государственная политика, модернизация высшего образования, подготовка кадров, академическая и управленческая самостоятельность вузов.

В условиях третьей модернизации Казахстана и перехода к технологическому укладу 4.0 особое внимание уделяется развитию инновационных и сервисных секторов: альтернативная энергетика, новые материалы, биомедицина, большие данные, интернет вещей, искусственный интеллект, блокчейн и другие.

Соответственно государственная политика в области высшего образования направлена на обеспечение «экономики будущего» конкурентоспособными кадрами. Глава государства в своем Послании от 5 октября 2018 года «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни» отметил, что «в высшем образовании будут повышены требования к качеству подготовки в учебных заведениях. Увеличено количество грантов, теперь наступило время усиления ответственности» [1].

В Казахстане вопрос расширения доступа в образовании обозначен в национальных стратегических документах. Главой Государства в программе «Пять социальных инициатив Президента» установлен ряд мероприятий по повышению доступности и качества высшего образования и улучшению условий проживания студенческой молодежи [2].

С 2017 года наблюдается тенденция увеличения государственного образовательного заказа на подготовку кадров с высшим и послевузовским образованием. Сначала почти на 10 тысяч мест, а в 2018 году на 20 тыс. мест. При этом упор сделан на подготовку инженерных кадров в том числе, в области информационных технологий, робототехники, nano-технологий.

Кроме того, в целях расширения доступа к высшему образованию с 2016 года введена норма по повторной сдаче единого национального тестирования, а также зачислению лиц, не набравших пороговый балл до завершения первого академического периода на платной основе.

С 2017 года выделяется 500 мест на подготовительные отделения для усиленной языковой подготовки и 1000 грантов на педагогические специальности естественно-научного цикла для подготовки учителей с английским языком обучения.

С 2018 года предоставляется возможность сдачи единого национального тестирования на английском языке по желанию поступающего.

Продолжается работа по созданию равных условий доступа для студентов с особыми образовательными потребностями. Предусмотрена специальная квота приема для граждан из числа инвалидов, сельской молодежи, сирот и граждан Республики Казахстан из числа молодежи, потерявших или оставшихся без попечения родителей до совершеннолетия. С целью их поддержки расширяются технологии дистанционного образования, открытию онлайн курсов. Активно внедряются для граждан с ограниченными возможностями специальные пандусы, подъемники, лифты.

Мировая практика показывает, что новые цифровые технологии приводят к появлению новых и исчезновению устаревших профессий. В Казахстане с 1 сентября 2018 года осуществляется подготовка кадров по следующим образовательным программам в режиме эксперимента: смарт технологии, компьютерная мехатроника, цифровая гуманитаристика, информатика-робототехника, IT менеджмент, IT аудит, кибербезопасность, информационные системы и большие данные, IT генетика и другие.

Соответственно образовательные программы вузов должны быть ориентированы на конкретные навыки. Сегодня вузы уже переходят на студентоориентированное обучение и образовательные программы, адаптированные под запросы рынка труда. Происходит значительное обновление содержания образования. Вузы получили возможность создавать свои образовательные программы [3].

Также внедрен принцип разработки образовательных программ в привязке к Национальной рамке квалификаций. На сегодняшний день вузы уже разрабатывают различные образовательные программы за счет компонента по выбору, составляющего согласно ГОСО в бакалавриате – 65%, в магистратуре – 85%, в докторантуре – 95%. Это, в свою очередь, позволило повысить мобильность вузов.

При этом работодателям предоставляется возможность участвовать в разработке образовательных программ и определении результатов обучения.

В целом, национальная система высшего образования Республики Казахстан развивается в соответствии с европейскими стандартами и учитывает фундаментальные ценности Европейского пространства высшего образования [4].

Так, Казахстан, являясь 47-й страной-участницей Болонского процесса, за последние восемь лет добился существенных успехов в реализации его параметров.

Во-первых, во всех вузах внедрена трехуровневая система степеней – бакалавриат-магистратура-докторантура PhD.

Во-вторых, разработана национальная кредитная система обучения, сопоставимая с европейской системой трансфера кредитов ECTS.

На национальном уровне разработаны Правила организации учебного процесса по кредитной технологии обучения.

На институциональном уровне казахстанские вузы разрабатывают и утверждают порядок перезачета кредитов по типу ECTS, который является основным документом по применению ECTS в вузе.

В-третьих, в вузах внедряется единое приложение к диплому европейского образца (DiplomaSupplement).

В Казахстане каждый выпускник имеет возможность получить по запросу Приложение к диплому европейского образца на 3-х языках.

В-четвертых, активно реализуются программы академической мобильности студентов и ППС за счет бюджетных и внебюджетных средств.

С 2011 года около 12 тыс. студентов казахстанских вузов обучались в рамках академической мобильности в ведущих вузах мира.

С 2009 года более 7,5 тыс. профессоров было привлечено в казахстанские вузы по программе «Привлечение зарубежных ученых» за счет средств государственного бюджета.

В-пятых, национальная система обеспечения качества разработана с учетом Европейских стандартов и принципов обеспечения качества (ESG), в рамках которой проводится процедура независимой аккредитации вузов и образовательных программ.

В настоящее время аккредитацию осуществляют 8 аккредитационных агентств: 5 казахстанских и 3 зарубежных агентства из Европы.

В 2017 году национальные агентства: НААР и НКАОКО стали полными членами Европейской ассоциации по обеспечению качества в высшем образовании (ENQA) и включены в Европейский реестр обеспечения качества (EQAR).

На сегодняшний день большинство казахстанских вузов прошли институциональную и специализированную аккредитацию.

Деятельность этих аккредитационных агентств позволяет утверждать, что наши вузы осуществляют подготовку кадров в соответствии с европейскими стандартами.

В-шестых, в стране функционирует Национальная система квалификаций.

НСК включает Национальную рамку квалификаций (НРК), отраслевые рамки и профстандарты. НРК создана в 2012 году и обновлена в 2016 году. Казахстанская НРК сопоставима с Европейской рамкой квалификаций.

На базе НРК разработано и утверждено более 20 отраслевых рамок квалификаций и 345 профессиональных стандартов.

Как видим, в условиях глобализации роль и место высшего образования меняются. Общество, бизнес и государство ожидают от университетов участия в инновационных проектах, направленных на результат. Сегодня университеты в своем развитии не могут зависеть только от государственной поддержки и увеличения числа студентов. Университеты должны трансформироваться в предпринимательские организации, ориентированные на получение прибыли, развитие инновационных технологий, поддержку исследовательских проектов и управление ими [5].

Таким образом, государственная политика по модернизации высшего образования Республики Казахстана выстраивается в соответствии с основными приоритетами Европейского пространства высшего образования, а также мировыми трендами высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Послание Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева от 5 октября 2018 года «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни» // Казахстанская правда. – 2018. – 6.10.
- 2 Обращение Президента Республики Казахстан к народу «Пять социальных инициатив Президента» от 5 марта 2018 года // Казахстанская правда. – 2018. – 6.03.
- 3 Омирбаев С.М. Современные тренды академической политики вуза. – А., 2017.
- 4 Ашилова М.С., Бегалинова К.К. Парадигмы современного высшего образования через призму философской методологии // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана», серия «Международные отношения и регионоведение». – 2017. – № 3.
- 5 Ахмед-Заки Д.Ж. Трансформация 3.0 отечественных вузов через создание соответствующего нового правового поля в стране. Быть или не быть полноценной академической и управленческой самостоятельности вузов? – Астана, 2018.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЖОҒАРҒЫ БІЛІМ ЖҮЙЕСІН МОДЕРНИЗАЦИЯЛАУҒА АРНАЛҒАН МЕМЛЕКЕТТІК САЯСАТЫ

Ізбасар А.І.¹

¹Халықаралық бизнес университетінің «Мемлекеттік және жергілікті басқару» мамандығының 2 курс магистранты, Алматы қ., Қазақстан
izbassar_askhat@mail.ru

Бұл мақалада модернизациялау 3.0 және технологиялық тәртіп 4.0 ге көшу жағдайында Қазақстан Республикасының жоғары білім беру жүйесін жаңғырту бойынша мемлекеттік саясатты айқындайды. Талдау көрсеткендей, «жасыл экономика» мен өндіріс орындарын кадрлармен қамтамасыз ету үшін жоғары білім саласындағы мемлекеттік орган қажетті нормативтік құқықтық актілердің дайындалғандығын көрсетеді. Университетке берілген академиялық және басқарушылық тәуелсіздік түлектердің бәсекеге қабілеттілігі үшін жоғары оқу орындарының жауапкершілігін айтарлықтай арттырады.

Тірек сөздер: мемлекеттік саясат, жоғары білім беруді жаңғырту, жоғары оқу орындарының оқу, академиялық және басқару тәуелсіздігі.

Статья поступила 19.3.2019

THE PRESENCE AND INFLUENCE OF CHINESE DIASPORA IN SOUTHEAST ASIA

Makulbayev A.A.¹

¹graduate student of the specialty «6M020900- Oriental studies»
KazUIRandWL named after Ablai khan, Almaty, Kazakhstan
agylzhan@mail.ru

The article deals with the position of the Chinese Diaspora in Southeast Asia and their effect on the formation of a peaceful environment in the region. The author reveals the main types of conflicts and determine the factors that shape the complex contradictions between communities of overseas Chinese in Southeast Asia and the local population on the state and municipal levels.

Keywords: Southeast Asia, the Chinese Diaspora, huaqiao, the economy, the political processes, China, migration, investment, business, politics.

УДК 327.2

МРНТИ 11.25

ПРИСУТСТВИЕ И ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Макулбаев А.А.¹

¹магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
специальность «6M020900 - Востоковедение»
Алматы, Казахстан
agylzhan@mail.ru

В статье рассматривается положение китайских диаспор в Юго-Восточной Азии и их влияние на формирование мирной обстановки в странах региона. Раскрыты основные виды конфликтов и определены факторы, формирующие комплекс противоречий между сообществами зарубежных китайцев в Юго-Восточной Азии и местным населением на государственном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, китайская диаспора, хуацяо, экономика, политические процессы, КНР, миграция, бизнес, инвестиций, политика.

Китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии играет важную роль в распространении китайского культурного, политического и экономического влияния в регионе. Хуацяо сохраняют свою самобытность и свое культурное наследие и являются одним из ключевых факторов влияния Китая – державы, претендующей на лидерство в АТР [1]. Численность китайского населения, проживающего за пределами Китая, составляет 40 миллионов человек, в том числе в странах Юго-Восточной Азии она превышает 30 миллионов. Влияние китайской общины в мире велико, но именно в Юго-Восточной Азии она проявляет себя наиболее активно. Пекин стремится укреплять связи с хуацяо. Именно «зарубежные китайцы» в период с 1980 по 1990 годы оказали существенную помощь экономическим реформам в КНР. До 1979 года именно китайская диаспора играла важную роль в отношениях Китая со странами Юго-Восточной Азии, хотя эмиграция из КНР ограничивалась политическими методами.

Правительство КНР стремилось использовать китайцев, проживающих за рубежом в целях укрепления внешнеполитических позиций государства, продолжая считать их своими гражданами. Однако в странах Юго-Восточной Азии проблема гражданства китайцев носила острый характер, особенно в период «культурной революции» в Китае, когда китайское руководство объявило всех китайцев, проживающих за рубежом составной частью населения КНР, что привело как к прокитайским выступлениям, так и к осуществлению в государствах Юго-Восточной Азии специальных мер по ограничению экономической и иной деятельности китайского населения. Энтони Рейд отмечает, что в Таиланде, Малайзии, на Филиппинах националистические действия стали реакцией на национализм китайской диаспоры. С конца 1960-х годов руководство КНР демонстрирует способность оперативно реагировать на ситуацию, в частности выражая готовность пойти на ликвидацию статуса «двойного гражданства». В свою очередь, китайскую общину, проживающую за рубежом, призывали соблюдать местные законы и обычаи. Первый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю вспоминает, что начиная с 1969 года КНР стала требовать, чтобы посетившие страну китайцы обращались за визами, тогда как до того их въезд в Китай был свободным. Правительство КНР поняло, что, если Китай хотел установления нормальных дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии, в которых проживали китайцы, то ему было необходимо отказаться от принципа «закона крови» (*jus sanguinis*), согласно которому любой человек, имевший отца-китайца, автоматически становился китайским гражданином. Для того чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений китайские власти распустили Канцелярию Госсовета КНР по делам китайцев, проживающих за рубежом (по словам Чжоу Эньлая, чтобы «отбить у них (зарубежных китайцев) охоту поразмышлять о возвращении в Китай», хотя уже через 3 года Канцелярия была восстановлена), а Конституция КНР 1975 года уже не предусматривала право заграничных китайцев иметь своих депутатов во Всекитайском Совете Народных Представителей (ВСНП), что раньше вызывало негативную реакцию правительств государств, где проживали хуацяо. В 1980 году в КНР был принят Закон о гражданстве, сочетавший «принцип крови» и «принцип почвы» и не признававший «двойного гражданства». Устранение проблемы «двойного гражданства» существенно снижало напряженность в отношениях между странами Юго-Восточной Азии и КНР, а также между хуацяо и местным населением. На рубеже 1970-80-х годов (с началом проведения курса «четырёх модернизаций»), когда КНР начинает сближение с Западом, происходит постепенное налаживание экономического сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и, прежде всего, с китайской диаспорой, в помощи

которой правительство КНР было заинтересовано. С 1979 года Китай приступил к гибкой политике активного привлечения инвестиций хуацяо на материк. Ставка на экономически мощную китайскую диаспору, на укрепление контактов с зарубежными партнерами из числа хуацяо позволяет расширять сотрудничество КНР с другими странами в различных областях – экономической, культурной, научно-технической, военно-стратегической. А. Борисова выделяет четыре причины, по которым китайцы, проживающие за рубежом, активно вкладывают капитал в экономику КНР: рост экономики Китая, особенно в южных районах, откуда родом предки многих хуацяо; огромный потребительский рынок КНР; знание зарубежными китайцами языка, местных условий, психологии своих партнеров на континенте, наличие родственных связей; стабильность политической и социальной обстановки в КНР, улучшение условий для капиталовложений, совершенствование их правового обеспечения, упрощение процедуры регистрации предприятий с участием зарубежного капитала.

В то же время, стоит отметить, что положение китайской диаспоры в разных странах региона отличается [2]. Если в Индонезии азиатский кризис 1997-1998 гг. привел к выступлениям и волнам насилия, направленным против китайского населения страны, став формой выражения социального протеста бедных индонезийцев против зажиточных китайцев, занимающихся преимущественно торговлей и ростовщичеством, то в Таиланде тогдашний премьер-министр Чавалит Йонгчаюд был вынужден принести извинения за то, что назвал китайских бизнесменов «национальной проблемой». В Малайзии китайская община по Конституции, не обладает правами коренных жителей (бумипутра), хотя, по мнению исследователя Хван Ин Вона, китайцы в Малайзии, «получали то, о чем остальные хуацяо в Юго-Восточной Азии могли бы только мечтать – равное гражданство, участие в политической и управленческой деятельности, широкие экономические возможности, и терпимость к языку, религии, и культурным институтам». Его позиция контрастирует с мнением Хью Льюиса, который считает, что в отношении к китайской общности со стороны малайцев была предпринята дискриминация в силу высокого имущественного положения китайцев относительно малайцев. В данном случае следует констатировать, что у экспертов нет общего мнения по вопросу правовой защищенности хуацяо. Местные сообщества стран Юго-Восточной Азии крайне неохотно принимают представителей китайской диаспоры в качестве участников властных структур, и деятельность этнических китайцев, как правило, ограничивается сферой бизнеса. Население Таиланда (в особенности мусульмане) высказывают недовольство тем, что граждане тайско-китайского происхождения контролируют экономику и бизнес.

Но, во-первых, китайская община Таиланда включает в себя не только бизнесменов, но и журналистов, чиновников, профессоров. А во-вторых, тайские власти понимают, что у их страны нет иного выбора, как «встретить Китай с распростертыми объятьями». Для Таиланда КНР стал ключевым торговым партнером. В 2010 году внешнеторговый оборот двух стран достиг 40 миллиардов долларов, и правительство Таиланда прогнозирует удвоение объемов экспорта в Китай в течение трех ближайших лет. В самом Таиланде 76% опрошенных отнесли Китай к дружественному государству.

Наконец не стоит забывать, что этнические китайцы в Индонезии и Таиланде подвергались официальной (временами довольно жесткой) политике ассимиляции, и, как результат, многие из них (особенно проживающие на острове Ява) не говорят на китайском языке. Хуацяо стали менее охотно интегрироваться в культурный мир стран региона, хотя еще не так давно они подчеркивали свое стремление стать членами тайского, кхмерского, индонезийского сообществ: женились на местных женщинах, учили местные языки, брали местные фамилии. Новые китайские иммигранты не стремятся к интеграции в местные социумы, часто не учат местные языки, живут в достаточно замкнутых национальных сообществах. Более того, на фоне успехов Китая в экономике и укрепления его политических позиций в регионе растет китайский национализм и уверенность в том, китайский юань станет валютой стран региона, а китайский язык – общепринятым средством коммуникации в рамках формирующегося общего рынка стран Юго-Восточной Азии и КНР. Если учесть, что китайцев в Юго-Восточной Азии более 30 миллионов человек, и они доминируют в экономике стран региона, то очевидно, что существует проблема интеграции китайцев в сообщество Юго-Восточной Азии, и хуацяо (при содействии руководства КНР) скорее приложат все силы на ускорение интеграции КНР и стран АСЕАН, чем на внутрирегиональное сближение. Как отмечает профессор Д.Мосяков, Китай всеми силами стремится показать, что он: а) азиатская страна, которая на равных разговаривает со своими азиатскими партнерами; б) лучше, чем Запад, понимает проблемы стран ЮВА и готов во многом бескорыстно прийти им на помощь в случае возникновения непредвиденных проблем; в) и культурно, и ментально Китай и страны ЮВА представляют собой общий мир азиатских ценностей, противостоящих Европе, США и в целом Западу [3-4]. В 2008 году объем торговли КНР со странами АСЕАН достиг 231 миллиарда долларов, выйдя на 3 место после США и Японии. Оказание финансовой помощи, предоставление субсидий и беспроцентных кредитов является важным элементом «мягкой силы» КНР, направленной на изменение представлений о Китае в странах Юго-Восточной Азии. Важно отметить, что Китай добился успехов

в государствах с авторитарными режимами, такими как Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам.

Безусловно, китайская диаспора может оказаться весьма эффективным инструментом не только в утверждении в регионе образа КНР как миролюбивой и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного поведения, но и в развитии усилий по дальнейшему упрочению экономической интеграции и утверждению культурного влияния Среднего государства в Юго-Восточной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Борисова А. Зарубежные китайцы // Азия и Африка сегодня. - 2002. - № 5.
- 2 Ларин А. Китай и китайская диаспора // Азия и Африка сегодня. - 2007. - № 10.
- 3 Мосяков Д. Новые тенденции в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. - 2006. - № 1.
- 4 Мосяков Д. США – Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. - 2007. - № 7.

ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС АЗИЯДАҒЫ ҚЫТАЙ ДИАСПОРАСЫНЫҢ ТҰРУЫ ЖӘНЕ ЫҚПАЛЫ

Макулбаев А.А.¹

¹Қазақ Абылай хан атындағы ХҚжәне ӨТУ
«6М020900 - Шығыстану» мамандығының 2-курс магистранты,
Алматы, Қазақстан, agylzhan@mail.ru

Мақалада Оңтүстік-Шығыс Азиядағы қытайлық диаспоралардың жағдайлары және олардың аймақтағы бейбіт жағдайды қалыптастыруға әсері талқыланады. Жанжалдардың негізгі түрлері анықталды және Оңтүстік-Шығыс Азиядағы шетелдік қытай қауымдастықтарының және мемлекеттік және муниципалдық деңгейлердегі жергілікті халықтың арасындағы қайшылықтардың кешенін қалыптастыратын факторлар анықталды.

Тірек сөздер: Оңтүстік-Шығыс Азия, Қытай диаспорасы, құқық, экономика, саяси үдерістер, ҚХР, көші-қон, бизнес, инвестиция, саясат.

Статья поступила 17.3.2019

UDC 327
IRSTI 11.25.31

RELATIONS OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN AND THE UNITED STATES OF AMERICA AND THEIR INFLUENCE ON THE US FOREIGN POLICY

Smirnova E.A.¹

¹Master 1 course, UIB, Almaty, Kazakhstan,
china_mievville@list.ru

Economic sanctions have had an obvious impact on the Iranian economy: for example, a sharp decline in trade, a sharp increase in unemployment, a freeze on foreign assets and a sharp decline in oil revenues. In 2013, a more open and reform-oriented regime came to

power. All these factors contributed to the fact that the Islamic Republic of Iran was ready to sit at the negotiating table.

Keywords: Sanctions, foreign policy, nuclear program

The history of economic sanctions as a tool of foreign policy is almost 2500 years old. The first known implementation of these punitive measures by one country against another was in 432 BC, when Athens imposed a trade embargo on the city-state of Megara. The most commonly used explanation of the term is that “sanctions are political tools used by governments to influence other governments and / or firms and citizens in other countries.” Thus, economic sanctions are defined as “restrictions on commercial relations between citizens and firms of at least two countries”.

Unfortunately, these simple and at the same time almost comprehensive explanations sometimes mislead researchers, focusing their attention only on the relationship between the authorizing state (the sender) and the sanctioned country (goal). As a result, they limit the range of factors determining the success or failure of sanctions in relation to such parameters as the sender’s political elite’s ability to implement punitive measures, the potential economy of an authorized country to mitigate possible negative consequences, the ability of the target country’s government to ensure the loyalty of its population, etc. At the same time, the role of third countries, the international situation and international cooperation are often underestimated, but in the era of globalization these aspects have gained special significance. Thus, according to some researchers, at present economic sanctions can work effectively only in a situation with international consensus, ensuring their implementation or, at least, with the support of major international players and trading partners of the sanctioned country.

The international situation is a particularly important factor for US sanctions against the Islamic Republic of Iran. Since 1979, economic cooperation between the United States of America and the Islamic Republic of Iran (IRI) has been minimal [1, p. 31]. As a result, the United States of America could use its influence on the economy of the Islamic Republic of Iran only through interaction with the international community (using punitive measures and incentives to limit its ability to cooperate with the Islamic Republic of Iran). The Islamic Republic of Iran, in turn, can also mitigate the negative impact of the sanctions of the United States of America, mainly by creating an appropriate system of international relations [2, p. 21]. Under these conditions, the following factors are vital for the emergence of opportunities for circumventing US sanctions:

1. Attitude of the main trading partners of the Islamic Republic of Iran to the sanctions of the United States of America
2. Willingness of American partners to uphold the sanctions of the United States of America and put into practice their own punitive measures

against the Islamic Republic of Iran

3. The existence of so-called “black knights” is a term that some researchers apply to countries that are less important trading partners of a targeted state, but can use punitive measures as a “profitable opportunity” to increase their presence in the markets of an authorized country, since the players leave and, thereby, mitigate the negative effect of punitive measures [3, p. 70].

Punitive measures taken by the authorities of the United States of America in 2010 were not the first sanctions imposed by Washington against the Islamic Republic of Iran [4, p. 15]. The history of the United States sanctions against the Islamic Republic of Iran began 30 years ago. In accordance with existing laws, Americans were prohibited from importing any goods produced in the Islamic Republic of Iran into the United States of America directly or through other countries. The export of American goods and services to the Islamic Republic of Iran was also banned [5, p. 22]. Citizens of the United States of America did not have the right to participate in direct or indirect trade and economic activity with the government of the Islamic Republic of Iran. American companies were not allowed to acquire and trade in oil and petrochemical products produced in the Islamic Republic of Iran [6, p. 80]. They were also forbidden to provide engineering services to Iranian firms or to provide them with modern technology.

By 2010, any financial activity between the United States of America and citizens of the Islamic Republic of Iran was banned [7, p. 55]. This is primarily due to US investments in the oil and gas sector, the petrochemical industry and projects aimed at developing the economic infrastructure of the Islamic Republic of Iran. The financial institutions of the United States of America were not allowed to service the accounts of Iranian public and private organizations or individuals, issue letters of credit to them, grant them loans or make deposits in Iranian banks. American financial institutions could not participate in any transactions related to Iranian capital, or carried out through Iranian banks [8, p. 90].

The sanctions of the United States of America were also quite strict regarding countries that have trade and economic relations with the Islamic Republic of Iran. Foreign companies and individuals (with some exceptions) were prohibited from participating in the re-export of American goods to the Islamic Republic of Iran [9, p. 125]. Otherwise, they may face certain restrictions on the export of goods and services from the United States of America. Such a ban implied that citizens of the United States of America, regardless of their location, cannot be intermediaries, guarantors or insurers in trade transactions between representatives of the Islamic Republic of Iran and citizens of any other country. American citizens or companies were prohibited from engaging in trade with any country if they knew or suspected that their goods could be re-exported to the Islamic Republic of

Iran or used to produce another product that would be sold to a presumptive state [10, p. 44]. The only exception to this rule was made for substandard products or outdated technologies supplied to developing countries.

One of the most important acts that allowed the American authorities to become involved in relations between the Islamic Republic of Iran and third countries was the 1996 Law on Sanctions against the Islamic Republic of Iran and the State of Libya [11, p. 89]. This document forced the President of the United States of America to act against foreign companies that invested more than \$ 20 million during the 12-month period in the development of Iranian oil and gas fields. If any such organization violated the 1996 act [12, p. 12], the US government will have the right to impose at least two of the following six punitive measures:

1. To ban the Export-Import Bank of the United States of America to grant infringing legal entities loans for the export of American goods
2. Extract export license for military or dual-purpose technologies from the intruder
3. To prohibit financial institutions in the United States of America to provide loans to the violator more than \$ 10 million for any 12-month period
4. To prohibit foreign financial institutions in violation of the act of being dealers in government bonds of the United States of America (the violator may also lose his right to be a depositary of government financial assets of the United States of America [13, p. 36])
5. Prohibit public purchases from the offender
6. Limit the ability of the violating company to import goods into the United States of America.

However, the sanctions of the United States of America against the Islamic Republic of Iran, which existed until 2010, had a number of shortcomings. As a result, punitive measures taken by the US government can be considered strict only in theory. The new law on sanctions, signed by Barack Obama in 2010, had to improve the situation for several reasons [14, p. 47].

First, earlier laws establishing sanctions against the Islamic Republic of Iran were filled with gaps, which prevented the United States government from putting effective economic pressure on the Islamic State of Iran [15, p. 78]. For example, the concept of prohibited “investments” does not include the sale of equipment for the Iranian oil and gas industry or petrochemical plants. This, in turn, has created problems for the achievement of the main goal, which impedes the development of the oil, livestock and chemical sectors, which are the basis of the Iranian economy. In the period 2006-2010. The United States of America managed to convince oil companies from Western Europe to stop selling the necessary equipment to Iran [16, p. 85]. However, the United States of America could not do the same with companies from Eastern Europe (the most active were companies from

Romania, Hungary and the Republic of Belarus) and the Far East.

Even US companies found loopholes in the sanctions and, thus, contributed to the leakage of funding and technology to the Islamic Republic of Iran. The main opportunity for circumventing sanctions was created due to the lack of a law that would prohibit affiliates and subsidiaries of US firms registered in third countries from doing business with the Islamic Republic of Iran [17, p. 23].

The situation changed in July 2005, when Mahmoud Ahmadinejad, the mayor of Tehran, became president of the Islamic Republic of Iran. By that time, he had developed the reputation of a supporter of tough domestic and international politics, Khomeini. Immediately after his inauguration in August 2005, he proclaimed the indisputable right of the Islamic Republic of Iran to develop nuclear technologies and resumed the previously suspended work on uranium enrichment [18, p. 74]. Subsequently, the new president took a number of demonstrative steps, including reviving the old revolutionary slogan “Death to Israel and the United States.” In response, the Americans adopted the “Law on the Support of Freedom in the Islamic Republic of Iran” of 2006 [19, p. 11], in which it was proposed to provide subsidies and allowances to dissident movements of the Islamic Republic of Iran, as well as to support independent TV channels and radio stations that are seeking a peaceful transformation of the regime and criticizing the nuclear position of the Islamic Republic of Iran.

By now, it is obvious that the sanctions adopted by the United States of America in 2010, as well as the punitive measures taken by the American partners against the Islamic Republic of Iran, turned out to be less effective than originally expected [20, p. 140].

At the same time, the United States intends to continue to impose tougher sanctions.

On the other hand, unfulfilled threats can have negative consequences. If the sanctions fail to achieve their goal, there will be a serious threat to the nuclear non-proliferation regime in the region. Moreover, this threat will not necessarily come from the Islamic Republic of Iran.

REFERENCES

- 1 Беккин Р. Иран: опыт исламизации экономики// Религия и общество. Центральная Азия и Кавказ.- 2006. - № 4(46).
- 2 Трассиволос Н. Маркетос Геополитическая стратегия Ирана в борьбе между США, Россией, и Китаем за геостратегический контроль над Евразией ради обеспечения энергетической безопасности // Энергетически политика и энергетические проекты. Центральная Азия и Кавказ. – 2009. - №4-5(64-65).
- 3 Беляев И.П. Узел американо-иранских проблем // США: экономика, политика, идеология. – 1980. - № 2.
- 4 ИРАН: история и современность // Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой; Сост. И.Е. Федорова, Л.М. Раванди-Фадаи. – М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014 .

5 Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). - М.: РУДН, 2012.

6 Мамедова Н.М. Санкционный режим в отношении Исламской республики Иран и его влияние на ситуацию в стране // Сборник статей ИБВ РАН6 Санкции и их влияние на Иран. – М., 2012.

7 Юрченко В. Политика санкций Соединенных Штатов Америки в отношении Исламской Республики Иран // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. - №.4.

8 Ушаков В.А. Иранская внешняя политика накануне XXI-го века. // Ближний Восток и современность.- М. 1998.

9 Дарабади П. Каспийский регион в международно-геополитической системе начала XXI века // Геополитика. Кавказ и глобализация. – 2010. - Том 4. Выпуск 1-2.

10 Гольцев А.В., Сухих Е.А. Логика развития ядерной политики США в отношении Исламской Республики Иран // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». – 2018. - № 3.

11 Katzman K. Iran: U.S. concerns and policy responses (prepared for members and committees of congress). - W.: Congressional research service, 2010.

12 Maloney S. Why “Iran Style” Sanctions Worked Against Tehran (And Why They Might Not Succeed with Moscow) [Electr.resources]. – Access mode: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2014/03/21/why-iran-style-sanctions-worked-against-tehran-and-why-they-might-not-succeed-with-moscow>. – Accessed 12.02.2019.

13 Арабаджян А. Иранская революция: причины и уроки // Азия и Африка сегодня. – 1986. - № 4.

14 Устинов Р.А. Эффективность санкционного режима в отношении Ирана // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2011. - № 2.

15 United Nations security council sanctions on Iran // Congressional Record. U.S. Senate. Congress 110th. Session 2nd. 2008. March. Vol. 154, № 37. - Wash.: U.S. gov. print. off., 2008.

16 Федорова И.Е. Отношения Соединенных Штатов Америки и Ирана во второй половине 90-х годов // Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1998.

17 Ушаков В.А. К вопросу о возможности восстановления отношений между Ираном и США // Ближний Восток и современность: сб. науч. ст. - М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.

18 Носов М.Г. США и Иран: перспективы взаимоотношений // США. Канада: экономика, политика, культура. выпуск 6. – М., 2003.

19 Baczynska G. EU prolongs sanctions on Iran over human rights violations [Electr.resources]. – Access mode: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-eu/eu-prolongs-sanctions-on-iran-over-human-rights-violations-idUSKBN17D1U1>. Accessed 13.01.2019.

20 Izadi A. Economic sanctions against the Islamic Republic of Iran. From the human rights perspective // School of Law – Xiamen University China [Electr.resources]. – Access mode: http://www.law.ntu.edu.tw/aslea2014/file/Arash%20Izadi_AsLEA%202014.pdf. Accessed 18.01.2019.

ИРАН ИСЛАМ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЖӘНЕ АМЕРИКА ҚҰРАМА ШТАТТАРЫНЫҢ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСЫ ЖӘНЕ СЫРТҚЫ САЯСАТ КУРСЫНА ҚАТЫСУ

Смирнова Е.А.¹

¹1 курс магистранты, UIB
Алматы, Қазақстан, china_mieville@list.ru

Экономикалық санкциялар Иран экономикасына айтарлықтай әсер етті: мысалы, сауданың күрт төмендеуі, жұмыссыздықтың күрт өсуі, шетелдік активтерге тыйым салынуы және мұнай табыстарының күрт төмендеуі. 2013 жылы билікке бұрыңғыдан ашық әрі реформаларды өткізуге дайын режим келді. Осы факторлардың барлығы Иран Ислам Республикасының келіссөз үстеліне отыруға дайын болуына ықпал етті.

Тірек сөздер: санкциялар, сыртқы саясат, ядролық бағдарлама.

ОТНОШЕНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС США

Смирнова Е.А.¹

¹Магистратура 1 курс, UIB
Алматы, Казахстан, china_mieville@list.ru

Экономические санкции оказали очевидное влияние на экономику Ирана: например, резкий спад в торговле, резкий рост безработицы, замораживание иностранных активов и резкое сокращение нефтяных доходов. В 2013 году пришел к власти более открытый и настроенный на реформы режим. Все эти факторы способствовали тому, что Исламская Республика Иран была готова сесть за стол переговоров.

Ключевые слова: Санкции, внешняя политика, ядерная программа

Статья поступила 21.2.2019

UDC 327 + 37
IRSTI 11.25.59

PROBLEMS OF FORMING SINGLE IDENTITY IN EUROPE

Zholamanova A.Zh.¹

¹Master Student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,
Specialty «6M020200-International Relations»,
Almaty, Kazakhstan

The article addresses the problems of forming a single identity in Europe. Since the formation of European Union (EU) the question of self-identification has become a topical issue all around Europe. The problem of identity exists not only in Europe, but it is also relevant all around the world. The main reason for this problem is globalization process due to multiculturalism and active migration process. Europeans hoped to avoid the problem of national identity in the first decades after world war II. But as a result of immigration and the growth of cultural diversity, multiculturalism, everyone had to face this problem. The emergence of interest in the problem of identity was a natural consequence of the multi-vector nature and complexity of the development of such political education as the EU. Being formed on the basis of certain objective reasons, collective identities are expressed

in various features of the life of a particular group of people. In this regard, much attention is paid to the identification of citizens of national states as EU citizens. The problem of national identity, which has long attracted the attention of social scientists, is of particular interest today.

Keywords: identity, national identity, culture, globalization, Europe.

It is impossible to clearly identify the content of European identity. Its bearers are sometimes markedly different from each other, and it is no accident that sometimes it is argued that European identity is nothing more than a myth. However, at the level of public opinion and from the point of view of the majority of representatives of the expert community, European identity as a result of the spiritual evolution of the modern era is an established fact. It is identified, albeit with various reservations, with the values of individual rights, democracy, tolerance, secularity and openness of society. These universal meanings of the common European identity are with the identities of the citizens of specific countries of the Union in complex relations, sometimes additions, and sometimes negations. Today, the self-consciousness of Europeans in General and in their national forms of existence takes on challenges. The most significant threats come, first of all, from the opposite, but equally noticeable phenomena: the processes of globalization and trends in the development of society in the postmodern stage.

Speaking about globalization, it is worth noting that its manifestations are very multifaceted, and it is difficult to fix them unambiguously. That is why the description of this phenomenon uses the concepts of globalization, globalism, internationalization, etc. In these terminological variations one can guess the desire of specialists to dissolve the understanding of globalization as an objective trend and as a certain project, the author of which is often called the United States. After all, according to a common and well-founded opinion, the world is not integrated taking into account the interests of all States, but is essentially Americanized. The US owns almost 50 % of the world market in many industries. More than half of all business activity in the world is controlled by America, or at least is carried out under its influence ... America is significantly ahead of all other countries in size and power of the economy, the efficiency of capital markets and leads by a huge margin in trade on the Internet. In the face of growing competition in the world, this gives the US great advantages [1].

The spread of globalization is due to the efforts of individuals who interpret their goals in their own way, and the nature of these interpretations may be very different in each case. For example, the motivation of “Doctors without borders” volunteers and owners of transnational corporations is not just different, but is in relation to each other alternative. Therefore, the consequences of globalization processes cannot be unambiguous [2]. On the one hand, we can state the simplification in communication, social

mobility, increasing the efficiency of production, trade, scientific and technical creativity. On the other hand, there is a growing gap between rich and poor countries, disregard for the national interests, and often for the territorial integrity of States and their sovereignty. These are manifestations of globalization, but what is its essence?

It, as well as the essence of any object, is clarified in the process of creating a model in which only its attributes are fixed, and, to the utmost extent of their severity. As a result of the application of this logical algorithm, globalization appears as a constant process of creating a single humanity by leveling the originality of its components, unification of standards of different communities and, thus, overcoming the fragmentation of social space. The requirement of uniformity of rules in the sphere of material production and consumption, in politics and law, finally, in the sphere of spiritual culture – this is the main vector of globalization. On the scale of European integration, regardless of the intentions of specific representatives of the elite, the processes of globalization lead to the Erasure of national characteristics and to the formation of a “European in General” [3]. This is facilitated by the fact that European countries, in addition to being involved in the global integration processes after the creation of the European Union, have also received effective institutional restrictions on their independence – the European Council, the European Commission, the court of Justice of the European Union, the European Parliament, etc.

Such a judgment seems controversial. If we consider the impact of external global factors on European States, it is inevitable that the values of European culture, as before, retain their influence. If we talk about the consequences of European integration as a particular case of globalization, it is necessary, first, to remember – European identity is just conceived as a Supplement to the national identity, and, secondly, to recognize – national customs and laws of various European States are still regulators of social interactions. Therefore, representatives of the political elites of the European Union, declaring their commitment to the common European goals, often still give priority to the interests of their states. And although polls show that a significant proportion of young Europeans having a fairly high educational status, occupied in the sphere of intellectual labor, prefer in the first place to consider themselves as Europeans and only then representatives of a particular nationality total loss of identity of the population of particular European countries seems to be not yet been observed.

This, at first glance, is so, if only because any single manifestation of sociality is an interweaving of the most diverse, mutually complementary, penetrating, negative trends. Accordingly, attempts generalizations will always remind the “Procrustean bed” artificial schematically. But it should be borne in mind that it is on the way of logical procedures, of course, simplifying reality, it is possible to approach the understanding of the

essential orientation of all that is happening. And this direction, as it was said above, is a movement towards uniformity, however, to such uniformity, within which a certain measure of differences is allowed. Representatives of various institutions of the European Union, declaring respect for the sovereignty of the member States, if necessary, to protect political interests are ready, for example, in the field of energy to act very decisively, not really taking into account the interests of individual countries.

Another threat to the identity of the modern European, at least in the form it still retains, is the process of spreading postmodern values. Questioned was posed intellectual and cultural ties of all claims to global dominance of Euro-Atlantic civilization. Recognizing that the postmodern picture of the world in many respects does not correspond to the cultural European tradition and at least for this reason creates problems of former European identity, nevertheless we will notice: the postmodern trend interpreted by many as loss of something very important, not only the project of modern intellectuals, it is a manifestation of certain objective laws. But if the vector of globalization is aimed at the ultimate unification of the mental, symbolic and activity components of culture, the spiritual atmosphere of the postmodern era, on the contrary, creates the prerequisites for their fragmentation and diffusion, and, ultimately, to the destruction of the former identity. Postmodern conceptualizations reflect the process of formation of a spontaneously acting individual – no one and no limited Creator of subjective and, consequently, relational meanings. Any form of its activity is nothing more than a game in which the rules are arbitrary and changeable, and the field of play – only simulation or, that is the same, simulacra. Time of metanarratives has passed, and the world has lost the core.

Phenomenological perspective of the consequences of this drift shows that there is a revision of the fundamental constants of culture and it is noteworthy that the source of these transformations are the values of European identity. The effect of the algorithm of history is observed: the actual form of cultural identity in itself prepares the prerequisites for its destruction and replacement. How logical was the birth of modernity as a result of the evolution of some of the meanings of pre-modern, so predictable was the role of modernity as the womb in which postmodern was endured. After all, the values of freedom, individual rights, democracy, tolerance, secularity and openness of society as fundamental values of European identity, having received a hypertrophied form of expression, prepared the birth of something new and unpredictable.

For example, the value of tolerance towards national minorities in the face of people from the Middle East has resulted in the diminution of the rights to sovereignty of their territorial borders, involuntary and often illegitimate consent to the existence of national enclaves within countries. In

this regard, experts note: “the Existence in Europe of such an Islamic “parallel society”, which actively requires more rights for itself (up to the recognition of Islam as an official status on a par with Christian denominations), is perceived by the population of European countries as a potential threat to their own identity, as it calls into question the existing system of values” [4]. Tolerance in the sphere of religious relations has been the reason for some restrictions on the public performance of Christian rites and the large-scale expansion of Islam. State and public support for sexual minorities, the active practice of granting them a full range of legal rights, has led to a change in the configuration of family relations, the transformation of the individual’s gender identity [5].

Being the core of the European identity, tolerance simultaneously threatens its preservation as some stable integrity. Tolerance potentially contains denial of the fixed identity of the subject to itself and releases the channel of a continuous stream of creative creation of new and new identities. The truth is that free creativity here presupposes readiness for tolerance of all subjects of interaction. For example, not only educated and wealthy Europeans should be tolerant of illiterate and poor immigrants from Africa and the Middle East. And those, in turn, should show their willingness to accept local residents in their “otherness” [6]. Not only representatives of cultural denominations should be open to dialogue with Gentiles and non-believers, but they should also be ready to listen and understand Christians. An attractive image of the Other can then perform a different role – to discover the wealth of possible identities”. Otherwise, the scenario is realized, and the desire to implement it, we are already seeing in which the identity of each will be maintained by leaving the ghetto, by radical and aggressive denial of the identity of the other [7].

The immanent presence of these two counter processes in the historical process is an attempt to connect the necessary constants of social life – integration and autonomy. The total assertion of the first vector of development in the future leads to the assimilation of all the diverse components of human culture, the dominance of the second is the way to the endless fragmentation of the whole and, ultimately, to the loss of this integrity. These threats are quite real and, as mentioned above, they are relevant not only for European identity. One can only hope that the way to find the optimal combination of integrity and the desire to preserve and enhance identity will be found, and the new identity acquired on the basis of this harmonious unity will serve as an incentive for further social development.

Today the world is on the threshold of many unresolved problems of global and regional scale. It is becoming increasingly difficult to regulate global political, economic, cultural and other processes, which often undermine the stability of normal international cooperation, as well as the functioning of individual States and the development of their regions.

Unfortunately, the uncontrolled flow of information, called “information war”, presents daily negative information that becomes the tragic reality of the modern world order [8]. This all generates latent chaos in the public consciousness, manifested in the deformation of the mind and value orientations against the background of globalization and resulting in various discontent, demonstrations and protests against the current state structure and the world order as a whole. Such actions are fed at the regional or state level not only from the outside, but also from within. All this creates favorable conditions for the prosperity of such a problem as separatism, which creates an abundance of acute problems in the life of not only developing countries, but also developed, and especially European, while carrying a threat to the entire European security as a chain reaction.

Summarizing the above, we note that the test of the identity of European culture by the processes of globalization and the values of postmodernism is not a unique phenomenon. Globalization is not a sign only of our time, its individual features reveal themselves, for example, in the centripetal forces of the great empires. In principle, any integration processes taking place in large areas and involving large masses of people can be considered as globalization phenomena. Another thing is that the peculiarity of its modern stage is that it no longer has, as it was before, limited localization, but acquires, as follows from the meaning of this word, a global scale. And some features of postmodernism as a process of revision of previous worldview paradigms and creation in their place of alternative versions of meaning can be found in the past. Each era has its own postmodernism.

REFERENCES

- 1 Cherribi O. The Growing Islamization of Europe // *Modernizing Islam: Religion in the Public Sphere in the Middle East and Europe*. - New Brunswick, 2003. - P. 195.
- 2 Kupchan Ch. Immigrants Change Face of Old Europe // *Los Angeles Times*. - 2004. - P.34.
- 3 Savage T. Europe and Islam: Crescent Waxing. Culture Clashing // *The Washington Quarterly*. - 2004. - Summer. - P. 26; Islam, Islamism and Islamophobia in Europe // *Report Committee on Culture, Science and Education, Parliamentary Assembly*. - Council of Europe. - P. 10.
- 4 Schimmelfennig F. Integration Theory // *Research Agenda in EU Studies. Stalking the Elephant* / ed. By M. Egan, N. Nurgent, W.E. Paterson. - L., 2010.
- 5 Bissembayev B. The Kazakhstan diaspora in Russia: the proportion of the population census of Kazakh people in Russia // *Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана*, серия “Международные отношения и регионоведение”. - 2017. - № 3. /жол
- 6 Райымбекова А. Халықаралық қақтығыстарды реттеудегі медиаторлық қызмет // *Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана*, серия “Международные отношения и регионоведение”. 2018. - № 3. - 81-85 бб.
- 7 Исқалиев М. Рухани жаңғыру және қазақтың шешендік өнері // *Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана*, серия “Международные отношения и регионоведение”. - 2018. - № 2. - 93-97 бб.
- 8 Крестинина Е.Р. Формирование европейской политической идентичности в контексте европейской интеграции // *Идентичность как предмет политического анализа*. - М.: ИМЭМО, 2011. - P. 107-111.

ЕУРОПАДАҒЫ БІРЫҢҒАЙ БІРЕГЕЙЛІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Жоламанова А.Ж.¹

¹Абылай хан ҚазХҚжӘТУ магистранты
Мамандық «6М020200 - Халықаралық қатынастар»
Алматы, Қазақстан

Мақалада Еуропада бірыңғай бірегейлікті қалыптастыру мәселелері қарастырылады. Еуропалық Одақ (ЕО) құрылған сәттен бастап өзін-өзі сәйкестендіру мәселесі бүкіл Еуропада өзекті болды. Бірегейлік проблемасы Еуропада ғана емес, бүкіл әлемде де өзекті. Бұл проблеманың негізгі себебі-мультикультурализм мен белсенді көші-қон үдерісінен туындаған жаһандану процесі. Еуропалықтар Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі алғашқы онжылдықтарда ұлттық бірегейлік проблемасын болдырмауға үміттенеді. Бірақ көшіп келу және мәдени әртүрліліктің өсуі нәтижесінде, мультикультурализм әркім осы мәселеге тап болуы керек еді. Бірегейлік проблемасына қызығушылықтың пайда болуы ЕО сияқты саяси білім берудің көпвекторлы сипатының және даму күрделілігінің табиғи салдары болды. Белгілі бір объективті себептердің, ұжымдық бірегейліктің негізінде қалыптасады. Осыған байланысты ұлттық мемлекеттердің азаматтарын ЕО азаматтары ретінде сәйкестендіруге көп көңіл бөлінеді. Бүгінгі таңда әлеуметтанушылардың назарын бұрыннан тартатын ұлттық бірегейлік мәселесі ерекше қызығушылық тудырады.

Тірек сөздер: бірегейлік, ұлттық бірегейлік, мәдениет, жаһандану, Еуропа.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ

Жоламанова А.Ж.¹

¹Магистрант по специальности «6М020200 - Международные отношения»
КазУМОиМЯ им. Абылай хана
Алматы, Казахстан

В статье рассматриваются проблемы формирования единой идентичности в Европе. С момента образования Европейского союза (ЕС) вопрос самоидентификации стал актуальным во всей Европе. Проблема идентичности существует не только в Европе, но и актуальна во всем мире. Основная причина этой проблемы – это процесс глобализации, обусловленный мультикультурализмом и активным миграционным процессом. Европейцы надеялись избежать проблемы национальной идентичности в первые десятилетия после Второй мировой войны. Но в результате иммиграции и роста культурного разнообразия, мультикультурализма каждый должен был столкнуться с этой проблемой. Возникновение интереса к проблеме идентичности стало естественным следствием много векторного характера и сложности развития такого политического образования, как ЕС. Формируется на основе определенных объективных причин, коллективной идентичности выражаются в различных особенностях жизни определенной группы людей. В связи с этим большое внимание уделяется идентификации граждан национальных государств в качестве граждан ЕС. Особый интерес сегодня представляет проблема национальной идентичности, которая давно привлекает внимание социологов.

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, культура, глобализация, Европа.

Статья поступила 26.2.2019

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӨТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және АЙМАҚТАНУ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

BULLETIN
of Ablai Khan KazUIRandWL
series «INTERNATIONAL RELATIONS and REGIONAL STUDIES»

4 (34) 2018
ISSN 2411-8753

Отпечатано в издательстве “Полилингва”

Подписано в печать 16.11.2018 г.
Гарнитура “Times New Roman”. Формат 70х90 1/8.
Объем 5,0 п.л. Заказ № 817. Тираж 300 экз.

Издательство “Полилингва” КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-09
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru